

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Периодичность 4 выпуска в год

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 20. 12. 2019 г. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70х108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ № ____ Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства «Фэн» Академии наук РТ.

Верстка и доредакционная подготовка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел./факс: (843) 292-49-14

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несет ответственности за содержание публикаций. Распространяется бесплатно.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Д.Е., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Р.М., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова А.Р., к-н. ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Р.Р., к-н ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Ответственный секретарь: Балакин Д.А. (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии: Зайнуллин Г.Г., д-р филол.наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сторожук А.Г. – доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кобзев А.И. – доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Семенов А.В. – кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Репенкова М.М. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Усманова Л.Р. – PhD, кан. соц.наук (г. Москва, Россия)

Ко Ен Чоль – PhD, профессор (г. Казань, Россия)

Хабибуллина Э.К. – к.филол.н. (г. Казань, Россия)

Норихиро Наганава – (г. Саппоро, Япония)

Ким Джин Енг – (Республика Корея)

Чон Хенджу – (Республика Корея)

Ташансу Тюркер – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Экрем Калан – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Фан Куок Ань – PhD (культурология), профессор (г. Хошимин, Вьетнам)

Ян Кэ – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Кан Чэн – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Founder: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications

Certificate of registration ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Frequency 4 volumes per year

Distribution area: Russian Federation, foreign countries

Publisher: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Publisher's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Prospekt Pobedy 226a, 420088

Editorial office's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Martyna Mezhlauka st., 3, of. 117, phone +7(843) 22 133 21, 420008

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is published and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI)

Release date of publication: 20. 12. 2019. Offset paper. Digital printing. The format is 70x108 1/16. Circulation: 500 copies. Order № ____ Printed from the layout possessed by "Fen" Publishing House of the Academy of Sciences RT.

Printing address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Baumana st., 20, 420111

Phone/Fax: (843) 292-49-14

Reprinting of journal's contents is allowed only with the written permission of the Editorial Board. Editorial Board is not responsible for the content of publications. Distributed free of charge.

EDITORIAL AND PUBLISHING BOARD:

Editorial director: Martynov D.E., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Science editor: Valeev R.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Chief editor: Alikberova A.R., Candidate of Historical Studies, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Release editor: Mukhametzyanov R.R. Candidate of Historical Sciences, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Executive secretary: Balakin D.A. (Kazan, Russia)

Chairman of the editorial board: Zaynullin G.G., Doctor of Philology, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

EDITORIAL BOARD:

Storozhuk A.G. – Doctor of Philology, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Kobzev A.I. – Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

Semenov A.V. – Candidate of Historical Sciences, Docent (Moscow, Russia)

Repenkova M.M. – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Usmanova L.R. – PhD, Candidate of Sociology (Moscow, Russia)

Ko Young Cheol – PhD, Professor (Kazan, Russia)

Khabibullina E.K. – Candidat of Philological Studies, Docent (Kazan, Russia)

Norihiro Naganawa – (Sapporo, Japan)

Kim Jin Young – (the Republic of Korea)

Chun Hyunju – (the Republic of Korea)

Tashansu Turker – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Ekrem Kalan – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Phan Quang Anh – PhD (cultural science), Professor (Ho Chi Minh, Vietnam)

Yang Ke – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

Kang Cheng – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лемешко Ю.Г., Щекотихина Ю.М. МЕТРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ – 4

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Тун Даньдань. РАССУЖДЕНИЕ ОБ ИНКЛЮЗИВНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ – 10

Ли Сыюань, Мирзиева Л.Р., Зайнуллин Г.Г. ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В КОНЦЕПТЕ «Г» НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ КОНСТРУКЦИИ ГОРОДСКИХ ВОРОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ПЕКИНА – 16

ИСТОРИЯ

Карамова Ю. Ю., Аликберова А. Р. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР – 22

Старовойтова Е.О. ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1894-1895 гг. НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КИТАЯ В РОССИИ – 29

Уткина А.А. ИЗУЧЕНИЕ ПЕРИОДА БАКУМАЦУ В РОССИЙСКОМ ЯПОНОВЕДЕНИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ – 40

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ В КИТАЕ ЭПОХИ ЦИН (вторая половина XIX в.) – 48

Силакова С.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРАЧЕЙ ПРИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ И ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ КИТАЯ – 64

Шульга Д.П. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАННИХ ЧЖОУСКИХ ЗЕРКАЛ – 73

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аликберова А.Р., Балакин Д.А. ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ – 77

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Пужаев А.А. СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЯПОНИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ – 82

Козлова А.В., Ибатуллина Д.Г. ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ АССИМИЛЯЦИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ – 94

Хузина А.И., Васильева Е.В. ПХАНСОРИ КАК ЖАНР КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ – 101

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Lemeshko Y.G., Schekotikhina Y.M. METROLOGICAL VOCABULARY OF THE MODERN CHINESE LANGUAGE: THE CHARACTERISTICS OF FUNCTIONING – 4

PHILOSOPHY AND CULTURE

Tong Dandan. DISCUSSION ON THE INCLUSION OF RUSSIAN CULTURE – 10

Li Siyuan, Mirzaeva L.R., Zaynullin G.G. A PROBE INTO THE "GATE" CULTURE IN CHINA — TAKING THE CONSTRUCTION PATTERN ON THE OLD CITY GATE IN BEIJING AS AN EXAMPLE – 16

HISTORY

Karamova U.U. Alikberova A.A. THE MAIN STAGES OF THE DIALOGUE DEVELOPMENT BETWEEN THE REPUBLIC OF KOREA AND THE RUSSIAN FEDERATION: A BRIEF OVERVIEW – 22

Starovoitova E.O. INFLUENCE OF THE SINO-JAPANESE WAR (1894-1895) ON THE IMAGE OF CHINA IN RUSSIA – 29

Utkina A.A. STUDY OF THE BAKUMATSU PERIOD IN RUSSIAN JAPANESE STUDIES: BRIEF REVIEW OF LITERATURE – 40

Martynov D.E., Martynova Y.A. EVOLUTION OF REPRESENTATIONS ON HISTORICAL TIME IN CHINA OF THE QING ERA (SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY) – 48

Silakova S.A. ACTIVITIES OF DOCTORS IN THE RUSSIAN ORTHODOX MISSION AND THE STUDY OF CHINESE TRADITIONAL MEDICINE – 64

Shulga D.P. THE ORIGIN OF EARLY ZHOU DYNASTY MIRRORS – 73

POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Alikberova A.R., Balakin D.A. DIGITAL DIPLOMACY WITH CHINESE SPECIFICITY – 77

YOUNG SCIENTISTS

Puzhaev A.A. MODERN FOREIGN POLICY ACTIVITY OF JAPAN IN THE CENTRAL ASIAN REGION – 82

Kozlova A.V., Ibatullina D.G. PROCESS AND RESULT OF ASSIMILATION OF AMERICAN ENGLISH BORROWINGS IN JAPANESE LANGUAGE – 94

Khuzina A.I., Vasilyeva E.V. PANSORI AS A GENRE OF KOREAN LITERATURE: MEANING AND PARTICULAR QUALITIES – 101

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сегодня вы держите в руках уже третий номер журнала «СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES». Журнал становится известным не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом, доказательством тому служат статьи наших иностранных коллег. Совсем недавно (15-17 ноября 2019 г.) состоялась международная конференция «Узбекистан-Китай на новом этапе: развитие культурно-исторических, научных и экономических отношений» в г. Ташкент (Республика Узбекистан), где также прошла презентация научного потенциала нашего журнала. Благодаря вашим статьям и серьезной научно-исследовательской работе мы совместными усилиями создаем новые перспективы для творчества, укрепляем имеющиеся связи и коллаборации. Отрадно видеть среди наших авторов молодых коллег, только начинающих свою научную деятель-

ность, но уже ведущих актуальные, высокопрофессиональные и практикоориентированные исследования в области востоковедения.

За последний месяц Редакционной коллегией сделано много для улучшения качества проведения экспертизы текста, создается сайт журнала, подготовлены документы по вхождению в различные базы данных, ведутся переговоры по сотрудничеству с зарубежными журналами. Мы открыты к диалогу со своими авторами и хотели бы получать обратную связь. Если у вас есть предложения или комментарии, касающиеся деятельности журнала, или вы заинтересованы в проведении дополнительной экспертизы текста, рецензировании статей, тогда пишите на электронную почту Редколлегии: modernorientalstudies@gmail.com.

*С уважением,
Редакционная коллегия журнала
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»*

МЕТРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

METROLOGICAL VOCABULARY OF THE MODERN CHINESE LANGUAGE: THE CHARACTERISTICS OF FUNCTIONING

Лемешко Юлия Геннадьевна, канд. филол. наук

Щекотихина Юлия Михайловна

Институт гуманитарных технологий, Российский новый университет (РосНОУ)

ulemeshko@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности функционирования метрологической лексики в современном китайском языке. Приведены примеры использования метрологической лексики в разных типах дискурса. Проанализированы особенности употребления китайских единиц измерения в современной прозе и поэзии. Даны рекомендации по переводу метрологической лексики на русский язык. Авторы приходят к выводу, что переход на международную систему единиц не отразился на активном использовании носителями языка традиционных мер длины.

Ключевые слова и фразы: *современный китайский язык, китайские единицы измерения, метрологическая лексика, культурно-маркированная лексика, перевод.*

Для цитирования: *Лемешко Ю.Г., Щекотихина Ю.М. Метрологическая лексика современного китайского языка: особенности функционирования. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 4-9.*

ABSTRACT

The article considers specifics of metrological vocabulary functioning in the modern Chinese language. It provides examples of metrological lexis usage in different types of discourses and analyses specifics of Chinese measurement words usage in contemporary literature (prose and poems). The article also presents guidelines for translating metrological lexis into the Russian language. The authors conclude that the transition to the international system of units did not affect the active use of the traditional measurement words by the native speakers.

Key words and phrases: *smodern Chinese, Chinese unit of measurement, metrological vocabulary, culturally-marked vocabulary, translation.*

For citation: *Lemeshko Y.G., Shekotikhina Y.M. Metrological vocabulary of the modern Chinese language: the characteristics of functioning. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 4-9.*

На начальном этапе обращения к метрологической лексике (таковая относится к культурно-маркированной) мы взяли ориентир на две установки: во-первых, слово, обозначающее традиционную меру длины, проходя через время и расстояние, неоднократно меняло свое значение. Сегодня шагами меряют тишину, фраза «пара шагов» не несет никакой информации и т.д. Во-вторых, первоначально во многих культурах метрологическая лексика была антропометрической. В древности расстояние между стопами ног при движении называлось шагом, например, в древнекитайских текстах мы находим слово «шаг» бу 步, которое в наше время обозначает длину равную примерно 1,6 м. Многие лексические единицы в древности были связаны с ладонью и рукой («вершок» цунь 寸 в древнекитайском – это длина выпрямленного пальца или длина участка артерии на запястье, от кисти до места, где обычно измеряют пульс).

Метрологическая лексика в современном китайском языке функционирует в разных типах дискурса: разговорно-бытовом, художественном, научном. Свою задачу мы видим в том, чтобы описать частную лексику современного китайского языка, обозначающую меру длины. Говоря о переводческих стратегиях при работе с метрологической лексикой, следует помнить, что существуют образные выражения, которые трудно транслировать в иную культуру, в противоположность культурным универсалиям. Как передать на китайский язык словосочетание «километровая очередь», которое активно использовалось во времена тотального дефицита в СССР? Возможно, это

словосочетание будет переведено как пай чанлун 排长龙 (дословно: «располагаться», «выстраиваться» + «длинный дракон»).

Признавая тот факт, что далеко не вся культурно-маркированная лексика имеет межъязыковые эквиваленты, мы придерживаемся точки зрения, что при работе с китайским текстом следует использовать разные методы перевода – полного и частичного эквивалентного перевода, и методы дословного, описательного и комбинированного переводов. В большинстве случаев переводчик, не найдя эквивалента в русском языке, избегает дословного перевода китайской единицы длины или образного выражения, описывающего расстояние. Словари и справочники, предлагая нейтральные варианты перевода, часто нивелируют оригинальность и стилистическую окрашенность номинации. Иногда отказ переводчика от дословного перевода обусловлен отсутствием у широкой аудитории фоновых знаний о культуре Китая. Для выражения «покупатели выстроились в извивающуюся очередь, напоминая хвост дракона», русским переводчиком был выбран нейтральный вариант – «выстроились в длинную очередь». Для китайцев лун (дракон) – это змеевидное животное, в представлении носителей западной культуры дракон – вертикально стоящий Змей Горыныч. В данном случае вполне объяснима замена образного выражения на нейтральное – «длинная очередь».

Актуальность проводимого исследования заключается в том, что за счет привлечения нового материала возможно еще одно обращение к проблеме адекватности перевода китайских

культурно-маркированных слов, в нашем случае метрологической лексики. Обращение к переводу метрологической лексики (в частности, единиц длины) важно и потому, что некоторые слова, обозначающие традиционные меры измерения, до сих пор используются современными китайцами в разговорной речи, их можно встретить в произведениях современной литературы.

В процессе написания работы был проведен опрос среди китайцев (количество респондентов – 58), и предпринята попытка определить основные особенности функционирования и текстовой реализации слов цунь 寸, чжи 尺, чжан 丈, ли 里. В ходе проведения небольшого социолингвистического исследования мы постарались еще раз поднять проблему взаимосвязи языка, сознания, повседневности и бытовой деятельности. Анализ примеров функционирования выбранной лексики доказывает наличие этнических констант в современной картине мира китайского этноса. Молодежь ориентирована на метры, километры, английские дюймы, тем не менее для молодых людей не являются архаичными древнекитайские единицы длины. Даже если респонденты (в силу возраста, образования и т.д.) выдавали разные интерпретации использования культурно-маркированной лексики, мы не увидели внутриэтнического конфликта.

В традиционной китайской системе измерения величин наименьшей единицей длины является цунь 寸, «вершок», равный 3,33 см. Помимо обозначения длины слово цунь может иметь значения «крошечный», «ничтожный» или «кусочек».

Один из респондентов (пров. Хэбэй) подчеркнул, что в деревнях до сих пор используется данная мера длины. Жители деревень, предпочитая традиционный цунь 寸, безусловно знают о миллиметрах и сантиметрах, их инертное аграрное мышление демонстрирует парадоксальное неподчинение ритму нового века. Больше половины респондентов отметили, что слово цунь 寸 широко используется в профессиональном лексиконе портных, швей, дизайнеров одежды и т.д. (к «портняжному» вопросу мы вернемся ниже).

Возможно, стоит отметить, что многие респонденты употребляли однослог цунь, имея в виду английский дюйм ин цунь 英寸, 2,54 см (применительно к смартфонам, ЖК-экранам, багажу, размерам крепежа, инструмента, оборудования, покрышек колес и т.д.).

Рассмотрим пример функционирования слова цунь 寸 в современной прозе и поэзии.

Юй Хуа (р. 1960г.) в романе «Братья», описывая самоубийство одного из героев, прибегает к традиционной единице длины для обозначения размера гвоздя: 他们说那根大铁钉足足有两寸多长, 他怎么就把它全部砸进了自己的脑袋, 而且砸得和脑袋一样平整, ... [1, с. 205]. — Говорили, что тот гвоздь был длиной больше, чем шесть сантиметров — как только он сумел впихнуть его весь себе в голову, да еще и по самую шляпку, ...? (Перевод Ю. А. Дрейзис) [2].

В стихотворении современного поэта Тай Куана (р. 1971г.) «Ночной поезд» можно встретить строку: 既没向后也没向前, 多移动半寸。 —

Ни вперёд, ни назад, не смещаясь больше полутора сантиметров (Перевод Ю. А. Дрейзис) [3].

Далее рассмотрим функционирование единицы измерения чир, которая сегодня указывает на длину равную 33,3 см. Ю.Л. Кроль пишет, что чир – это эталонный размер, «начиная с Чжоу, он был равен длине свирели Хуан-ди» [4, с. 215]. Предполагают, что благодаря внешнему сходству со свирелью в языке появился двуслогный чир, означающий «линейка».

В повседневной жизни, как отмечают опрошенные, слово чир чаще всего сегодня используют для измерения длины ткани, например, – 九尺红布条 – девять футов красной ленты. У слова 尺寸 «размер» есть второе значение «мерка», самым частотным выражением можно считать «снять мерку», т.е. дословно: 给 N尺寸 «обмерить чир и цунь».

Здесь мы отмечаем, что при переводе на русский язык большинство китаистов, работая с произведениями современных писателей, слово чир переводят как «фут». Мо Янь (р. 1955г.) в романе «Сандаловая казнь» описывает сандаловое дерево: 一根长约五尺、宽约五分的紫檀木材。— Сандаловое дерево было длиной около пяти футов и шириной почти в половину длины [5, с. 353].

Слово чир можно встретить в современной поэзии, например: 阴霾拨开, 是百尺雷啸。Когда мгла распахнётся, гром ударит на сотни шагов (стихотворение Чжоу Мэнде в переводе Ю.А. Дрейзис) [6].

丈 чжан – единица измерения расстояния в китайском языке, равная 3,33 м.

В «Истории чая и человека» Ван Сюфэн (р. 1955 г.) указывает точные размеры камня у храма Тяньчжу в городе Ханчжоу: 那高约三丈、宽约六丈的三生石, 就在莲花峰下, ...

— Камень трех существований, высотой около 10 метров и шириной 20 метров, находился под пиком лотосов [7, с. 205].

里ли, «верста» – единица измерения большого расстояния, равная 500 м.

Современный писатель Шэнь Цунвэнь (1902-1988) в «Повести об охоте на дикого кабана» изменяет расстояние до кладбища в ли, которое мы перевели в верстах: 土坟子离我们寨里说是五里, 其实不过三里。— Казалось, что до могилы от нашей деревни верст пять, но на самом деле не будет трех [7, с. 205].

Лю Юминь (р. 1951 г.) в «Беспокойной осени» умышленно обращается к данной единице измерения для придания деревенского колорита. Переводчику, в свою очередь мы не рекомендуем переводить расстояние в километры: 自然, 路程并不会因为这种亲近而缩短, 八里还是八里。— Конечно, путь, несмотря на такие близкие отношения, не станет короче, восемь верст – есть восемь верст [9, с. 54].

Обращение к культурно-маркированным лексическим единицам, включающим в свой состав цунь寸, чир, чжан 丈, лили подтвердило положение о том, что с уходом реалии языковая номинация гораздо медленнее, но также уходит из употребления. Впоследствии такие слова и выражения становятся историзмами, например – слово «золотые лотосы», обозначающее

бинтованные ноги китаянок (саньцунь цзиньянь 三寸金莲, дословно: «золотой лотос размером 3 цуня»).

К устаревшим словам респонденты возрастом до 23 лет отнесли слово саньцуньту 三尺土 «могила», которое еще полвека назад широко использовалось в Китае. В рассказе Шэнь Цуньвэня «Отец» мы находим следующие строки: 睡到这高岸上三尺土下的年青的人, 显然是非常安静, 灵魂已离开了这里, ... — Юноше, уснувшему у могилы под высоким берегом, было безмятежно, души уже покинули это место... [10, с. 227]. В настоящее время слово саньчиту (三尺土 дословно: «клочок земли размером три чи») вышло из употребления и его заменили другие лексические единицы.

В заключении мы пришли к выводу, что интеграционные процессы оправдали необходимость перехода к единому обозначению единиц измерения. В текстах научного, официально-делового стилей используют только единицы европейской системы мер длины (毫米мм, 厘米 см, 分米дм, 米 м, 公里 км). Интернациональный характер такой лексики не создает проблем с переводом.

Согласно утверждениям респондентов, в наше время в Китае (особенно в деревенской местности) продолжают использовать традиционные единицы длины, а не стандартные метры и километры, что было подтверждено нашим обращением к произведениям современных писателей и поэтов. Переводчики, работающие с генетически и структурно разными языками, в большинстве случаев сначала при-

бегают к сопоставительному анализу лексики, репрезентирующей единицы длины в русском и китайском языках, и только после этого выбирают между двумя возможными вариантами: использовать традиционные русские меры длины или свести к переводу «длинный» – «короткий». Последний исключает риск потери экспрессивной функции слова поскольку нас интересует прежде всего степень точности при переводе реалий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Юй Хуа. Братья. Том 1. Шанхай: Шанхай вэнь чубаньшэ, 2005. — 247 с.
2. Дрейзис Ю. А. Юй Хуа. Братья (Перевод с китайского, примечания и послесловие Юлии Дрейзис). — М.: Текст, 2015. — 574 с.
3. Дрейзис Ю.А. Шкурка из плоти. Переводы Тай Куана [Электронный ресурс]. URL: <https://versevagrant.com/2019/08/15/шкурка-из-плоти-переводы-тай-куана/> (дата обращения: 16.10.2019).
4. Кроль Ю. Л., Романовский Б. В. Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. Выпуск XXIII. Дальний Восток (История, этнография, культура). М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 209-243.
5. Мо Янь. Сандаловая казнь. Пекин: Цзоцзя чубаньшэ, 2001. – 518 с.
6. Дрейзис Ю.А. Беззаботное скитание. Переводы Чжоу Мэнде [Электронный ресурс]. URL: <https://versevagrant.com/2018/11/14/беззаботное-скитание-переводы-чжоу-м/> (дата обращения: 16.10.2019).

7. Ван Сюфэн. История чая и человека. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2004. – 539 с. [https://versevagrant.com/2018/11/14/bezzabotnoe-skitanie-perevody-chzhou-m/\(data obrashcheniya: 16.10.2019\).](https://versevagrant.com/2018/11/14/bezzabotnoe-skitanie-perevody-chzhou-m/(data obrashcheniya: 16.10.2019).)
8. Шэнь Цунвэнь. Повесть об охоте на дикого кабана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.millionbook.com/mj/s/shencongwen/mg/005.htm> (дата обращения: 17.10.2019).
9. Лю Юминь. Полное собрание сочинений Лю Юмина. Беспокойная осень. Чанша: Цинцуйго шуцзюй чжунсинь, 2016. – 2807 с.
10. Шэнь Цунвэнь. Собрание сочинений Шэнь Цунвэня. Отец. Бэйюэ вэньи чубаньшэ, 2002. – 229 с.
7. Van Xiufen. Istoriya chaya i cheloveka. Pekin: Zhen'min' ven'syue chuban'she, 2004. – 539 s.
8. Shen' Cunven'. Povest' ob ohote na dikogo kabana [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.millionbook.com/mj/s/shencongwen/mg/005.htm> (data obrashcheniya: 17.10.2019).
9. Lyu Yumin'. Polnoe sobranie sochinenij Lyu Yumina. Besspokojnaya osen'. Changsha: Cincujgo shuczyuj chzhunsin', 2016. – 2807 s.
10. Shen' Cunven'. Sobranie sochinenij Shen' Cunvenya. Otec. Bejyue ven'i chuban'she, 2002. – 229 s.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Yu Hua. Brat'ya. Tom 1. SHanhaj: SHanhaj ven'i chuban'she, 2005. — 247 s.
2. Drejzis Y. A. Yu Hua. Brat'ya (Perevod s kitajskogo, primechaniya i posleslovie Yulii Drejzis). — M.: Tekst, 2015. — 574 s.
3. Drejzis Y.A. Shkurka iz ploti. Perevody Taj Kuana [Elektronnyj resurs]. URL: <https://versevagrant.com/2019/08/15/shkurka-iz-ploti-perevody-taj-kuana/> (data obrashcheniya: 16.10.2019).
4. Krol' Yu. L., Romanovskij B. V. Opyt sistematizacii tradicionnoj kitajskoj metrologii // Strany i narody Vostoka. Vypusk XXIII. Dal'nij Vostok (Istoriya, etnografiya, kul'tura). M.: Nauka, GRVL, 1982. S. 209-243.
5. Mo Yan'. Sandalovaya kazn'. Pekin: Czoczya chuban'she, 2001. – 518 s.
6. Drejzis Y.A. Bezzabotnoe skitanie. Perevody Chzhou Mende [Elektronnyj resurs]. URL:

INFORMATION ABOUT AUTHORS

PhD in Philology, **Lemeshko Julia Gennadevna**

Institute of Humanitarian Technologies

Russian New University

E-mail: ulemeshko@mail.ru

Bachelor, **Shchekotikhina Julia Mikhailovna**

E-mail: shekotihina2010@yandex.ru

Принята к публикации: 15.11.2019 г.

Submission Date: 2019.11.15

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ИНКЛЮЗИВНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

DISCUSSION ON THE INCLUSION OF RUSSIAN CULTURE

*Тун Даньдань, аспирант
Институт философии СПбГУ
tun-fengdan@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

В мировой культуре разнообразие заключается в инклюзивности важных проявлений культурных особенностей. Русская культура - это тип культурной истории, созданный русским народом, определяемый уникальной структурой русского национально-го самосознания. Русская национальная культура постепенно формируется в обменах и конфликтах между древней славянской культурой и иностранной культурой. В то же время русская культура имеет много противоречивых характеристик; они связаны с противопоставлением Востока и Запада в историческом развитии русского государства. В процессе культурного развития России на протяжении более тысячи лет существовала борьба между двумя культурными факторами Востока и Запада. И из восточного, и из западного опыта Россия извлекала уроки; так что можно сказать, что оба фактора повлияли на формирование русской культуры. В связи с этим можно утверждать, что России присуще евразийство, являющееся комбинацией западных и восточных черт. Иначе говоря, русская культура инклюзивна.

В данной статье рассматривается проблема конкуренции между русской культурой и зарубежной культурой. Помимо этого освещается, каким образом происходит переход от конфликта культур к их единству и отражается взгляд российских и китайских исследователей на развитие судьбы российской культуры.

Ключевые слова: инклюзивность культуры, восточная культура, западная культура, конфликт культур, евразийство.

Для цитирования: Тун Даньдань. Рассуждение об инклюзивности русской культуры. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 10-15

ABSTRACT

The diversity of world cultures lies in the inclusiveness of important features. Russian culture is a type of cultural history created by the Russian people, defined by the unique structure of the Russian national identity. Russian national culture is gradually formed in exchanges and conflicts between ancient Slavic culture and foreign culture. At the same time, Russian culture has many contradictory characteristics. They are connected with the opposition of East and West. Throughout the millennial history of Russia there was a struggle between two cultural factors of the East and the West. Russia has learned lessons from the Eastern and Western experience. Both factors influenced the formation of Russian culture. In this regard, it can be argued that Russia is inherent in Eurasianism, which is a combination of Western and Eastern features. In other words, Russian culture is inclusive.

This article describes the problem of competition between Russian culture and foreign culture. The article highlights the process of transition from the conflict of cultures to their unity, reflects the view of Russian and Chinese researchers on the fate of Russian culture.

Key words: inclusiveness of a culture, the Eastern culture, the Western culture, a conflict of cultures, eurasianism.

For citation: Tong Dandan. Reasoning about the inclusiveness of Russian culture. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 10-15

ВВЕДЕНИЕ

Культура носит практический характер и создается, и развивается в социальной практике человека. Разнообразие культуры, в конечном итоге, зависит от разнообразия форм социальной активности человека и характера содержания. Для мировой культуры характерно разнообразие, что является важным проявлением открытого и всеобъемлющего характера культуры. Эта особенность не означает, что инклюзивность одной культуры в другую является абсолютной и бесконечной, а инклюзивность, возникающая между разными культурами, условна и избирательна. В исторической культуре основной контент, отражающий разные интересы и позиции, не только инклюзивен, но также и может содержать в себе конфликт и противоречия. Соответственно, русская культура также характеризуется множеством противоречивых характеристик, что связано с борьбой Востока и Запада в развитии русской истории. В связи с этим русской национальной культуре необходимо найти свое жизненное пространство в условиях конкуренции современных культур. В статье речь идет о том, как Россия формирует свою уникальную культуру в такой ситуации. Предполагается, что именно благодаря различным культурным формам в России взаимодействие между разными культурами становится возможным. Без разнообразия культурных форм и культурного развития не будет проблем культурного обмена и интеграции, и не будет культурных конфликтов и инклюзивности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическим материалом для исследования и написания представленной статьи стали научные публикации отечественных и зарубежных ученых Викторов А.Ш. и Ян Гуаньдай. В качестве методов используется анализ, синтез и абстрагирование.

С 1830 по 1840 гг. с усилением российского самодержавного крепостного кризиса, развитием классовой борьбы, дальнейшим обострением противоречий в интеллектуальной среде, проявлением определенных социально-политических тенденций литературные и философские объединения постепенно все больше обособляются от общества. К примеру, славянская фракция (получившая название "славянофилы") была впервые отделена от русского идеологического круга. Ее учредителями были А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. Основная идея кружка заключалась в том, что Россия должна придерживаться своего уникального пути развития. В рамках выстроенной концепции Россия должна была пойти своим собственным особым путем, идеализируя свои уникальные институциональные возможности, прежде всего, сельские коммуны и православную церковь.

Почти одновременно со славянофилами возникло совершенно противоположное по суждениям философское течение, которое именовалось "западники". Оно появилось в «двух пекинских» районах Москвы и Петербурга. Объединение московских западников было образовано в 1841-1842 годах. Согласно «законам» того времени, все те, кто выступали против славянофилов в идеологических дебатах, принадлежали к западникам. Это были П. В. Анненков, В. П. Боткин, К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, П. Н. Кудрявцев, Н. Х. Кетчер, Е.Ф. Корш, Н. Ф. Павлов [Блохинская, 2007, С. 135]. Западники считали, что Россия должна следовать историческому пути развития западноевропейских стран, поэтому они выступали за осуществление европеизации России: в политической системе они отрицали самодержавный режим монархии, выступали за реализацию западноевропейской модели конституционной монархии и системы коллегиальности, ограничение власти монархии, гарантии свободы слова, проведение судебных процессов и так далее.

Западники придавали идеалу решающее значение, выступая за идеи индивидуальной свободы [Купцова, 2010, С. 46].

В истории русской мысли с 19 по 20 вв. противостояние и борьба между западноевропейскими и славянскими объединениями продолжались повсюду. В 1980-х и 1990-х годах спор между Солженицыным и Сахаровым был фактически продолжением спора между славянской и западноевропейской сторонами о двух путях развития в России. Солженицын призывал Россию придерживаться уникального пути, а Сахаров – идти на Запад. Первый придерживался национализма, а второй – либерализма [Викторов, 2004, С. 76]. Поэтому двум российским интеллектуалам сложно было совместить в единую концепцию национализм и либерализм, что неизбежно оказало бы значительное влияние на будущее развитие России.

Противостояние и конфликт между различными культурами — это явление, неизбежное в культурном общении и развитии. Это также неизбежный исторический феномен культурных обменов и интеграции. Инклюзивная культура характеризуется взаимодействием с какой-либо культурой и в своём развитии не является абсолютно закрытой и консервативной. В культурном обмене и развитии этнических культур отрицание культурно инклюзивных взглядов является узко националистическим актом. Материальное производство и духовное производство, материальное общение и духовное общение, осуществляемое людьми в общественной жизни, не являются постоянными и застойными. Изменения и развитие материальной и духовной жизни людей определяют, что культура также должна меняться и развиваться.

Поэтому из спора западников и славянофилов следует, что в русской традиционной культуре и мышлении не хватает инклюзивности и толерантности. Однако в 10–20-е годы

20-го века в России прослеживается тенденция обращения к Евразии. Как и двуглавый орел на российском флаге, страна смотрит на Восток и на Запад. Можно также сказать и о направлении российской мысли, в которой национализм сочетается с либерализмом [Ян Гуаньдай, 2001, С. 54].

В 10-м веке Киевская Русь провозгласила православие государственной религией. Непосредственно соприкоснувшись с наиболее развитой частью европейской цивилизации того времени, Киевская Русь сделала огромный скачок в своем развитии и, что более важно, с тех пор Россия установила прямую связь с европейской цивилизацией [Вдовина, 2013, С. 2319].

Монгольское вторжение в 13-м и 15-м веках сильно разрушило русскую национальную культуру и заблокировало связь между Россией и Западом. В то же время это и сделало русскую общественную жизнь более ориентированной на восток. В эпоху монгольского владычества в России восточная цивилизация оказала сильное влияние на становление культуры и на изменение ментальности народа. Можно заметить, что до формирования современной нации в 15-16 веках Россия уже совмещала в себе элементы как западной культуры, так и восточной [Федуленкова, 2015, С. 106].

В 1920-х годах среди русских эмигрантов на Западе группа ученых, представленная Трубецким, Савицким и др. предложила совместить евразийские идеи с русскими характеристиками. Теория основывалась на особенностях географического расположения страны в Европе и Азии. Его в том числе можно считать предпосылкой для инклюзивности русской многоэтнической культуры. Главная цель данной теории - противостоять безоговорочному подражанию Западу и искать путь национального развития, в сущности, российской коренной цивилизации. В то же время евразийство наследует некоторые идеи славянофилов. Они считали, что, руководствуясь внутренними

национальными интересами и устоями, страна может добиться наивысшей точки своего развития. Сторонники евразийской концепции подчеркивают, что «Россия — это великое сочетание Востока и Запада. Она — целостный и огромный мир. Русская нация обладает великой властью. Русская нация — это будущее нации». Идея евразийства заключалась в том, что только с помощью сильной страны Россия сможет добиться полного изменения и избавиться от кризиса. Только сохранив свою силу и независимость, Россия сможет сыграть новую культурную и политическую роль в мировой семье [Яо Хай, 2007, С.105].

На данный момент российская идеология и культура не консервативны, а открыты. Состояние власти, национальное мировоззрение, основанное на новом многополярном мировом порядке, не идет по пути отрицания или слепого подражания только западной экономике, политической модели и системе ценностей, но и принимает концепцию Востока, считая Азию и Европу одинаково важными. Евразийство, как особое мировоззрение, отличается от других доктрин и поэтому может быть единодушно признано многими политическими группировками в различных сферах российского общества. Евразийство не только соответствует характеристикам многих этнических групп России и различным верованиям, но также помогает сконцентрировать и мобилизовать силу всего общества для развития России, предотвратить разделение национальной культуры и местный сепаратизм и принять во внимание культурную модель, в которой доминирует Запад. Россия стремится к благоприятному развитию [Лю Ин, 2008, С. 68]. Эта инклюзивность в основном проявляется в следующих аспектах: у русских есть как жизненные привычки восточных жителей, так и обычаи западных людей: например, западные жители в основном пьют кофе, а восточные — в основном чай. Русские любят пить кофе и любят чай, чай

и кофе необходимы для развлечения гостей. Судя по традиционным русским обычаям брака, русские заявили, что женятся после свиданий, сватовства, помолвки и свадебной церемонии. Невеста получает выкуп от жениха и, в свою очередь, приносит приданое. Эти черты присущи восточной культуре. При этом венчание проводится в церкви в соответствии с православным ритуалом, и священник организует свадьбу. Так выглядит западная традиция. Поэтому можно утверждать, что русские восприимчивы как к западному, так и к восточному; иногда они очень рациональны, а иногда — эмоциональны [Ян Хуа, 2010, С. 98].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Культуры взаимодействуют друг с другом по причине инклюзивности. Из-за этого разные культуры могут существовать параллельно, учиться друг у друга и усваивать лучшее для собственной цели, заключающейся в оптимизации своей культурной структуры и культурного содержания.

Поэтому было установлено, что в процессе модернизации в России проявляется ориентация как на Восток, так и на Запад. В сочетании с исконной славянской культурой данный путь развития, наконец, сформировал исторический феномен интеграции всех этих самодостаточных культур. Россия модернизируется в условиях столкновения и интеграции таких разных западных и восточных цивилизаций. Кроме того, российский народ все больше приобретает свою специфику, набирает жизненные силы, прогрессирует и влияет на восточную и западную цивилизации.

ВЫВОДЫ

Инклюзивность сама по себе подразумевает критику другой культуры и заимствования из неё. В общении культур одна из них стремится к приобретению преимуществ форм иных культур для введения новшеств в свой культурный контент. В культурных обменах

различной природы культурное содержание с большей вероятностью приведет к культурной оппозиции и конфликтам.

Из вышесказанного можно сделать вывод: несмотря на то, что в истории русской культуры был недолгий период культурного отчуждения, Россия своевременно скорректировала свое направление в соответствии с развитием, демонстрируя терпимость к культуре. Русская нация уверена в собственной культуре и никогда не станет «западной» или «восточной». Возможно, только сочетая универсальные ценности восточной и западной культур с традиционными ценностями России, проверенными временем, мы сможем лучше понять Россию и объяснить вчерашнюю, сегодняшнюю и завтрашнюю ситуацию, складывающуюся в стране.

Если бы русская культура не являлась инклюзивной, то в ней не было бы богатых культурных форм и категорий (напр., культура христианства, ислама, культуры 180 национальностей, проживающих на территории России, и т.д.). Обмены и интеграции между различными культурами в России также доказывают, что культура инклюзивна.

Развитие современной науки и техники, а также растущая частота международных обменов делают мир все доступнее, что создает лучшие условия для возможности выносить суждения о вероятном преодолении культурных барьеров в межкультурной коммуникации. Гибкость, открытость к инновациям является необходимым условием для развития и сохранения каждой нации. Поэтому инклюзивность культуры может поглотить превосходство других культур для развития самой культуры и принять дружественное и совместимое отношение к другим культурам. Но бесспорным

фактом является и то, что культурные факторы представителей разных этнических групп будут влиять на общение или даже вызывать конфликты из-за культурных барьеров в процессе взаимного контакта.

Таким образом, понимание культурных факторов каждой страны особенно важно для межкультурного общения. Понимание национальной культуры другого человека и поиск общих позиций, несмотря на имеющиеся различия, являются благоприятными гарантиями для успешного развития межкультурного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блохинская Л.О. Приобщение к основам русской культуры иностранных учащихся на занятиях по "Истории русской культуры" в ВУЗе К. Л. Михайловой // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 76. С. 139-142.
2. Купцова И.А. российская цивилизация, русская культура, культура русской провинции: характеристики и взаимодействие // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 2 (34). С. 41-47.
3. Викторов А.Ш. Русская культура. Основные тенденции современного развития // Макс Пресс. 2004. С. 75-83.
4. Ян Гуаньдай. 外来文化与俄罗斯政治社会的发展 / Зарубежная культура и развитие российского политического общества // Форум Северо-Восточной Азии. 2001. № 1. С. 51-55.
5. Вдовина А.А. П.П. Пазолини и русская культура: социальные и духовные причины обращения Пазолини к русской культуре // Издательский Дом "Академия Естествознания". 2013. № 10-10. С. 2318-2321.
6. Федюленкова Т.Н. Русская культура через

- призму храмов (учебный спецкурс на английском языке для иностранцев, изучающих русскую культуру) // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 12-1. С. 105-106.
7. Яо хай. Русская культура. Институт социальной науки Шанхая. 2007. 375 с.
 8. Лю Ин. 俄罗斯民族认同中的政治文化指向 / Политическая и культурная направленность в российской национальной идентичности // Сибирская академия. 2008. № 35 (3). С. 65-74.
 9. Ян Хуа. 俄罗斯中东文化特质的形成及其表现 / Формирование и исполнение русских ближневосточных культурных особенностей // Журнал педагогического государственного университета. Сер. Социально-философский наук. 2010. № 5. С. 90-105.
 - Severo-Vostochnoj Azii. 2001. № 1. С. 51-55.
 5. Vdovina A.A. P.P. Pazolini i russkaya kul'tura: social'nye i duhovnye prichiny obrashcheniya Pazolini k russkoj kul'ture // Izdatel'skij Dom "Akademiya Estestvoznaniya". 2013. № 10-10. С. 2318-2321.
 6. Fedulenkova T.N. Russkaya kul'tura cherez prizmu hramov (uchebnyj speckurs na anglijskom yazyke dlya inostrancev, izuchayushchih russkuyu kul'turu) // Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2015. № 12-1. С. 105-106.
 7. Yao Hai. Russkaya kul'tura. Institut social'noj nauki SHanhaya. 2007. 375 s.
 8. Liu Yin. 俄罗斯民族认同中的政治文化指向 / Politicheskaya i kul'turnaya napravlennost' v rossijskoj nacional'noj identichnosti // Sibirskaya akademiya. 2008. № 35 (3). С. 65-74.
 9. Yan Hua. 俄罗斯中东文化特质的形成及其表现 / Formirovanie i ispolnenie russkih blizhnevostochnyh kul'turnyh osobennostej // Zhurnal pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Social'no-filosofskij nauk. 2010. № 5. С. 90-105.
- BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:**
1. Blohinskaya L.O. Priobshchenie k osnovam russkoj kul'tury inostrannyh uchashchihsya na zanyatiyah po "Istorii russkoj kul'tury" v VUZe K. L. Mihajlovoj // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2017. № 76. С. 139-142.
 2. Kupcova I.A. rossijskaya civilizaciya, russkaya kul'tura, kul'tura russkoj provincii: harakteristiki i vzaimodejstvie // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2010. № 2 (34). С. 41-47.
 3. Viktorov A.SH. Russkaya kul'tura. Osnovnye tendencii sovremennogo razvitiya // Maks Press. 2004. С. 75-83.
 4. YAn Guan'daj. 外来文化与俄罗斯政治社会的发展 / Zarubezhnaya kul'tura i razvitie rossijskogo politicheskogo obshchestva // Forum
- INFORMATION ABOUT AUTHOR**
- Tong Dandan**, graduate student
Institute of Philosophy, St. Petersburg State University
tun-fengdan@yandex.ru
- Submission Date: 2019.10.25*
Принята к публикации: 25.10.2019

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В КОНЦЕПТЕ «门»
НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ КОНСТРУКЦИИ ГОРОДСКИХ ВОРОТ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ПЕКИНА

A PROBE INTO THE "GATE" CULTURE IN CHINA — TAKING THE CONSTRUCTION
PATTERN ON THE OLD CITY GATE IN BEIJING AS AN EXAMPLE

中国“门”文化浅析——以北京旧城门建设格局为例

Ли Сююань

Hunan International Business Vocational College

Confucius Institute in Kazan Federal University

李思元

湖南外贸职业学院

喀山联邦大学孔子学院

Мирзиева Лейсан Рифхатовна

Kazan Federal University Institute of Oriental Studies and International Relations

Зайнуллин Габдулзямиль Габдулхакович

Kazan Federal University Institute of Oriental Studies and International Relations

120151687@qq.com

АННОТАЦИЯ

Ворота являются одним из элементов архитектуры, выполняя функцию входа и выхода из здания. Они также играют важную роль в китайской классической архитектурной системе. С одной стороны, ворота из примыкающего к зданию архитектурного компонента перерастают в отдельную единицу, становясь формирующим ядром построек внутреннего двора, а с другой, они выполняют не только практическую или историческую функции, но также отражают строгую иерархическую систему, которая стала символом конфуцианской ритуальной культуры. Посредством интерпретации заложенного в данном концепте смысла, рассмотрению особенностей, присущим воротам в культуре Китая и России, анализу моделей строительства старых городских ворот в Пекине как ключевого объекта исследования, раскрывается философское и культурное значение китайских ворот.

Ключевые слова и фразы: китайский язык, китайская традиционная культура, проход, ворота, ворота в исторической части Пекина.

Для цитирования: Ли Сююань, Мирзиева Л.Р., Зайнуллин Г.Г. Исследование культурного компонента в концепте «门» на примере анализа особенностей конструкции городских ворот исторической части Пекина. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1 (3): 16-21

ABSTRACT

The door is one of the architectural elements. As the entrance and exit of the building, it plays an important role in the classical Chinese architectural system. On one hand, the door develops from the component door attached to the building into an independent single door, which becomes the core organization of the traditional courtyard building group; on the other hand, the door not only has practical functions, commemorative functions, but also shows strict hierarchical system, which has become a symbol of the Confucian ritual culture. Through the interpretation of the meaning of the door, the characteristics of Sino-Russian "gate", this paper takes the construction pattern old city gate in Beijing as the research carrier and reveals the philosophical and cultural meaning of Chinese gate.

Key words and phrases: Chinese language; Chinese traditional culture; door; gate; Beijing old city gate

For citation: Li Siyuan, Mirzieva L. R., Zaynullin G.G. A Probe into the "Gate" Culture in China—Taking the construction pattern of the old city gate in Beijing as an example. *Modern Oriental Studies*. 2019; 1 (3): 16-21

摘要: 门是建筑元素之一, 作为建筑物的出入口, 在中国古典建筑型制中有着重要的作用。一方面, 门从依附于建筑的构件门发展成为独立的单体门, 成为传统院落式建筑组群的空间组织核心; 另一方面, 门不仅具有实用功能、纪念功能, 同时也表现出严格的等级制度, 成为儒家礼制文化的表征符号。本文通过对门的含义, 中俄“门”的特性诠释, 以北京旧城门建设格局为研究载体, 揭示中国“门”的哲学和文化含义。

关键词: 汉语; 中国传统文化; 门; 闾; 北京旧城门

引言: 门, 是建筑物的出入口, 从汉字“门”来了解中国文化, 是外国友人认识中国文化的一个窗口。

理论依据及研究方法

一、“门”的含义。

1.“门”的含义。

1.1 构词含义。

门, 所像之形, 可从二里头村文化遗址寻到某些踪影。东汉《说文解字》[1981]释: “门,从二户, 象形”。户, 甲骨文写为“口”, 是单扇门的象形字。一扇为户, 两扇相并就是门。“门户”一词, 按照造字之初的写法, 画三个门扇面已。登堂入室的进口, 是一座建筑物的构成部分, 规模较小, 虽未必只有单扇门扉, 但称以“户”; 作为一组建筑的总出入口, 规模较大, 有时其本身即是一座建筑物, 比如门房、门楼, 故而双倍其“户”, 称以“门”。方块汉字的横竖撇捺笔画之间, 包容着图景、故事和思想, “门”“户”是例。

2. 文化含义。

2.1 “门”反映中国的等级。

在等级社会中, 富贵之人高高在上, 贫贱之人低低在下, 等级分明。这样的文化现象深深地烙印在文字中, 从《说文解字》门部字可以管窥。

闾, lǘ, 《说文解字注》[1981]: “闾, 里门也。周制。二十五家相群为里。其后则人所聚居为里, 不限二十五家也。”其本义是指古代里巷的大门。后来, 闾的词义逐渐泛化, 人们聚居到一起就称为里, 并不局限于二十五家。《左传·襄十八年》: “州绰门于东闾。”在《史记》中提到“臣素卑贱, 君擢之闾伍之中, 加之大夫之上”。闾, 依照《周礼》, 是古代城镇布局中的小区单位。要设置门, 因此有了“闾门”一词。《史记·陈涉列传》: “发闾左谪戍渔阳九百人, 屯大门部字所反映的中国礼仪。阁, 《说文·门部》: “所以止扉也。

2.2 从有关“门”的双音节字看中国的等级礼仪。

门下, 解释为门庭之下, 指的是权贵者的家。《战国策·齐策》: “齐人有冯谖者, 贫乏不能自存, 使人属孟尝君, 愿寄食于门下。”[郭锡良, 1999, 24页] 在古代, 有才华的士子, 多出生于寒门, 生活所迫, 他们寄食于达官贵人门下, 成为食客, 因此“门下”一词引申出了“食客”之意。食客可以通过这种途径, 解决自己的生活困境, 而且可以为主人出谋划策, 借此可以施展自己的才华, 寄食于门下。“门下”因此有了显示权贵的作用, 成为一种等级符号。

中国是一个注重礼的国家。礼, 即规矩。

在等级社会中, 依照等级, 则是合乎礼。

从《说文解字》门部字，我们了解到了中国的等级文化，在这种等级文化之下人们的生存状态。高高在上，低低在下。礼，无处不在。

二、中外“门”的特性

老子说过，四面墙壁围着一个空间，只有把一面墙中间打开，才可以称为有用的建筑。自古至今，中外“门”各自彰显自己的特性。

1. 中国“门”的特性

1.1 中国“门”结构的群体性---不是单扇的门，而是门的系列。

四合院是古代中国住宅中最流行的形式，它有几道门呢？大门、葵花门、正房的门、偏房的门，这是最简单的住宅。如果有一个人从北京城外到太和殿参观，要经过多少门呢？永定门、正阳门、中华门、天安门、端门、午门、太和门，然后才是太和殿。层层宫殿，重重的门，这是中国门的特点。

中国的门因为其位置的重要性，其形象也备受关注。看中国建筑要远看其形象近观门。所以我们将门称为门脸，相当于人的脸，脸要化妆，建筑要装饰，表现主人对人生的理念。从这些意义来讲，中国古代的门不是简单的门，而是门的文化。

能工巧匠们经过他们的手将门进行美化，美化在梁身上，满处都是雕塑，表达出住宅主人的情趣。但美化是离不开其构建的。浙江江山 28 都的住宅门，其木门头中间比较讲究的一种，就是满处都是雕刻，变成装饰与功能并重的门头。由于木头门头经不起雨淋日晒，很容易遭到损

害，所以逐渐砖代替木，砖的门梁仍然也有雕刻，将砖贴墙上，做成门的形式，原来挡风物质功能减少，装饰性能增加了，逐渐变成纯装饰性的门头构建。

1.2 中国“门”装饰的地域性。

在中国古代，商品不流通，地方保守极易形成地方的传统性，因此各地区门头也体现出不同的特征。因此，中国古代建筑，尤其是农村建筑，都是当地工匠利用当地的材料，采取当地的传统手艺建造而成。安徽的门头，装饰很有节制和重点。福建的门头，很琐碎，极力夸张，板式雕刻。苏州的门头则特别精细。新疆维吾尔族的门，表现出了阿拉伯原始伊斯兰教的风格。西双版纳小经堂的门头，将地域的特征，民族的特征，宗教的特征都表现在一个门头或者门的装饰上。即使是同一个地方的建筑，大致风格相同的情况下，在门的细节上也会有所不同，微小的差别表现在建筑上，总是让你感觉统一中又有变化[梁励园，2009，134页]。

2. 俄罗斯“门”的特性——细节之处显奢华。

俄罗斯的“门”具有欧洲教堂门的共性，不是用门钉串，不需要门墩，而是用埋在砖里头的铁荷叶连在一起，变成一个门轴，它是利用铁件加工变成铁花。这种铁花加工非常华丽。同理，也是把有用的构件经过美化加上人文的内涵。

在俄罗斯，与很多国家一样，宏大的大门古往今来一直是克里姆林宫、修道院和堡垒的必经之地。同时，大门在贵族宫殿，大厦和郊区庄园的建筑中也起着同样重要的作用。普通百姓，不论是城市居民还是农民都试图根据自己的等级和

收入用大门装饰房屋。因为，房主的财富是靠大门的财富来判断的。通常，大门是安装在一个较厚的房屋的一个盾牌中 - 在带有大门的两个框架中。这样，最富有最有地位的人拥有带有两个大门的三重大门也救布局为奇了。大门上方的屋顶装饰有十字架或图标。

三、北京旧城门格局的文化溯源

1. 北京旧城门格局的形成原因。

北京旧城门格局形成的客观原因便是封建社会的等级森严。当然也有中国人长期以来形成的天地合一，和谐，包容的思想，中国人的线性思维以及中国人“堂堂正正，四平八稳”的做人风格等主观原因促成。

2. 北京旧城门格局特点---“内九外七皇城四”

1403年，明成祖朱棣升北平为北京，北京之名即由此始。1406年朱棣下诏迁都北京并下诏建宫殿，修城垣，1407年开始营建北京宫殿、坛庙。1419年将北京南城墙南移500多米，建在今天的前三门一线。重建的宫城分宫城、皇城、内城和外城四重。北京的城门有“内九外七皇城四”，各门都有其不同的用途。

“内九”是指现在沿北京二环路的原九座城门：东直门、西直门、朝阳门、阜城门、崇文门、宣武门、前门、德胜门和安定门。西直门明代称和义门，是运水通道，

每天一早从玉泉山运来的水，从和义门运进北京城，进入皇城。东直门明代称为崇仁门，是过往运送柴炭车的，叫做柴道。朝阳门明代称为齐化门，是运粮通道。

崇文门叫哈德门，是运送酒的通道。

前门叫正阳门，是皇帝出入之门，平民不能走，只能走两旁的月门。宣武门叫顺治门，死囚从此门押出，拉到菜市口斩首。阜城门当时叫平则门，是运煤通道。德胜门是军队得胜班师回朝进入的门。安定门是军队出征时走的门。

“外七”，包括广渠门、广安门、左安门、右安门、东便门、西便门和永定门，这些门是为老百姓入城做小买卖、打短工、走亲戚用的。

“皇城四”，是指大明门、地安门、东安门、西安门，这四个门是为城里的文武百官进出宫廷用的。

图1北京旧城门格局示意图

四、中国“门”的哲学含义

门的具体营建，其“开放”和“内收”等意念都能恰当地落实到门的建筑的本体之上，并由此而产生出丰富多彩的空间形式和艺术形象，并蕴含深刻的哲学含义。

1.“门”的“天人合一”观

门在开阖之间体现了“天人合一”的观念，对于开放的向往和无奈时的自闭时贯穿于门意念的始终。门是建筑内部的人们对外联系的一个出口，它既是物理角度上的枢纽，也是精神角度上的枢纽。对于渴望自然的中国人来说，门对外部环境的溶融、容纳正满足了这一要求。前人所谓“结屋松门不闭关，也留风月也留山”即是此意。在门和内部环境的关系中，也反映了“阖与辟”的矛盾统一，门的收束往往造成内部环境在心理上的扩展。另外，人们对于门向内的一侧在设计上也并未忽略，有时在人口内侧设“门廊”，而使门与内部空间的过渡更加自然，甚至有的门的内侧装修比外面还要富丽，更显示人们对于内部环境的重视和一种自省的心态。

2.“门”的阴阳观

门的基本功能是开与关，基本概念则是阴阳变化，由此又有了许多引申的象征意义。《易经》云：阖户谓之坤，辟户谓之乾，一阖一辟谓之变，往来不穷谓之通。乾者代表天、阳、刚健；坤则代表地、阴、柔顺。门的一阖一辟之间，就实现了刚健柔顺的辩证统一。开与关之

间，关是为了防卫和隐藏，是保守的、被动的；开是为了出入和吐纳，是开放的、主动的。开门的观念使人类的心灵从封闭的自我世界中脱离出来，去接触更为广泛的外在世界；而阖门更多的表现出一种无奈的心境，这集中体现在中国的隐逸文化之中。隐逸文化的目的在于保证士大夫相对独立的社会理想、人格价值、生活内容和审美情趣等，而这些内容在其发展过程中又表现为出与处、仕与隐的矛盾。士大夫追求的自由开放，从本质上是不能完全实现的，更多的则是无可奈何，于是，闭门就成了保全自己的最好办法。陶渊明在《归去来兮辞》中所说的“园日涉以成趣，门虽设而常关”就是这种闭门心态的真实写照[楼庆西，2001，57-58页]。

3. 门的秩序观

历史上的建筑等级制度不仅对各阶层建筑的规模型制、材料构造、装饰标准、室内摆设有严格限定，同时还专门对门这一标识等级、地位的符号，居住者身份的象征在油漆颜色、铺首兽面、门环用材、门钉数量等都作有详尽的规范。唐代曾对不同品级官员屋舍门屋的开间数、步架数有严格规定，不可逾越；宋代规定非品官不得起门屋，即宅院大门只能建为墙式门；明代王城制度中曾记载：王宫门地高三尺二寸五分，正门、前后殿、四门、城楼饰以青绿点金，四门、正门以红漆、金涂、铜钉；清代顺治九年（1652年）大清会典事例中规定：凡亲王府制，正门五间，启门三缭以重

垣,基高三尺。凡正门、寝殿、门柱,饰以五彩金云龙纹,禁雕刻龙首、脊安兽吻、压脊七种,均红青油饰,每门金钉六十有三;郡王府、世子府、正门金钉减亲王七之二;贝勒府、正门三间,启门一,门柱青红油饰;贝子府启门一;公侯以下官民房屋,柱用素油,门用黑饰,逾越的要治罪。又如门前附设物,影壁、石敢当、抱鼓石、石狮、上马石、拴马桩等,无一不体现出森严的等级制度[吴裕成,2004,189页]。中国古代社会,礼制是道德思想和行为的一种规范,由这种思想决定的建筑、门都带有强烈的等级。两千多年来,礼制观念在中国根深蒂固,其核心内容及基本原则就是肯定社会各阶层尊卑、贵贱、长幼分异的合理性,宗法制度成为了中国古代漫长历史中维系社会结构及社会秩序的重要纽带。受礼制思想的影响,中国古代建筑从周代起便按建筑所有者的社会地位来规范其规模和型制,仅从住宅的大门便可知道居住者的等级地位,故有“门户之别”的说法。

五、结语

随着技术的进步和社会的发展,尽管现代的玻璃门等,把一些大家喜闻乐见的传统与新技术融合重组,但建筑所在之处皆有门,附加在门上的文化内涵,更能使人们感受到中国门文化的博大精深。中国的门文化是传统文化,无论是文化还是形式,我们都应该借助中国之“门”去洞见中国文化的灵魂。

参考文献:

1. 段玉裁. 说文解字注 [M]. 上海:上海古籍出版社, 1981.
2. 郭锡良. 古代汉语 [M]. 北京:商务印书馆, 1999.
3. 楼庆西. 中国建筑的门文化 [M]. 郑州:河南科学技术出版社, 2001.
4. 吴裕成. 中国门文化 [M]. 天津:天津人民出版社, 2004.
5. 梁励园. 建筑设计与装饰 [M]. 广东:广东建材, 2009.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

1. Master of Arts, Associate Professor **Li Siyuan**
Confucius Institute in Kazan Federal University
420008, Kazan, Pushkina str.,1/55,Russia
120151687@qq.com

2. Master of teaching Chinese as a foreign language,
Assistant **Mirzieva Leisan Rifkatovna**
Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Pushkina str.,1/55,Russia
ch_leisang@mail.ru

3. Doctor of philology, Professor **Gabdulzamil
Gabdulkhakovich Zaynullin**
Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Pushkina str.,1/55,Russia
Jam.Zayni@kpfu.ru

Принята к публикации: 10.11. 2019 г.

Submission Date: 2019.11.10.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

THE MAIN STAGES OF THE DIALOGUE DEVELOPMENT BETWEEN THE REPUBLIC OF KOREA AND THE RUSSIAN FEDERATION: A BRIEF OVERVIEW

Карамова Юлия Юрисовна, Аликберова Альфия Рафисовна

Институт международных отношений

Казанский федеральный университет

Karamova141190@gmail.com

В данной работе рассматриваются этапы становления российско-корейских отношений. Дается краткая характеристика каждого этапа начиная с XIII в. до настоящих дней. Также приводятся существующие точки зрения на вопросы, связанные с характеристикой выделяемых периодов становления русско-корейских контактов в корейской, российской и китайской историографии.

Ключевые слова и фразы: корееведение, российско-корейские отношения, Республика Корея, КНДР, Российская Федерация, первый диалог, дипломатические отношения.

Для цитирования: Карамова Ю.Ю., Аликберова А.Р. Основные этапы развития диалога между Республикой Корея и Российской Федерацией: краткий обзор. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 22-28

В историографии касательно вопроса первого диалога между русскими и корейцами не существует единого мнения. По некоторым данным первый контакт русских с корейцами мог состояться уже в XIII в. в г. Каракорум. В то время русские князья ездили в столицу Монголии за ярлыком на правление, а Корея, в то время еще государство Корё, платила дань монгольской империи. В работе францисканского монаха Джованни Карпини «История монголов, которых мы называем Татарами» описывает царей, вождей и послов, которые

Presented paper discusses the stages of the development of Russian-Korean relations. From the 13th century to the present day a brief description of each stage is given. Also, existing points of view on issues related to the characteristics of the distinguished periods of the formation of Russian-Korean contacts in Korean, Russian and Chinese historiography are given.

Key words and phrases: Russian-Korean relations, Republic of Korea, DPRK, Russian Federation, Korean studies, first dialogue, diplomatic relations.

For citation: Karamova U.U., Alikberova A.R. The main stages of the dialogue development between the Republic of Korea and the Russian Federation: a brief overview. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 22-28

приехали на коронацию хана Гуюка. Среди перечисленных были Великий князь Ярослав II Всеволодович и корейский аристократ-заложники, которых ван Коджон отправил в столицу Монголии в знак примирения. Данная встреча корейцев и русских хоть и была первой, но она не носила официальный характер и не способствовала установлению постоянных контактов.

Следующая встреча состоялась только в XVII в. Примечательно, что во многих работах

на основании существующих официальных российских и корейских документов за первый контакт русских и корейцев принимают встречи, состоявшиеся во время Албазинской войны, а именно 1654 и 1658 гг. Исследователи Кореи, основываясь на эти официальные источники, берут отчет начала первых контактов между русскими и корейцами именно начиная с этого периода. Примечательно, что отсутствует информация об участии корейцев в этом сражении в российской историографии, кроме работы В.С. Мясникова «Империя Цин и русское государство в XVII в.» [1, с. 82], где он дает всего лишь небольшую информацию, а в китайской историографии практически отсутствует информация об участии корейских отрядов в Албазинской войне. В «Стране утренней свежести» участию корейских отрядов в данной войне посвящена достаточно обширная литература – как официальная, так и художественная, а также мемуары [2].

В русской историографии есть мнение, что русские были первыми европейцами, кто имел диалог, а также торговые связи с корейцами еще в XVII в [3, с. 31]. Основано данное мнение на существующих данных, оставленных итальянцем на русской службе, участником посольства Л.В. Измайлова в Цинскую империю Н.П. Крисница (Христизини). Эти данные были уточнены С.Л. Владиславичем-Рагузинским, который в 1727 г. был российским Чрезвычайным посланником и Полномочным министром при китайском дворе. Когда говорят о первых торговых связях русских с корейцами, то основываются на «Портфелях Миллера», оставленных Герардом Филиппом Миллером (выдающийся русский историк и историограф XVII в.) [4, с. 37], а также Константином Аполлоновичем Скальковским в его работе «Внешняя политика России и положение иностранных

держав» [5, с. 577]. Б.Д. Пак пишет, что требуются дальнейшие поиски в российских архивах и корейских источниках, чтобы документально подтвердить, что русские были первыми европейцами, завязавшими первые торговые контакты с корейцами еще в XVII в [6, с. 37].

С конца XVII до середины XIX вв. русско-корейские связи в основном проходили в Пекине и осуществлялись главным образом купцами и служивыми людьми. Поэтому в историографии Южной Кореи указанный период называется периодом «Пекинских дневников» или «периодом Ёнхэннок». Историк-востоковед Т.М. Симбирцева считает, что данные документы являются, возможно, единственным документальным источником, рассказывающие о русско-корейского диалога в Пекине [7]. В 1984 г. перевод отдельных частей вышеупомянутых дневников был сделан и представлен в сборнике «Столетняя история корейско-русских отношений» исследователем Южной Кореи Пак Тхэ Гыном [6, с. 39-40].

Новый этап в ознакомлении русских с Корейским государством связано с именем русского мореплавателя, адмирала и человека, совершившего первую русскую кругосветную экспедицию Ивана Федоровича Крузенштерна. Он в 1805 г. на кораблях «Надежда» и «Нева» провел систематическое изучение Японского моря прибрежных Корейскому полуострову водах. Полученные И. Крузенштерном новые данные в ходе этой экспедиции помогли уточнить, дополнить и исправить полученные французским мореплавателем Жан-Франсуа де Лаперузом и капитаном британского флота Уильямом Робертом Броутаном сведения в конце XVIII в. Таким образом, можно сказать, что с началом XIX в. наступает новый этап ознакомлении с Корейским государством.

Во второй половине XIX в. произошел первый русско-корейский диалог на территории Кореи, в котором участвовала эскадра адмирала Евфимия Васильевича Путятина. Много интересных сведений были оставлены участниками экспедиции адмирала Е.В. Путятина о Корее и жителях этой страны. В качестве примера можно привести цикл очерков И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада», дневники Воина Андреевича Римского-Корсакова, К. Посыета «Письма с кругосветного плавания в 1852, 1853 и 1854 годах» [6, с. 434].

Началом нового этапа в русско-корейских отношениях является подписанные Россией и Китаем в 1858 г. Айгунский договор (по которому признавалось включение Приамурского края в состав России) и Пекинский договор от 1860 г., который: во-первых, подтверждал все статьи Айгунского договора; во-вторых, признавал права России на Южно-Уссурийский край, сопредельным с границей Кореи. Ещё до заключения Айгунского договора в 1858 г. генерал губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, которому были даны все полномочия вести отношения с Китаем по вопросу о разграничении восточной окраины России, в разработанном им инструкции говорилось, что в случае распада Цинской империи не допускать утверждения в Монголии, Маньчжурии и Корее влияния враждебных России государств. В сохранении существующего положения, где Корея является вассалом Цинского Китая, Россия видела препятствие в подчинении Корейского государства другими державами [8, с. 345]. Интересным является тот факт, этот договор был подписан без информирования корейского государства о появлении общей границы с Россией, впервые в истории Корейского государства появлялась общая граница с европейским государством. В 1861 г. было завершено разграничение на Тумангане, теперь

нижнее течение реки стала государственной границей между Россией и Кореей. Появление общей границы привело к возникновению русско-корейским приграничным отношениям.

В 1884 г. было подписано русско-корейское Соглашение о дружбе и торговле. Стоит отметить, что при подписании соглашения с Кореей представители западных стран, таких как Германия, Англия, США и др., обращались за рекомендательным письмом в Китай. В то время как наделенный полномочиями вести переговоры с Корейским государством российский дипломат К.И. Вебер, без получения рекомендательного письма от Китая, обратился к королю Коджону. Генерал Китая Ли Хун Чжан выступал против подписания соглашения России с Кореей. Он боялся, что подписание русско-корейского договора приведет к росту влияния России в Корейском государстве, а также того, что в результате подписания данного договора к России могут быть присоединены часть территорий Корейского государства. Зная такое отношение генерала Ли, К. Вебер напрямую решил обратиться к корейскому королю.

Русско-корейское соглашение состояло из 13 статей. Подписание данного договора устанавливало дипломатические отношения между Российской Империей и Корейским государством. Как результат заключения соглашения Российская миссия в Сеуле была открыта в 1885-1886 г. Поверенным в делах с 1886 по 1897 гг. был К.И. Вебер. По данному соглашению русские могли торговать, арендовать или покупать землю и постройки, строить дома, предприятия и товарные склады в открытых портах Кореи, а российский военно-морской флот, также, как и корейские корабли мог заходить в корейские порты для ремонта и пополнения запаса и наоборот. Отдельно к договору были приложены «Правила, по которым торговля

русских подданных может производиться в Корее», состоявшие из трех статей и списка таможенных тарифов на 196 видов товара. Договор между Россией и Кореей был ратифицирован 14 октября 1885 г. В результате активно развивающейся приграничной торговле русско-корейское соглашение было дополнено конвенцией «Правила для сухопутной торговли с Кореей», подписанной в 1888 г. Данная конвенция состояла из 9 статей и значительно расширяла права Российской Империи в приграничной с Корейским государством области [9].

После убийства японцами в 1895 г. королевы Мин, король Коджон вместе с наследником престола переехал в русскую дипломатическую миссию. Выбор короля Коджона пал на Россию, потому что она граничила с корейским государством и могла быстро оказать помощь при необходимости. Все это привело к усилению влияния Российской Империи и ослабеванию позиций Японии и Китая [10]. Для укрепления независимости своей страны король Коджон в 1896 г. в качестве полномочного министра отправил в Москву Мин Ён Хвана. Его поездка была успешной и в результате этих переговоров в августе 1896 г. в Корею были отправлены военные инструктора, частично возглавляемые полковником Главного штаба Д. В. Путяттой. Также просьба Кореи к России в оказании ей помощи в строительстве телеграфных линий и в решении финансовых вопросов была удовлетворена. В декабре 1897 г. был открыт Русско-Корейский банк [11].

Конец XIX в. стал знаменательным в сфере культурных отношений между Российской империей и корейским государством. На территории России впервые зарубежном корееведение стали преподавать корейский язык и читать курсы лекции по истории и географии Кореи в Санкт-Петербургском университете,

Восточном институте во Владивостоке. Стоит также отметить Православное миссионерское общество в Казани, где были составлены учебники для российских корейцев.

С подписанием «Договора об аннексии Кореи» в 1910 г. Корея стала частью Японии, а русско-корейские отношения юридически прекращались. Теперь Россия «общалась» с Кореей через Японию, существовавшие русско-корейские отношения преобразовались в русско-японские. Несмотря на то, что диалог России с Кореей шел через русско-японские отношения, Генеральное консульство России в Сеуле сохранялся до 1925 г.

Корея была освобождена от японской колониальной зависимости в 1945 г., а в 1948 г. образованы Корейская Народно-Демократическая Республика (под покровительством СССР) и Республика Корея (при поддержке США). Республика Корея была признана советским правительством лишь в 1990 г. На волне идеологического противостояния в 1949 г. южнокорейскими властями были депортированы сотрудники бывшего Генконсульства СССР, остававшиеся в Сеуле для присмотра за имуществом бывшей российской миссии. Само ее здание было занято полицией, а затем практически полностью разрушено во время Корейской войны 1950-1953 гг. В 1970 году сеульское правительство «перерегистрировало» в одностороннем порядке земельный участок, и его значительная часть была продана частным компаниям и организациям. Вопрос о возвращении его России решался несколько лет в ходе консультаций между двумя странами по дипломатическим каналам.

Улучшение отношений СССР и РК происходит на 1988 г., когда в Москве было принято решение об участии в Сеульской Олимпиаде.

Встреча, которая прошла на высшем уровне в Сан-Франциско между Михаилом Сергеевичем Горбачевым и Ро Дэ У в июне 1990 г. является историческим моментом в истории двусторонних отношений. 30 сентября 1990 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Республика Корея.

После распада Советского Союза Республика Корея признавала Россию как преемницу СССР. В 1992 г. тогдашний президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин посетил Республику Корея и подписал «Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея», который охватывает такие области как политика, экономика и культура. Таким образом, после заключения в 1992 г. «Договора об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея» последовали визите в Москву президентов Республики Корея Ким Ён Сама в 1994 г., Ким Дэ Чжуна в 1999 г., также визит президента РФ В.В. Путина в 2001 г. в Сеул (переговоры с президентом Южной Кореи Ким Дэ Чжуном. Встреча с премьер-министром РК Ли Хан Доном, в 2005 г. в Пусан – участие в саммите АТЭС; Д.А. Медведев совершил официальный визит в Южную Корею в 2010 г. (участие в работе саммита «Группа двадцати») и в 2012 г. – участие в Саммите по ядерной безопасности в Южной Кореи. В 2013 г. В.В. Путин совершил официальный визит в Республику Корея. В июне 2018 г. с государственным визитом посетил Россию президент Южной Кореи Мун Джэ Ин. Это первый визит в Россию президента РК за последние 19 лет с визита президента Ким Дэ Чжуна в 1999 г. Все эти встречи в истории российско-корейских отношений говорят о развитии экономического, политического, военного и культурного сотрудничества между двумя странами.

Что касается отношений СССР, а в дальнейшем и Российской Федерации с Корейской Народно-Демократической Республикой, то есть такие сведения, что в качестве государственных деятелей Ким Чен Ир и Ким Ир Сен посещали Советский Союз 9 раз, а под другим данным 11. Были как политически значимые, так и проходные. В последние десятилетия XX в. начался процесс «оживления» отношений РФ и КНДР. В 1996 г. прошло первое заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики, в том же году был подписан план дипломатических обменов на 1997-1998 гг., а в 2000 г. был заключен «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-демократической Республикой». Также состоялись визиты президента Российской Федерации в КНДР в 2000 г., а Ким Чен Ир посетил РФ в 2001 г., 2002 г. и в 2011 г. Все это говорило и говорит о новом этапе отношений между РФ и КНДР.

В результате первой встрече глав двух корейских государств в 2002 г. в Пхеньяне и в рамках российско-южнокорейских и российско-северокорейских переговоров стали обсуждаться и перспективы трехстороннего РФ-РК-КНДР взаимодействия в экономической и других областях. Также о возобновлении трехстороннего сотрудничества в 2017 г. президент Южной Кореи Мун Джэ Ин планировал обсудить на встрече с президентом России В.В. Путиным. Трехстороннее взаимодействие имел бы не только экономическую, но и политическую значимость. Трехсторонний проект способствовал бы росту товарооборота между РФ-РК-КНДР, укреплению стабильности и добрососедства на корейском полуострове.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. / В. С. Мясников. – М.: Наука, 1980. – С. 516.
2. Симбирцева Т. М. Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658 [Электронный ресурс]: Российская ассоциация университетского корееведения. – Режим доступа: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=593%3A-1654-1658, свободный. – Проверено 12.07.2018.
3. Пискулова Ю. Е. Российско-корейские отношения в середине XIX – в начале XX веков: дис. ... канд. истор. наук / Ю. Е. Пискулова; Дипломатическая академия МИД РФ. – Москва, 2002. – С.31
4. Миллер Г. Ф. Русский перевод известий о реке Амуре. ЦГАДА, ф. 199, оп.2, порт.507, ч.1, ед.хр. 3, л. 24.- Цит. По кн. Пак Б. Г. Россия и Корея. Россия и Корея / Б.Д. Пак; отв.ред. А.Л. Нарочницкий, Ю.В. Ванин. – 2-е изд., допол – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – С.37.
5. Скальковский К. А. Внешняя политика России и положение иностранных держав / К.А. Скальковский. – 2-е изд., переработ. и знач. допол. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1901. – / Б.Д. Пак; отв.ред. А. Л. Нарочницкий, Ю.В. Ванин. – 2-е изд., допол – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – С.577.
6. Пак Б.Д. Россия и Корея / Б.Д. Пак; отв.ред. А.Л. Нарочницкий, Ю.В. Ванин. – 2-е изд., допол – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – С.520.
7. Симбирцева Т. М. Российско-корейские контакты в Пекине в конце XVII - середине XIX вв. [Электронный ресурс]: Российская ассоциация университетского корееведения / Т.М. Симбирцева. – Режим доступа: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_jdownloads&task=view.download&cid=65&Itemid=4&lang=ru, свободный. – Проверено 16.07.2018.
8. Барсуков И. П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии) / И.П. Барсуков. – М.: Синод.тип., 1891. – С.345
9. Сеульский договор 1884 г. [Электронный ресурс]: Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3659670, свободный. – Проверено 22.07.2018.
10. 배영대 의병과 손잡고 '국내 망명' ... 일제 만행에 '최대의 반격'/배영대// 중앙 SUNDAY. – 2017.09.03. - № 547. – Режим доступа: <https://news.joins.com/article/21899930>, свободный. – Проверено 05.08.2018.
11. История российско-корейских отношений [Электронный ресурс]: ДРПК: диалог Россия-Республика Корея. – Режим доступа: <http://drrk.ru/istorija-rossijsko-korejskih-otnoshen/>, свободный. – Проверено 23.07.2018.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Myasnikov V. S. Imperiya Qing i Russkoe gosudarstvo v XVII v. / V. S. Myasnikov. – М.: Nauka, 1980. – С. 516.
2. Simbirceva T. M. Uchastie korejskih otryadov v Albazinskih vojnah 1654 i 1658 [Elektronnyj resurs]: Rossijskaya asociaciya universitetskogo koreevedeniya. – Rezhim

- dostupa: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=593%3A-1654-1658-,svobodnyj. – Provereno 12.07.2018.
3. Piskulova YU. E. Rossijsko-korejskie otnosheniya v seredine XIX – v nachale XX vekov: dis. ... kand. istor. nauk / YU. E. Piskulova; Diplomaticheskaya akademiya MID RF. – Moskva, 2002. – S.31
 4. Miller G. F. Russkij perevod izvestij o reke Amure. CGADA, f. 199, op.2, port.507, ch.1, ed.hr. 3, l. 24.- Cit. Po kn. Pak B. G. Rossiya i Koreya. Rossiya i Koreya / B.D. Pak; otv.red. A.L. Narochnickij, YU.V. Vanin. – 2-e izd., dopol – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2004. – S.37.
 5. Skal'kovskij K. A. Vneshnyaya politika Rossii i polozhenie inostrannyh derzhav / K.A. Skal'kovskij. – 2-e izd., pererabot. i znach. dopol. – SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1901. – / B.D. Pak; otv.red. A. L. Narochnickij, YU.V. Vanin. – 2-e izd., dopol – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2004. – S.577.
 6. Pak B.D. Rossiya i Koreya / B.D. Pak; otv.red. A.L. Narochnickij, YU.V. Vanin. – 2-e izd., dopol – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2004. – S.520.
 7. Simbirceva T. M. Rossijsko-korejskie kontakty v Pekine v konce XVII - seredine XIX vv. [Elektronnyj resurs]: Rossijskaya asociaciya universitetskogo koreevedeniya / T.M. Simbirceva. – Rezhim dostupa: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_jdownloads&task=view.download&cid=65&Itemid=4&lang=ru,svobodnyj. – Provereno 16.07.2018.
 8. Barsukov I. P. Graf N.N. Murav'ev-Amurskij po ego pis'mam, oficial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam (materialy dlya biografii) / I.P. Barsukov. – M.: Sinod.tip., 1891. – S.345
 9. Seul'skij dogovor 1884 g. [Elektronnyj resurs]: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. – Rezhim dostupa: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3659670,svobodnyj. – Provereno 22.07.2018.
 10. 배영대 의병과 손잡고 '국내 망명' ... 일제 만행에 '최대의 반격'/배영대// 중앙 SUN-DAY. – 2017.09.03. - № 547. – Rezhim dostupa: <https://news.join.com/article/21899930,svobodnyj>. – Provereno 05.08.2018.
 11. Istoriya rossijsko-korejskih otnoshenij [Elektronnyj resurs]: DRRK: dialog Rossiya-Respublika Koreya. – Rezhim dostupa: <http://drk.ru/istoriya-rossijsko-korejskih-otnoshenij,svobodnyj>. – Provereno 23.07.2018.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Karamova U.U.

Senior lecturer

Department of Altaic and Chinese studies

Institute of international relations

Kazan Federal University

Alikberova A.A.

Candidate of History, Associate Professor

Department of Altaic and Chinese studies

Institute of international relations

Kazan Federal University

Принята к публикации: 10.09.2019 г.

Submission Date: 2019.09.10.

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1894-1895 ГГ.
НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КИТАЯ В РОССИИ¹
INFLUENCE OF THE SINO-JAPANESE WAR (1894-1895)
ON THE IMAGE OF CHINA IN RUSSIA

Старовойтова Елена Олеговна

ассистент кафедры теории общественного
развития стран Азии и Африки

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e.starovoytova@spbu.ru

АННОТАЦИЯ

Статья рассказывает о формировании образа Китая в России во второй половине XIX века. Именно с 90-х гг. XIX столетия Китай стал постоянным «гостем» на страницах популярных русских газет и журналов, что было связано с геополитическими интересами Российской империи на Дальнем Востоке, а также с развитием печатного дела и появлением новых средств передачи информации. В годы китайско-японской войны 1894-1895 гг. отметился заметный рост внимания к восточному соседу со стороны российских политических и общественных деятелей. В высших властных и военных кругах Российской империи активно обсуждался вопрос о том, какую из сторон поддержать. Русская пресса также пристально следила за ходом военных действий. На страницах журналов и газет появлялись различные рассуждения о судьбах Китая, Кореи и Японии, а также о том, какую роль в происходящих событиях предстоит сыграть России и какие уроки ей стоит извлечь. Помимо этого, Китай стал популярным персонажем русских карикатурных еженедельников. Визуальные образы Китая, сформировавшиеся на рубеже XIX-XX веков, надолго укоренились в сознании русских читателей.

Ключевые слова и фразы: Россия, Китай, китайско-японская война, взаимные образы, карикатуры.

Для цитирования: Старовойтова Е.О. Влияние китайско-японской войны 1894-1895 гг. на формирование образа Китая в России. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 29-39

ABSTRACT

The article tells about the formation of the image of China in Russia in the second half of the XIX century. It was from the 90s of the XIX century that China became a regular "guest" on the pages of popular Russian newspapers and magazines, which was due to the geopolitical interests of the Russian Empire in the Far East, as well as the development of printing and the emergence of telegraph. During the Sino-Japanese War of 1894-1895 there was a noticeable increase in the attention paid to the eastern neighbor by Russian politicians and public figures. The highest authorities and military circles of the Russian Empire actively discussed which side to support. The Russian press also closely followed the course of hostilities. Various discussions about the fate of China, Korea and Japan have appeared in magazines and newspapers. The authors also tried to understand what role Russia will have to play in the current events and what lessons it should learn. China also has become a popular character in Russian weekly cartoon magazines. Visual images of China, formed at the turn of the 19-20th centuries, rooted in the minds of Russian readers for a long time.

Key words and phrases: Russia, China, Sino-Japanese war, mutual images, cartoons

For citation: Starovoytova E.A. Influence of the Sino-Japanese war (1894-1895) on the image of China in Russia. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 29-39

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-21-49001-ОГН «Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности».

ВВЕДЕНИЕ

Как в китайской, так и в российской и западной историографии событиям китайско-японской войны 1894-1895 гг. обычно дается однозначная оценка. Исследователи едины в мнении о том, что этот конфликт продемонстрировал всю степень разложения верхушки цинского государства и несостоятельность ее внешней политики. В то же время, современные китайские авторы называют эту войну «логической отправной точкой для Японии в создании современного национального государства» [Тянь, Сун. 2014. С. 77.].

Вооруженная операция по подавлению восстания в Корее, организованная войсками Китая и Японии в начале 1894 г., постепенно переросла в двусторонний конфликт. В ходе противостояния китайская армия и флот терпели множественные поражения от японцев. Уже к октябрю того же года театр военных действий переместился с корейского полуострова на территорию цинского государства – в Маньчжурию, произошла осада порта Люйшунью (в будущем – Порт-Артур). В январе 1895 г. японцы высадились в стратегически крайне важной провинции Шаньдун, а в феврале стало известно о капитуляции расположенной там морской военной базы Вэйхайвэй и полном разгроме китайского северного флота.

В результате такого развития событий китайская сторона была вынуждена как можно скорее инициировать мирные переговоры, начало которых Япония, в свою очередь, всячески отсрочивала, пытаясь занять как можно больше китайских территорий. Переговоры о перемирии начались в марте 1895 г. в городе Симоносеки, куда был направлен недавно смещенный с поста генерал-губернатора провинции Чжили видный китайский сановник Ли Хунчжан. Иностранная пресса пристально сле-

дила за ходом переговоров Ли Хунчжана и премьер-министра Японии Ито Хиробуми.

Пытаясь затянуть военные действия, японская сторона в начале переговоров выдвигала явно неосуществимые условия перемирия. Так, Ито Хиробуми настаивал на оккупации японскими войсками Шаньхайгуаня, Дагу и Тяньцзиня, а также соединяющей их железнодорожной линии. Кроме того, в ходе переговоров Ли Хунчжан был ранен. Невыполнимые требования Японии и покушение на Ли Хунчжана вызвали бурную волну осуждения со стороны Запада, не заинтересованного в затягивании военного конфликта между сторонами. В этой связи, а также из-за неготовности Японии к затяжной войне, Ито пришлось пойти на уступки и договориться с Китаем о перемирии.

Крайне невыгодный для Китая мирный договор был подписан в Симоносеки 17 апреля 1895 г. Ли Хунчжаном и Ито Хиробуми при посредничестве бывшего государственного секретаря США Джона Фостера. Согласно условиям Симоносекского мирного договора, Китай признавал независимость Кореи, уступал Японии права на Ляодунский полуостров с южной полосой Маньчжурии, Пескадорские острова² и Тайвань, а также был обязан выплатить Японии контрибуцию в размере 200 млн лян³ серебра. Помимо этого, Китай впервые предоставил иностранной державе в лице Японии право на строительство и эксплуатацию промышленных предприятий на своей территории, а также шел на другие уступки: открытие портов в бассейне р. Янцзы и Великого канала, право экстерриториальности, режим наибольшего благоприятствования.

²Пескадорские острова или острова Пэнху (澎湖群島) – группа островов, расположенных в Тайваньском проливе.

³Лян или таэль – мера веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии. В старом Китае валютой служили серебряные слитки, вес которых измерялся в лянх. В описываемый период 1 лян серебра весил около 37,8 гр.

Помимо потери Цинской империей протектората над Кореей, в числе итогов войны называют усиление противоречий внутри самого Китая, в частности, рост антиманьчжурских настроений и движения против иностранцев. Итоги этой войны также часто связывают с превращением Китая в полуколонию Западных держав и Японии. Тем не менее, современные китайские авторы полагают, что именно эта война «несомненно явилась водоразделом для общественной мысли и идеологии Китая на его пути к модернизации» [Тянь, Сун. 2014. С. 80.].

Что касается России, то после вступления Николая II на престол интерес правящих кругов к Дальнему Востоку значительно усилился. Это заставляло представителей русской дипломатии самым тщательным образом следить за событиями в регионе. В частности, «русский посланник Кассини в Тяньцзине поддерживал тесные контакты с Ли Хунчжаном, постоянно проявляя пристальный интерес к развитию корейского вопроса» [Чжун'э гуаньси ши. 2008. С. 154.]. В это же время, как отмечает Н.А. Самойлов, «невзирая на существование при цинском дворе и у верхушки китайской бюрократической элиты диаметрально противоположных мнений по вопросам перспективности отношений с Россией» [Самойлов. 2017. С. 26.], Ли Хунчжан сумел настоять на необходимости сближения с северным соседом.

Итоги подписания Симоносекского мирного договора были восприняты неоднозначно в высших эшелонах власти Российской империи. Так, император Николай II всерьез задумывался над тем, чтобы «перейти негласно на сторону Японии» [РГИА. Ф. 1622, оп. 1, д. 115. Л. 2 (об.)], с тем чтобы избежать «могущих возникнуть в будущем осложнений с Англией» [Там же.]. Противники этой точки зрения предлага-

ли, напротив, организовать боевые действия против Японии. Например, недавно вступивший на пост министра иностранных дел Российской империи князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, полагал, что «мы не найдем лучшего союзника, чем Китай, с которым у нас никогда не было вооруженных столкновений, не взирая на совершенно открытую сибирскую границу нашу и часто возникавшие недоразумения» [РГИА. Ф. 1622, оп. 1, д. 113. Л. 1.]. Верх в этих дискуссиях одержали сторонники дальнейшего развития дружественных отношений с Китаем без развязывания открытого военного конфликта с Японией. Эту партию в российском правительстве возглавлял министр финансов Сергей Юльевич Витте, являвшийся основным идеологом политики мирного экономического проникновения в Китай. Министра финансов поддержали военный министр генерал Пётр Семёнович Ванновский и Великий князь Алексей Александрович Романов, возглавлявший морское ведомство. Оба они опасались неминуемого выступления Англии на стороне Японии в случае развертывания открытого военного противостояния на море. В результате русская дипломатия, заручившись поддержкой Франции и Германии, также опасавшихся чрезмерного укрепления Англии в регионе, организовала так называемый «демарш трех держав»: 23 апреля 1895 г. послы упомянутых выше государств в Токио вручили японскому правительству ноты протеста, в которых настаивали на отказе от аннексии полуострова Ляодун. 8 ноября 1895 г. между Китаем и Японией было заключено новое соглашение, согласно которому Китай сохранял право на Ляодунский полуостров в обмен на увеличение размера контрибуции до 30 млн лян серебра.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Непродолжительный военный конфликт между Китаем и Японией стал серьезным испытанием не только для Цинской империи, но и для российско-китайских отношений. Более того, именно со второй половины XIX века, в связи с изменившейся международной обстановкой в дальневосточном регионе, а также благодаря усилению социокультурного взаимодействия сторон, в России начал формироваться абсолютно новый образ восточного соседа, изучение которого заслуживает отдельного внимания и требует применения комплексного метода исследования. Основу такой методики составляют общие принципы, сформированные в работах А.В. Лукина, Н.А. Самойлова и других ученых, занимающихся изучением формирования взаимных образов и стереотипов между Россией и Китаем, и пытающихся ответить на вопрос о том, под влиянием каких событий и с помощью каких средств они складывались, насколько устойчивы были, какое влияние оказывали на развитие отношений между государствами и народами двух стран. В данной статье исследуются образы Китая, формировавшиеся в популярной русской прессе второй половины XIX века.

С самого начала непродолжительного конфликта Китая и Японии, он активно освещался русской прессой. Это было связано как с развитием печати и появлением новых информационных технологий в Российской империи, так и, конечно, с тем, что военные действия разворачивались на территориях, входящих в сферу геополитических интересов правительства Николая II. В целом, со второй половины XIX века в русских печатных изданиях стало появляться все большее количество различных сведений о Китае, доступных с теперь не только специалистам, но самому широкому кругу читателей.

Как отмечает китайский специалист Сунь Чжинцин: «период китайско-японской войны стал важным моментом для определения своих позиций в русской печати. Крах китайских прогрессистов в войне с Японией развеял миф о «китайском прогрессе», о чем много говорилось в русской печати до китайско-японской войны, что подтвердило мнение о неподвижности Китая. С тех пор в русской печати стала появляться такая лексика, как «новый восточный вопрос», «общая европейская опека над Китаем», «раздел Китая между державами», «раздел на сферы влияний» и другие» [Сунь. 2004. С. 11.].

Неудивительно, что именно годы китайско-японской войны Китай стал постоянным героем разнообразных сатирических политических журналов с карикатурными изображениями. Этот жанр пришел в Россию из Западной Европы в 60-х гг. XIX века и стремительно завоевал популярность у читателей. Наиболее часто сюжеты, связанные с восточным направлением российской внешней политики, встречаются в журнале демократической направленности «Будильник», издание которого началось в 1865 г. в Петербурге и переместилось в Москву в 1873 г., где продолжалось вплоть до 1917 г., а также в сатирическом журнале либерального направления «Стрекоза», выходившем в Петербурге с 1875 по 1908 г. Китайско-японская война упоминается практически в каждом номере этих еженедельников - в разделах, посвященных политике и международным отношениям. Именно с середины 90-х гг. XIX столетия на страницах этих и иных журналов и брошюр стали формироваться совершенно новые визуальные образы восточных соседей России, закрепившиеся в сознании большого количества обывателей европейской части страны, благодаря своей злободневности и высокой популярности подобных изданий.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Уже в 1894 г. русские газеты и журналы начали публиковать заметки и карикатурные изображения, посвященные китайско-японскому конфликту. Если обратиться к этим карикатурам, то становится очевидным, что русская пресса изначально крайне скептически относилась к военным действиям сторон. Противостояние Китая с Японией расценивалось как борьба «азиатских государств, которые далеко ещё не перешагнули за порог европейской цивилизации» [Новое слово. № 9. СПб, 1894. С. 359.]. В печатных изданиях тех лет часто встречается мнение о том, что как Китай, так и Япония до начала данного конфликта «долго спали сном непробудным, долго держались вдали от европейской культуры» [Там же. С. 360.]. Под сомнение ставились и методы ведения военных действий. Утверждалось, например, что Китай «помнит свою вековую систему запугивания врага, хотя бы уродливыми масками своих воинов и страшными драконами своих знамён» [Там же. С. 360.]. Что касается Кореи, из-за которой разгорелось военное противостояние Китая с Японией, то корейцев русские политические сатирики называли «теми же китайцами с одной оговоркой: корейцы – самые глупые, самые отсталые и самые жалкие из всех китайцев» [Стрекоза №34. СПб, 1894. С. 7.].

Герои подобных карикатурных изданий – и Китай, и Япония, и Корея – изображались в крайне неприглядном виде: чаще всего это были люди в традиционных восточных нарядах, с несимпатичными чертами лица, которые не могут даже сообразить, каким образом использовать оружие европейского образца и переходят на драку с использованием любых подручных средств – от чайника до элементов собственной прически (См. рис. 1, 2):

Рис. 1
[Будильник
№ 35. СПб,
1894. С. 2.]

Рис. 2 [Стрекоза № 32.
СПб, 1894. С. 1.]

Помимо этого, оба прямых участника конфликта, как и Корея, из-за которой он разгорелся, изображены в виде легкой добычи для наблюдающей за их спором и явно превосходящей их в силе Англии (справа в верхнем углу). Эта иллюстрация позволяет говорить об особом внимании русской прессы, как и всей общественности тех лет, к участию Запада в событиях на Дальнем Востоке (См. рис. 3):

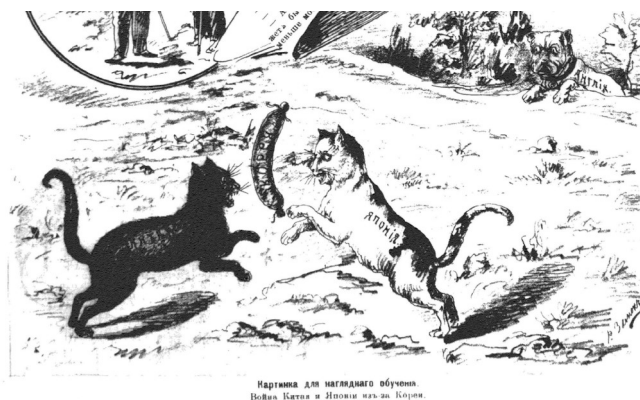

Рис. 3 [Будильник № 31. СПб, 1894. С. 2.]

С развитием военных действий, сопровождавшимся постоянными неудачами китайской армии и флота, внимание к ним со стороны русской прессы становилось все более пристальным. После того, как японцы отрезали Китай от моря популярный у читателей тех лет научно-литературный и политический журнал «Новое слово» заключил: «Блестящая победа японцев при Пинъяне в связи с поражением китайцев в устье Ялу существенно изменила положение дел и заставила обратить внимание на то, в каких условиях будет заключен мир. Россия, при нежелании, чтобы японцы утвердились в Корее, также не может относиться равнодушно к этим перипетиям дальней борьбы соседей» [Новое слово. № 10. СПб, 1894. С. 359-360.].

Помимо этого, политические аналитики Российской империи и широкая общественность стали задаваться вопросом: «Когда очень большой китаец превратился в очень маленького азиата, а очень маленький японец – в очень большого европейца?» [Стрекоза № 4. СПб, 1895. С. 4]. Страницы сатирических изданий тех лет пестрели крайне нелицеприятными высказываниями в адрес участников конфликта: «От частых поражений китайских войск, сын Неба и владыка земли обалдел и с горя пьет запоем чай. Одного мандарина, проигравшего сражение японцам он недавно собственноручно оттащил за косу и выколол из мандарина бамбуком всю пыль. ... По случаю победы над китайцами, во всей Японии идет ликование. Микадо⁴ с радости танцует ежедневно с женой канкан и мурлычет себе под нос французские шансонетки из репертуара Кортесъ, доказывая таким образом полную свою цивилизованность» [Стрекоза № 36. СПб, 1894. С. 3.].

⁴Используемый русской прессой XIX века в качестве имени собственного устаревший титул для обозначения императора Японии. В описываемый период Японией правил император Мэйдзи.

Мы можем видеть, что Китай на карикатурах 1895 г. представлен господином в традиционном наряде, напоминающим одновременно и Ли Хунчжана, и императора Гуансюя, в то время как Япония стала изображаться в виде человека с коротко остриженными волосами в военной форме западного образца, прообразом которому, очевидно, послужил сам император Мэйдзи. Япония наносит Китаю различные оскорбления в виде пинков и отрезания традиционной косы, то есть подвергает его страшному унижению. Однако и этот «европеизированный» господин явно не вызывает симпатии у авторов (См. рис. 4, 5):

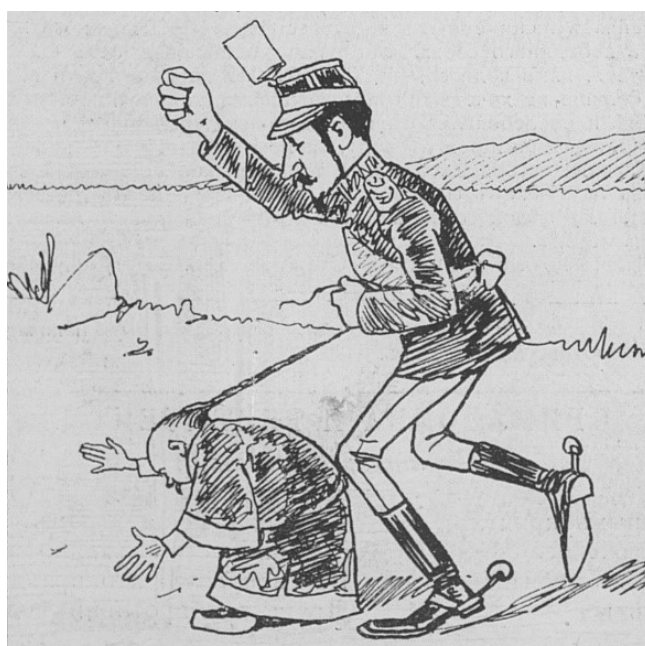

Рис 4. [Стрекоза № 51. СПб, 1894. С.1.]

На одном из подобных изображений можно даже видеть, как император Мэйдзи в военной форме с помощью обычных мехов для раздувания пламени в камине сталкивает с постамента, символизирующего Китай, изображенного в виде недвижимой и неспособной к сопротивлению статуи императора Гуансюя. Эта карикатура отлично иллюстрирует, насколько

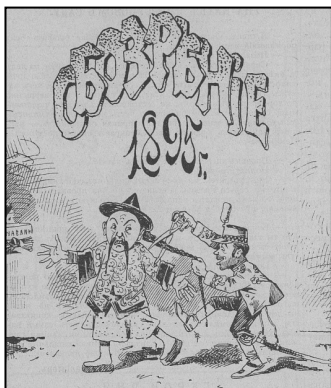

Рис. 5 [Стрекоза № 4. СПб, 1895. С. 4.]

укоренился в российском общественном сознании заимствованный на Западе образ Китая «как царства неподвижности, общества, еще в древности застывшего в своем развитии» [Лукин. 2007. С. 71.], а также намекает на то, что

военные средства Японии не так уж разнообразны и современны (См. рис. 6):

Микадо. — Я даже и сам не думал, что он такой чувствительный!

Рис. 6 [Стрекоза № 3. СПб, 1896. С. 4.]

Подобный интерес к событиям вокруг Китая и Японии в русской прессе был связан, прежде всего, с особым отношением Российской империи к данному региону. Как уже говорилось выше, в ходе военных действий и переговоров о перемирии в российских высших политических и общественных кругах не утихали

споры по поводу того, как России реагировать на сложившуюся внутри- и внешнеполитическую ситуацию вокруг Китая. Например, великий русский мыслитель В.С. Соловьев, будучи убежденным идеологическим противником «китаизации» Европы предположил даже, что в будущем возможно «совместное японо-китайское нападение на Запад, в котором основную роль будет играть Япония, а Китай подчинится ее воле» [Лукин. 2007. С. 78.]. Помимо этого, как отмечает Ю.Г. Благодер: «для наиболее консервативных российских кругов Цинская империя являла собой символ отсталости. ... Трагический опыт Китая использовался ими в качестве аргумента необходимости скорейшего реформирования собственной политической системы по примеру передовых западных держав» [Благодер. 2017. 179.]. Автор также говорит о том, что, война Китая с Японией, «по мнению российских периодических изданий, должна была стать толчком к началу реформ [в Китае - Е.С.]. Кроме того, нашли подтверждение колонизаторские планы расчетливой Европы, готовой поддержать Японию, если она потребует от Китая оторвать все порты для иностранцев, или Китай, если ему удастся умерить запросы противника на корейские земли» [Там же. С. 191.].

Исторические события на Дальнем Востоке конца XIX – первой половины XX века подтвердили, что непродолжительное военное противостояние 1894-1895 гг. оказало существенное влияние на положение дел в регионе. Так, участник Цусимского сражения морской офицер Н.Н. Нозиков полагал, что китайско-японская война имела особый интерес как для царской России, так и для Западной Европы и США, ведь именно эта война «дала материал для характеристики вооруженных сил Китая и Японии и, кроме того, познакомила русских

с особенностями Кореи и Маньчжурии как районов военных действий» [Нозиков. 1939. С. 5]. В свою очередь, Я.С. Гузей отмечает, что именно в ходе данной войны выявилась «успешность японской реорганизации», а «осмысление российским обществом итогов этой войны играло существенную роль в трансформации представлений о странах Дальнего Востока в России, осознанию их в качестве потенциально опасных» [Гузей. 2014. С. 20].

Можно констатировать, что в рамках обсуждения китайско-японского конфликта на страницах русских изданий явно проявилась столь характерная для взаимного восприятия России и Китая в XIX веке и в дальнейшем амбивалентность, о которой пишет в своих работах Н.А. Самойлов⁵. С одной стороны, русские политические и общественные деятели видели себя и Россию, в целом, некой силой, которая способна «цивилизовать» косный и застывший Китай. И в этом смысле Россия причислялась деятелями общественной мысли к ряду европейских держав. С другой же стороны, популярная русская печать всячески осуждала попытки Европы, Японии и США произвести колониальный раздел Китая, видя в себе защитника целостности огромной цинской империи, т.е. противопоставляя свои внешнеполитические интересы на Дальнем Востоке интересам Запада и Японии. В частности, «Новое слово» цитирует такие заметки из западных газет в связи с поездкой Ли Хунчжана в Японию для проведения переговоров о перемирии: «В Японию явился с повинной головой один из способнейших китайских государственных деятелей, и в этом обстоятельстве газета «Qstas Correspondenz» усматривает знаменательный шаг со стороны

Китая на пути к культурному прогрессу, наглядное свидетельство победы Ли Хунчжана над дикостью и отсталостью, над косностью и вековым застоём. ... Между тем, по известиям официальной венской «Polit. Correspondenz», прибывший в Рим китайский посланник заявил, что благоприятный исход начавшихся в Симоносеки мирных переговоров будет не в малой степени зависеть от силы давления на Японию западных держав. По сведениям того же венского политического органа, в некоторых европейских официальных сферах полагают, что Япония удовлетворится незначительными территориальными уступками, и если потребует открытия для всемирной торговли всех без исключения китайских портов, то европейские кабинеты энергически поддержат это требование» [Новое слово. № 3. СПб, 1895. С. 448-449.]. На наш взгляд, содержание этой сводки явно говорит о том, что ее автор поддерживает китайскую сторону в лице Ли Хунчжана, давая ему столь лестную характеристику и выражая надежду на его участие в скорой модернизации «застывшего» Китая. В то же время, автор выражает надежду на возможность тем или иным способом смягчить притязания Японии, тайно поддерживаемые великими державами, к которым Россия в данном случае не причисляется. Недаром, говоря об итогах войны и успехах российской дипломатии в ограничении территориальных притязаний Японии, то же издание заключает: «Нельзя всё-таки отрицать, что изгнание японцев из Маньчжурии является блестящей победой русской политики на Дальнем Востоке, чего не отрицает даже и английская печать. Эта победа одержана нами без пролития крови, единственно благодаря прямодушной твёрдости Государя Императора, не искавшего войны, но и не добивавшегося мира во что бы то ни стало» [Новое

⁵Например, см. Самойлов Н.А. Роль цинских дипломатов в политическом и культурном взаимодействии Китая с Европой и Россией (2-я половина XIX века) // Вестник НГУ. 2008. Т. 7. Вып. 4: Востоковедение. С. 32-37.

слово. № 5. СПб, 1895. С. 372.]. То есть Российская империя предстает своего рода защитником Китая, выступающим на стороне мира и справедливости и не ищущим выгод для себя лично. Это убеждение выразилось и в карикатурных изображениях, посвященных условиям перемирия между сторонами, на которых основным бенефициаром победы японской стороны изображается именно Англия (См. рис. 7):

Рис. 7 [Будильник № 15. СПб, 1895. С. 1.]

ВЫВОДЫ

Видимо, нельзя полностью согласиться с Сунь Чжинцин, утверждающей, что «официозные органы издания («Московские ведомости», «Новое время», «Русский вестник» и «Гражданин»), не желая либеральных изменений, где бы то ни было, не хотели упустить китайского рынка, крайне боясь пробужденного не Россией, а Западом Китая. Поэтому, имея в виду возвышение Японии в Восточной Азии и учитывая слабые экономические и военные позиции России на Дальнем Востоке, большинство из них предпочитало неподвижный Китай динамичной и агрессивной Японии», а «либеральная печать («Русское богатство» «Русская мысль» «Неделя» «Вестник Европы», а также «Русские ведомости») не питала симпатии к деспотичному Китаю, публично призывая к агрессии в Китае. Напротив, в отношении Японии она выражала симпатию, и тем самым обозначала своё

несогласие с консервативной властью самодержавия» [Сунь. 2004. С. 12.]. На наш взгляд, пример освещения русской прессой китайско-японской войны 1894-1895 г., демонстрирует, что однозначного мнения о Китае и о том, какой политики в его отношении должна придерживаться Россия, в русской общественной мысли конца XIX века, как и сегодня, не существовало. Не существовало и особой симпатии к Японии. Видимо, либеральная пресса, впечатленная военными успехами Японии, опасалась вмешательства России в дальневосточный конфликт, полагая, что это может негативно сказаться на ее судьбах. В то же время проправительственные издания высказывали солидарность с позицией высшего руководства империи в конкретный момент: «Да, первый дебют нашего нового министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского увенчался полным успехом. С этим должны будут согласиться даже те из наших газет, которые отстаивали систему невмешательства в японско-китайские дела и, пережевывая либеральную жвачку, с её девизом: куда нам!, на все лады расшаркивались перед Японией и готовы были бесспорно отдать ей не только южную часть Маньчжурии, но и чуть не весь Китай» [Новое слово. № 5. СПб, 1895. С. 372-373.].

Можно заключить, что непродолжительный военный конфликт между Китаем и Японией оказал существенное воздействие на его непосредственных участников, кардинально изменив расстановку политических сил на дальневосточной арене. Он также особым образом повлиял на развитие как китайской, так и японской общественной мысли и идеологии. Помимо этого, события 1894-1895 гг. способствовали формированию новых образов восточных соседей в русской общественной мысли.

Именно со второй половины 90-х гг. XIX века Китай стал постоянным «героем» на страницах популярной прессы Санкт-Петербурга и Москвы, а значит, в умах рядовых читателей журналов и газет стали складываться определенные стереотипы об этом государстве и его обитателях, многие из которых укоренились в сознании жителей европейской части России на долгие десятилетия. Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что даже авторы карикатурных изображений и сатирических заметок о Китае были довольно хорошо осведомлены о деталях традиционного китайского костюма, особенностях китайской кухни, способах написания китайских имен и названий и т.д., что свидетельствует о неподдельном интересе к Китаю со стороны самых широких слоев русской общественности конца XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благодер Ю.Г. Российская периодическая печать о Китае (конец XIX – начало XX века). Краснодар: КубГТУ, 2017. - 337 с.
2. Буди́льник № 15. СПб, 1895.
3. Буди́льник № 31. СПб, 1894.
4. Буди́льник № 35. СПб, 1894.
5. Гузей Я.С. «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX - начале XX в.: Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. СПб, 2014.
6. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII-XXI веках. М.: АСТ Восток-Запад, 2007. - 598 с.
7. Новое слово. № 3. СПб, 1895.
8. Новое слово. № 5. СПб, 1895.
9. Новое слово. № 9. СПб, 1894.
10. Новое слово. № 10. СПб, 1894.
11. Нозиков Н.Н. Японо-китайская война 1894-1895. М.: Воениздат, 1939.
12. РГИА. Ф. 1622, оп. 1, д. 113.
13. РГИА. Ф. 1622, оп. 1, д. 115.
14. Самойлов Н.А. Ключевые моменты истории российско-китайских отношений 1861-1901 годов: периодизация, архивные материалы и перспективы изучения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 1. С. 24-29.
15. Самойлов Н.А. Роль цинских дипломатов в политическом и культурном взаимодействии Китая с Европой и Россией (2-я половина XIX века) // Вестник НГУ. 2008. Т. 7. Вып. 4: Востоковедение. С. 32-37.
16. Стрекоза № 3. СПб, 1896.
17. Стрекоза № 4. СПб, 1895.
18. Стрекоза № 32. СПб, 1894.
19. Стрекоза №34. СПб, 1894.
20. Стрекоза № 36. СПб, 1894.
21. Стрекоза № 51. СПб, 1894.
22. Сунь Чжинцин. Русская публицистика о проблемах внешней политики России в отношении Китая (конец XIX – начало XX вв.): Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. М., 2004.
23. Тянь Цинли, Сун Чжиянь. Влияние китайско-японской войны на Китай и Японию в Новое время (Цзяу чжаньчжэн дуй цзиньдай илай Чжун Жи лян го дэ инсян 甲午战争对近代以来中日两国的影响) // Ухань дасюэ сюэбао. Вып. 67, №6. Ухань, 2014. С. 75-82.
24. Чжун'э гуаньси ши [История русско-китайских отношений]. Ч.2. Составитель Мин Цзи. Тайбэй: Изд-во Саньминь, 2008.

BIBLIORAPHIC REFERENCES

1. Blagoder Y.G. Rossijskaya periodicheskaya pechat' o Kitae (konec XIX – nachalo XX veka) [Russian periodical press about China (end of XIX - beginning of XX century)]. Krasnodar: KubGTU, 2017. - 337 P.
2. Budil'nik Vol. 15. SPb, 1895.
3. Budil'nik Vol. 31. SPb, 1894.
4. Budil'nik Vol. 35. SPb, 1894.
5. Guzey Y.S. «Zheltaya opasnost'»: predstavleniya ob ugroze s Vostoka v Rossijskoj imperii v konce XIX - nachale XX v. [“Yellow Danger”: perceptions of the threat from the East in the Russian Empire in the late 19 th and early 20th century]. SPb, 2014.
6. Lukin A.V. Medved' nablyudaet za drakonom: obraz Kitaya v Rossii v XVII-XXI vekah. [A bear watching a dragon: the image of China in Russia in the 17th -21st centuries] M.: AST Vostok-Zapad, 2007. - 598 p.
7. Novoe slovo. Vol. 3. SPb, 1895.
8. Novoe slovo. Vol. 5. SPb, 1895.
9. Novoe slovo. Vol. 9. SPb, 1894.
10. Novoe slovo. Vol. 10. SPb, 1894.
11. Nozikov N.N. Yaponno-kitajskaya vojna 1894-1895. [Sino-Japanese war 1894-1895.] M.: Voenizdat, 1939.
12. RSHA. F. 1622, inv. 1, issue. 113.
13. RSHA. F. 1622, inv. 1, issue. 115.
14. Samoylov N.A. Klyuchevye momenty istorii rossijsko-kitajskih otnoshenij 1861-1901 godov: periodizaciya, arhivnye materialy i perspektivy izucheniya [Key Issues in the History of Russian-Chinese Relations (1861-1901): Periodization, Archival Materials and Research Prospects]. Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki. 2017. Vol. 11. Issue 1. P. 24-29.
15. Samoylov N.A. Rol' cinskih diplomatov v politicheskom i kul'turnom vzaimodejstvii Kitaya s Evropoj i Rossiej (2-ya polovina XIX veka) [Role of Qing Diplomats in Sino-European and Sino-Russian political and cultural interaction (2nd half of the 19th cent.)]. Vestnik NSU. 2008. Vol. 7. Issue. 4. P. 32-37.
16. Strekoza Vol. 3. SPb, 1896.
17. Strekoza Vol. 4. SPb, 1895.
18. Strekoza Vol. 32. SPb, 1894.
19. Strekoza Vol. 34. SPb, 1894.
20. Strekoza Vol. 36. SPb, 1894.
21. Strekoza Vol. 51. SPb, 1894.
22. Sun Zhincin. Russkaya publicistika o problemah vneshnej politiki Rossii v otnoshenii Kitaya (konec XIX – nachalo XX vv.). [Russian Journalism on the Problems of Russia's Foreign Policy towards China (End of XIX - Beginning of XX Centuries).] M., 2004.
23. 田庆立. 宋志艳. 甲午战争对近代以来中日两国的影响 [The effect of the Sino-Japanese war of 1894-1895 on Modern China and Japan]. Wuhan University Journal. Vol. 67. No 6. Nov. 2014. P. 75-82.
24. 中俄关系史[History of Sino-Russian Relations]. Vol. 2. Compiled by Ming Ji. Taipei: Sanmin chubanshe, 2008.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena Olegovna Starovoytova

Assistant of the Department of Public Theory Asian and African countries

Saint Petersburg State University

e.starovoytova@spbu.ru

Принята к публикации: 10.11.2019 г.

Submission Date: 2019.11.10.

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРИОДА БАКУМАЦУ В РОССИЙСКОМ ЯПОНОВЕДЕНИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

STUDY OF THE BAKUMATSU PERIOD IN RUSSIAN JAPANESE STUDIES: BRIEF REVIEW OF LITERATURE

Уткина Анна Александровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
sindamire@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В обзоре кратко представлены труды российских японоведов, посвященные как периоду позднего сёгуната Токугава 1854-1868 гг (т.н. бакумацу). Работы, рассмотренные в обзоре, разделены на три группы: работы, посвященные периоду бакумацу отдельно; работы общего характера, в том числе освещающие поздний сёгунат Токугава и учебные пособия по истории Японии. Обзор может быть полезен тем, кто интересуется историей Японии.

Ключевые слова и фразы: бакумацу, обзор, монографии, статьи, учебники.

Для цитирования: Уткина А.А. Изучение периода бакумацу в российском японоведении: краткий обзор литературы. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 40-47

ABSTRACT

The review briefly presents the works of Russian Japanese scholars dedicated to the period of the late Tokugawa Shogunate 1854-1868 (the so-called bakumatsu). The works considered in the review are divided into three groups: works devoted to the Bakumatsu period separately; general works, including those covering the late Tokugawa Shogunate and textbooks on the history of Japan. The review may be useful to those interested in the history of Japan.

Key words and phrases: bakumatsu, review, monographs, articles, textbooks.

For citation: Utkina A.A. Study of the bakumatsu period in Russian Japanese studies: brief review of literature. Modern oriental studies. 2019; 1 (3): 40-47

Поздний период сёгуната Токугава, т.н. бакумацу (1854-1868) - уникальное время в истории Японии. В ситуации кризиса существующего режима, оказавшись в сфере влияния западных держав, страна, тем не менее, смогла не стать ни колонией, как Индия, ни полуколонией, как Китай. Бакумацу - время начала сложения японской нации и становления Японии на путь модернизации.

Цель данного обзора — показать степень изученности периода бакумацу российскими японистами. Этот обзор будет полезен тем, кто собирается изучать указанный период, а также тем, кто интересуется историей Японии. В обзоре представлены труды российских японистов советского и постсоветского периодов.

Труды историков, освещающие в том числе эпоху бакумацу, можно условно разделить на три группы. Это работы, освещающие именно период бакумацу, различные события и процессы, происходившие тогда, а также деятельность исторических личностей того времени. Работы общего характера, посвящённые истории Японии в 19 веке или её отдельным аспектам. В отдельную группу можно выделить учебные пособия по истории Японии. Каждую группу можно разделить на подгруппы: работы, написанные в СССР и работы постсоветского периода. Первые отличаются строгим следованием марксистско-ленинской классовой теории; вторые более свободны в подходе.

Из числа работ советских японоведов к первой группе можно отнести работы Светлова В.С. "Происхождение капиталистической Японии" [31] и Топехи П.П. "Падение сёгуната" [45].

В работе "Происхождение капиталистической Японии" [31] с марксистских позиций подробно рассмотрены экономические предпосылки Реставрации Мэйдзи и системный кризис режима Токугава, достигший критической точки к 1860-м годам. При этом В.С. Светлов трактует всю эпоху Токугава как период застоя и упадка, противопоставляя ее последующей эпохе Мэйдзи.

Работ, написанных в 1990-е годы и позднее, больше, но представлены они почти исключительно статьями в журналах и сборниках. Это статьи на тему общественно-политической мысли Японии Совастеева В.В. [32, 35], Кобеца В.Н. [11], Врадия С.Ю. [2], публикации Толстогузова С.А. [36, 39, 40], посвященные политической борьбе и финансовому кризису в указанный период. Статьи Ковальчук М.К. [12, 13, 14], Климова Ю.В. [10], Носова М.Г. [26], Наливайко О.К. [25], освещающие отдельные

аспекты отношений Японии со странами Запада и Россией в период бакумацу, статьи Османова Е.М. [28] о воинских формированиях бакумацу и т.п.

Статьи М.К. Ковальчук посвящены отдельным аспектам отношений Японии с Европой и Россией, в частности, статья "Фукудзава Юкити "Сэйё дзидзё": взгляд на Россию через призму европейских источников" [14] посвящена одному из трудов Фукудзава Юкити — "Сэйё дзидзё" ("Положение дел на Западе"). В статье М.К. Ковальчук анализирует сведения о Российской империи, представленные на страницах "Сэйё дзидзё". В виду популярности этой книги в Японии второй половины XIX века и авторитета ее автора она оказала большое влияние на формирование образа России в японском обществе как в XIX веке, так и в дальнейшем. В статье также отмечено, что при написании раздела о Российской империи Фукудзава Юкити активно пользовался сведениями, почерпнутыми из британской энциклопедической литературы, что не могло не повлиять на формирование образа России, представленного в «Сэйё дзидзё».

Ко второй группе из числа трудов советских японоведов можно отнести работу Плетнера О.В. "История эры Мэйдзи" [29], "Очерки новой истории Японии (1640-1917)" под редакцией А.Л. Гальперина и его же очерк "Социально-экономические предпосылки буржуазной революции в Японии" [3, 4], монографии Бугаевой Д.П. "Японские публицисты конца XIX века" [1] и Михайловой Ю.Д. "Общественно-политическая мысль Японии" [22], труды Жукова Е.М., в частности "К вопросу об оценке "Революции Мэйдзи" [7].

"Очерки новой истории Японии (1640-1917)" под редакцией А.Л. Гальперина —

масштабный коллективный труд, первая большая работа советских учёных по истории Японии. Монография написана на большом фактическом материале, достаточно подробно освещены 1853-1868 годы, проанализированы экономические предпосылки Реставрации Мэйдзи. Исторические события трактуются и анализируются с марксистских позиций.

Из трудов современных японистов можно выделить коллективную монографию под редакцией Молодяковой Э.В. "Япония: опыт модернизации" [24], монографии Совастеева А.В. "Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро" [33], Лещенко Н.Ф. "Япония в эпоху Токугава" [18] и Молодякова В.Э. "Консервативная революция в Японии: идеология и политика" [23], Мещерякова А.Н. "Император Мэйдзи и его Япония" [21], Толстогузова С.А. "Сёгунат Токугава в первой половине XIX в. и реформы годов Тэмпо" [38].

Монография "Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро" посвящена политическим взглядам многих исторических личностей Японии, в том числе деятелям эпохи бакумацу, таким как Сакамото Рёма, Кусака Гэндзуй, Сакума Сёдзан и другие. О большей части исторических деятелей, упомянутых в монографии, очерки на русском языке публикуются впервые.

Диссертации представлены работами Османова Е.М. "История становления японской императорской армии и флота: 1868 - 1894" [27] и Толстогузова С.А. "Антикризисная политика сёгуната Токугава в Японии в период Тэмпо" [35].

Также современными российскими японистами написан ряд статей, тематика которых затрагивает в том числе период бакумацу. Это статьи Ильина А.П. [8] об истории армии и фло-

та в эпоху Мэйдзи; Лещенко Н.Ф. [17] и Полохало Ю.Н. [30], посвящённые началу эпохи Мэйдзи в целом, Кудоярова В.Н. [15] и Толстогузова С.А. [37] по отдельным аспектам международных отношений в периоды бакумацу и Мэйдзи исин.

В работе Н.Ф. Лещенко «Последний сёгун дома Токугава» [17] представлено краткое жизнеописание последнего сёгуна династии Токугава, известного как Токугава Ёсинобу, от детства до смерти. Рассмотрены его путь к посту сёгуна и краткое правление, предпосылки и последствия его политических решений. Также автор анализирует влияние Токугава Ёсинобу на события периодов бакумацу и Мэйдзи исин.

Среди учебных пособий по истории Японии, вышедших в советский период и освещающих в том числе бакумацу, можно назвать "Историю Японии" под общей редакцией Кузнецова Ю.П. [16]. Из общих учебных пособий по истории Японии, написанных российскими японоведами в постсоветский период и освещающих в том числе период бакумацу, стоит отметить "Историю Японии" под редакцией Стрельцова Д.В. [9] и двухтомную «Историю Японии» под редакцией А. Е. Жукова [6]. Среди учебников, посвящённых отдельным периодам или аспектам истории Японии, в том числе касающихся позднего сёгуната Токугава, можно перечислить Дацышен В.Г. "Новая история Японии" [5], Совастеев В.В. "Политическая мысль Японии накануне переворота Мейдзи" [34], Мазуров И.В. "Япония на пути модернизации" [20].

В двухтомном учебном пособии «История Японии» под редакцией А. Е. Жукова систематически излагается история Японии с древнейших времен до конца XX века. Авторы показывают общие исторические процессы и их особенности применительно к Японии. В данном

учебном пособии ясно изложены преимущества и недостатки режима Токугава, проанализированы экономические, социальные и культурные предпосылки кризиса сёгуната и особенности эпохи Мэйдзи.

Таким образом, на данный момент написано небольшое количество монографий и учебных пособий по истории Японии в целом, более-менее подробно освещающих и период бакумацу. При этом монографий, посвящённых непосредственно названной эпохе, очень мало. Статей по отдельным аспектам изучаемого периода несколько больше, но работ об отдельных деятелях бакумацу также немного.

В заключение данного обзора можно сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения означенного периода российскими японоведами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугаёва Д.П. Японские публицисты конца XIX века. - М.: Наука, 1978. - 163 с.
2. Врядий С.Ю. "Влияние китайских учёных на развитие общественной мысли Японии накануне Мэйдзи" / С.Ю. Врядий // Вестник ДВО РАН, 2005. - N 4. - С. 80-85.
3. Бедняк И.Я. и др. Очерки новой истории Японии (1640 - 1917) / Под ред. Гальперина А.Л. - М.: Издательство Восточной литературы, 1958 - 598 с.
4. Гальперин А.Л. Социально-экономические предпосылки буржуазной революции в Японии. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. - М., 1959. - Т. 23. - С. 94-115.
5. Дацышен В. Г. Новая история Японии. — Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007. — 200 с.
6. Жуков А.Е. История Японии. С древнейших времён до 1868 г. Том 1. / А.Е. Жуков. - М.: Институт востоковедения РАН, 1998. - 659 с.
7. Жуков Е.М. "К вопросу об оценке "Революции Мэйдзи" // Вопросы истории, 1968. - N 2. - С. 51-57.
8. Ильин А. П. Мэйдзи исин и создание регулярной армии Японии / А.П. Ильин // Вестник Московского университета : Серия 11. Право. - 2010. - N 5. - С. 116-127.
9. Стрельцов Д.В., История Японии: Учебник для студентов вузов / Стрельцов Д.В. - М. : Аспект Пресс, 2015. - 560 с.
10. Климов В. Ю. Первое японское посольство в России (1862 г.) / В. Ю. Климов // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Серия 13. - вып. 1. - 2010. - С. 3-16.
11. Кобец В. Н. Фукудзава Юкити: мировоззрение и деятельность / В. Н. Кобец // Из истории общественной мысли Японии. XVII—XIX вв. - М., 1990.
12. Ковальчук М.К. Знакомство с Европой. миссия Такэноути в Великобритании // Ежегодник Япония, 2010. - N 39. - С. 293-308.
13. Ковальчук М.К. Мори Аринори: размышления о России. Поездка в Петербург летом 1866. // Ежегодник Япония, 2014. - N 43. - С. 160-177.
14. Ковальчук М.К. Фукудзава Юкити "Сэйё дзидзё": взгляд на Россию через призму европейских источников // Россия и АТР. - 2018. - N 2. - С. 53-66.
15. Кудояров В.Н. Японо-голландские отношения в эпоху Эдо (1603-1867) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2013. - N 3. - С. 54-61.
16. Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Т.Б., Сырицин И.М. История Японии: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История». - М.: Высшая школа, 1988 - 432 с.
17. Лещенко Н.Ф. Последний сёгун дома

- Токугава// Известия Восточного института. - Владивосток, 2010. - С. 42-53.
18. Лещенко, Нелли Федоровна. Япония в эпоху Токугава / Н.Ф.Лещенко, А.Е.Жуков. — М. : ИВ РАН, 1999. — 319 с.
19. Мазуров, И.В. Япония в период перехода к капитализму. - Хабаровск: ДВАГС, 2001. -38 с.
20. Мазуров И.В. Япония на пути модернизации. — Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2006. — 48 с.
21. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. — 2-е изд. — М.: Наталис, 2009. — 736 с.
22. Михайлова Ю.Д. Общественно-политическая мысль в Японии 60 — 80-х гг. XIX в. - М., 1991. - 216 с.
23. Молодяков, В.Э. Консервативная революция в Японии : Идеология и политика / В.Э. Молодяков. — М. : Издат. фирма "Вост. лит." РАН, 1999. — 320 с.
24. Молодякова Э.В. Япония: опыт модернизации / Э. В. Молодякова. - М., АИРО-XXI, 2011 – 280 с.
25. Наливайко О. А. Из истории японской медицины: средневековые традиции и европейская наука / О.А. Наливайко // Проблемы истории, филологии, культуры, 2018. - N 4. - С. 165-176.
26. Носов М.Г. Отношения между США и Японией в период заключения "неравноправных договоров" (1854–1868 гг.) // США и Канада: экономика, политика, культура, 2011. - N 2. - С. 93–108.
27. Османов Е.М. История становления японской императорской армии и флота: 1868—1894 : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. — Санкт-Петербург, 2005. — 306 с.
28. Османов Е.М. Народные воинские формирования периода бакумацу (1854–1867) и разработка доктрины японских вооруженных сил / Е.М. Османов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2013. - N 1. - С. 47-57.
29. Плетнер, О. В. История эры Мэйдзи. М.: Институт востоковедения, б. г. - 162 с.
30. Полохало Ю.Н. Революция Мэйдзи и реформы управления в Японии / Ю.Н. Полохало // Управленческое консультирование: история и культура, 2006. — С. 195-205.
31. Светлов В.С. Происхождение капиталистической Японии. - М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. - 2-е изд. - 111 с.
32. Совастеев В.В. Общественно-политические взгляды Ёкои Сёнан// Известия Восточного института. -1997. - N 5. - С. 136 - 155.
33. Совастеев. Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. - Владивосток: издательство Дальневосточного университета, - 2008. - 296 с.
34. Совастеев В.В. Политическая мысль Японии накануне переворота Мейдзи. - Владивосток: издательство Дальневосточного университета, 1995. - 68 с.
35. Совастеев В.В. Школа Мито и ее место в развитии общественно-политической мысли Японии./ В. В. Совастеев // Зарубежный Дальний Восток. Вопросы истории общественного развития. - Владивосток: издательство Дальневосточного университета, 1990. - С. 27-43.
36. Толстогузов, С.А. Антикризисная политика сёгуната Токугава в Японии в период Тэмпо. АД ... к. и. н.- Владивосток, 2012. - 169 с.
37. Толстогузов С.А. Покушение на Ии Наосукэ и его причины / С.А. Толстогузов // Вопросы истории, 2004. - N 7. - С. 147-151.
38. Толстогузов С.А. Посольство в Америку 1860 г. и проблема обменных курсов / С.А. Толстогузов // Японские исследования, 2019. - N 1, - С. 21-38.
39. Толстогузов С.А. Токугава Ёсинобу и борьба за сёгунский пост в годы Ансэй / С.А.

- Толстогузов // Восток, 2003. - N 6. - С. 5-11.
40. Толстогузов, С.А. Сёгунат Токугава в первой половине XIX в. и реформы годов Тэмпо. - М., 1999. - 180 с.
41. Толстогузов С.А. Симадзу Хисамицу и политическая борьба в 1862 году // Известия Восточного института. - 2006. - N 13. - С. 44-56.
42. Толстогузов С.А. Финансовый кризис и Мэйдзи исин / С.А. Толстогузов // Японские исследования, 2018. - N 2. - С. 54-71.
43. Топеха П.П. К вопросу о характере Мэйдзи исин / П.П. Топеха// Историко-филологические исследования. - М.: Наука, 1967. - С. 499-504.
44. Топеха П.П. Падение сёгуната / П.П. Топеха // Учёные записки Института востоковедения АН СССР. - Т. 23.- М., 1959. - С. 116-128.
45. Файнберг Э.Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. - М.: изд. МИВ, 1954. - 108 с.
46. ponii [New History of Japan] Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astaf'yeva, 200 p.
6. Zhukov A.Ye. (1998). Istoriya Yaponii. S drevneyshikh vremyon do 1868 g. Tom 1 [History of Japan. From ancient times until 1868, Volume 1]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 659 p.
7. Zhukov Ye.M. (1968). K voprosu ob otsenke "Revol'yutsii Meiji" [To the Question of the Evaluation of the Meiji Revolution]. Voprosy istorii, N 2. pp. 51-57.
8. Il'in A. P. (2010).Meiji ishin i sozdaniye regul'yarnoy armii Yaponii [Meiji ishin and the creation of the regular army of Japan]. Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 11. Pravo, N 5, pp. 116-127.
9. Strel'tsov D.V.(2015). Istoriya Yaponii: Uchebnik dlya studentov vuzov [History of Japan: Textbook for university students]. Moscow, Aspekt Press, 2015. 560 pp.
10. Klimov V.Yu. (2010). Pervoye yaponskoye posol'stvo v Rossii (1862 g.) [The First Japanese Embassy in Russia (1862)]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.Seriya13, N 1, pp. 3-16.
11. Kobets V.N. (1990). Fukudzawa Yukichi: mirovozzreniye i deyatel'nost' [Fukuzawa Yukichi: worldview and activity]. In«Iz istorii obshchestvennoy mysli Yaponii. XVII—XIX vv» [From the history of Japanese public thought ofXVII — XIX centuries]. Moscow, 160 p.
12. Koval'chuk M.K. (2010). Znakomstvo s Yevropoy. missiya Takenouti v Velikobritanii [Acquaintance with Europe.Takenouchi mission in the UK]. Yezhegodnik Yaponiya, N 39, pp. 293-308.
13. Koval'chuk M.K. (2014). Mori Arinori: razmyshleniya o Rossii. Poyezdka v Peterburg letom 1866 [Mori Arinori: Reflections on Russia.A trip to St. Petersburg in the summer of 1866]. Yezhegodnik Yaponiya, N 43, pp. 160-177.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bugayova D.P. (1978).Yaponskiye publitsisty kontsa XIX veka [Japanese publicists of the late 19th century]. Moscow. Nauka, 163 p.
2. Vradiy S.Yu. (2005). Vliyaniye kitayskikh uchonykh na razvitiye obshchestvennoy mysli Yaponii nakanune Meiji [The influence of Chinese scientists on the development of social thought in Japan on the eve of Meiji]. Vestnik DVO RAN, N 4. pp. 80-85.
3. Bednyak I.YA. i dr. (1958). Ocherki novoy istorii Yaponii (1640 - 1917) Moscow. Izdatel'stvo Vostochnoy literatury. 598 p.
4. Gal'perin A.L. (1959). Sotsial'no-ekonomicheskiye predposylki burzhnaznoy revolyutsii v Yaponii [Socio-economic background of the bourgeois revolution in Japan]. Uchenyye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR. - Moscow, T. 23,pp. 94-115.
5. Datsyshen V. G. (2007). Novaya istoriya Ya-

14. Koval'chuk M.K. (2018). Fukudzawa Yukichi "Seiyo Jijo": vzglyad na Rossiyu cherez prizmu yevropeyskikh istochnikov [Fukuzawa Yukichi "Seiyo Jijo": a look at Russia through the prism of European sources]. *Rossiya i ATR*, N 2, pp. 53-66.
15. Kudoyarov V.N. (2013). Yaponogollandskiye otnosheniya v epokhu Edo (1603–1867) [Japanese-Dutch relations in the Edo era (1603–1867)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika*, N 3, pp. 54-61.
16. Kuznetsov Yu.D. (1988). *Istoriya Yaponii: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Istoriya»* [History of Japan: A textbook for university students enrolled in the specialty "History"]. Moscow, Vysshaya shkola, 432 p.
17. Leshchenko N.F. (2010). *Posledniy shogun doma Tokugawa* [The last shogun of the Tokugawa house]. *Izvestiya Vostochnogo instituta, Vladivostok*, pp. 42-53.
18. Leshchenko, N.F. (1999). *Yaponiya v epokhu Tokugawa* [Japan in the Tokugawa era]. Moscow, IV RAN, 319 p.
19. Mazurov, I.V. (2001). *Yaponiya v period perekhoda k kapitalizmu* [Japan during the transition to capitalism]. Khabarovsk, DVAGS, 38 p.
20. Mazurov I.V. (2006). *Yaponiya na puti modernizatsii* [Japan on the path of modernization]. Khabarovsk, Izd-vo Dal'nevostochn. gos. gumanitar. un-ta, 48 p.
21. Meshcheryakov A.N. (2009) *Imperator Meydzi i yego Yaponiya* [Emperor Meiji and his Japan]. Moscow, Natalis, 736 p.
22. Mikhaylova Yu.D. (1991). *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Yaponii 60- 80-kh gg. XIX v.* [Socio-political thought in Japan in 60-80 years of XIX century]. Moscow, 216 p.
23. Molodyakov, V.E. (1999). *Konservativnaya revolyutsiya v Yaponii : Ideologiya i politika* [The Conservative Revolution in Japan: Ideology and Politics]. M. : Izdat. firma "Vost. lit.", RAN, 320 p.
24. Molodyakova E.V. (2011). *Yaponiya: opyt modernizatsii* [Japan: the experience of modernization]. M., AIRO-XXI, 280 p.
25. Nalivayko O. A. (2018). *Iz istorii yaponskoy meditsiny: srednevekovyye traditsii i yevropeyskaya nauka* [From the history of Japanese medicine: medieval traditions and European science]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, N 4. – pp. 165-176.
26. Nosov M.G. (2011). *Otnosheniya mezhdue SSHA i Yaponiyey v period zaklyucheniya "neravnopravnykh dogovorov" (1854–1868 gg.)* [Relations between the USA and Japan during the conclusion of "unequal treaties" (1854–1868)]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, N 2, pp. 93–108.
27. Osmanov E.M. (2005). *Istoriya stanovleniya yaponskoy imperatorskoy armii i flota: 1868—1894* [The history of the formation of the Japanese imperial army and navy: 1868-1894]. Sankt-Peterburg, 306 p.
28. Osmanov E.M. (2013). *Narodnyye voinskiye formirovaniya perioda bakumatsu (1854–1867) i razrabotka doktriny yaponskikh vooruzhennykh sil* [Folk military formations of the Bakumatsu period (1854–1867) and the development of the doctrine of the Japanese army]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika*, N 1. - pp. 47-57.
29. Pletner, O.V. *Istoriya ery Meiji* [The history of the Meiji era]. Moscow, Institut vosto-kovedeniya, 162 p.
30. Polokhalo Yu.N. (2006). *Revolutsiya Meiji i reformy upravleniya v Yaponii* [Meiji revolution and management reform in Japan]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye: istoriya i kul'tura*, pp. 195-205.

31. Svetlov B.C. (1934). Proiskhozhdeniye kapitalisticheskoy Yaponii [The origin of capitalist Japan]. Moscow-Leningrad, Sotsekgiz, 111 p.
 32. Sovasteev V.V. (1997). Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady Yokoi Shonan [Socio-political views of Yokoi Shonan]. Izvestiya Vostochnogo instituta. N 5. – pp. 136 - 155.
 33. Sovasteev V.V. (2008). Ocherki istorii Yaponii. Ot Tokugawa Ieyasu do Hashimoto Ryutaro [Essays to the history of Japan. From Tokugawa Ieyasu to Hashimoto Ryutaro]. Vladivostok: izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 296 p.
 34. Sovasteev V.V. (1995). Politicheskaya mysl' Yaponii nakanune perevorota Meiji [The political thought of Japan on the eve of the Meiji coup]. Vladivostok: izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 68 p.
 35. Sovasteev V.V. (1990). Shkola Mito i yeye mesto v razvitii obshchestvenno-politicheskoy mysli Yaponii [Mito School and its place in the development of socio-political thought in Japan]. Zarubezhnyy Dal'niy Vostok. Voprosy istorii obshchestvennogo razvitiya, Vladivostok, izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, pp. 27-43.
 36. Tolstoguzov, S.A. (2012). Antikrizisnaya politika sogunata Tokugawa v Yaponii v period Tempo [Anti-crisis policy of the Tokugawa Shogunate in Japan during the Tempo period]. Vladivostok, 169 p.
 37. Tolstoguzov S.A. (2004) Pokusheniye na Ii Naosuke i yego prichiny [Attempt on Ii Naosuke and its causes]. Voprosy istorii, N 7, pp. 147-151.
 38. Tolstoguzov S.A. (2019). Posol'stvo v Ameriku 1860 g. i problema obmennyykh kursov [Embassy to America in 1860 and the problem of exchange rates]. Yaponskiye issledovaniya, N 1, pp. 21-38.
 39. Tolstoguzov S.A. (2003). Tokugawa Yoshinobu i bor'ba za sogunskiy post v gody Ansei [Tokugawa Yoshinobu and the struggle for the Shogun post during the years of Ansei]. Vostok, N 6. pp. 5-11.
 40. Tolstoguzov, S.A. (1999). Sogunat Tokugawa v pervoy polovine XIX v. i reformy godov Tempo [Tokugawa Shogunate in the first half of the 19th century and the reform of the Tempo years]. Moscow, 180 p.
 41. Tolstoguzov S.A. (2006). Shimazu Hisamitsu i politicheskaya bor'ba v 1862 godu [Shimazu Hisamitsu and the political struggle in 1862]. Izvestiya Vostochnogo instituta, N 13. - pp. 44-56.
 42. Tolstoguzov S.A. (2018). Finansovyy krizis i Meiji ishin [The financial crisis and Meiji ishin]. Yaponskiye issledovaniya. N 2, pp. 54-71.
 43. Topekha P.P. (1967). K voprosu o kharaktere Meiji ishin [To the character of Meiji ishin]. Istorikofilologicheskiye issledovaniya, Moscow, Nauka, pp. 499-504.
 44. Topekha P.P. (1959). Padeniye sogunata [The fall of the shogunate]. Uchonyye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR, T. 23, Moscow, pp. 116-128.
 45. Faynberg E.Ya. (1954). Vnutrenneye i mezhdunarodnoye polozheniye Yaponii v seredine XIX veka [and international position of Japan in the middle of the XIX century]. Moscow, izd. MIV, 108 p.
- INFORMATION ABOUT AUTHOR**
- Anna Utkina,**
Postgraduate student
Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia
sindamire@mail.ru
- Принята к публикации: 05.11.2019 г.*
Submission Date: 2019.11. 05.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ В КИТАЕ ЭПОХИ ЦИН (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

EVOLUTION OF REPRESENTATIONS ON HISTORICAL TIME IN CHINA OF THE QING ERA (SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY)

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, д.и.н., профессор
Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ

Мартынова Юлия Александровна, к.и.н., доцент
Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ
dmitrymartynov80@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена концепция Куан Чжаоцзяна (L.S.K. Kwong), на основе которой реконструирована эволюция представлений об историческом времени в Китае XIX века. Рефлексия процесса замены традиционных циклических представлений на линейные была представлена в «Новом учении об истории» Лян Цичао, хотя предпосылки к нему фиксируются документально намного ранее. Эволюционная модель в интеллектуальной истории может быть прослежена у представителей Чанчжоской школы, которые считаются предшественниками Кан Ювэя. Это было «учение Гунъяна» о последовательной смене хаоса и упорядоченности. Восприятие этой модели облегчало конфуцианскому сознанию восприятие необратимых и стремительных перемен, а в прагматическом плане облегчало понимание мышления западных империалистов. Несмотря на все теоретические и политические разногласия между Кан Ювэем, Лян Цичао и Сунь Ятсеном, все понимали, что Китай никогда не окажется прежним, и придется концепцию Поднебесной встраивать в понимание нового, глобального мира. Новый отсчёт времени и восприятие

ABSTRACT

The article considers the concept of Kuang Zhaojiang (L.S.K. Kwong), on the basis of which the evolution of ideas about historical time in China of the 19th century is reconstructed. A reflection the process of replacing traditional cyclical representations with linear ones was presented in the "New Historiography" by Liang Qichao, although the premises for it are documented much earlier. The evolutionary model in intellectual history can be traced to representatives of the Changzhou School, members of which are considered the forerunners the Kang Youwei and his disciples. This was the "Gongyang's doctrine" about the successive change of chaos and order. The perception of this model facilitated the perception of irreversible and rapid changes by Confucian consciousness, and pragmatically facilitated the understanding of the thinking of Western imperialists. Despite all the theoretical and political disagreements between Kang Youwei, Liang Qichao and Sun Yatsen, everyone understood that China would never be the same, and the concept of the All-under-Heaven would have to be built into an understanding of a new, global world. A new countdown and the perception of Chinese history on a new scale were to lead

китайской истории в новой масштабной шкале должны были привести к созданию подлинно национальной истории Китая, а не очередной династии.

Ключевые слова и фразы: историография, эпоха Цин, Лян Цичао, Кан Ювэй, Сунь Ятсен.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Эволюция представлений об историческом времени в Китае эпохи Цин (вторая половина XIX в.). Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 48–63

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена процессу восприятия модели линейного времени представителями китайской общественной мысли на позднем этапе её развития. Этот этап начался приблизительно в 1850–1860-е гг. и был обозначен Чжан Хао как «транзитивная эра» [22, р. 1]. Процесс восприятия и рецепции китайским общественным сознанием линейной модели исторического времени, по сути, так и не получил специального монографического освещения, да и посвящённые данной проблеме работы не слишком многочисленны. Как совершенно справедливо отмечал Куан Чжаоцзян (鄺兆江), «объект почти неуловим, что приводит к восприятию его как само собою разумеющегося» [27, р. 158].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первой же работой, в которой была отрефлексирована смена циклического восприятия истории на линейное, стал трактат Лян Цичао (梁啟超, 1873–1929) «Новое учение об истории» (Синь ши сюэ, 新史學), написанный в 1902 г. [9]. Лян Цичао, являясь наиболее известным популяризатором разных сторон западной общественной мысли в Китае, обратился к про-

to the creation of a truly national history of China, and not another dynasty.

Key words and phrases: C historiography, the Qing era, Liang Qichao, Kang Youwei, Sun Yatsen.

For citation: Martynov D.E., Martynova Y.A. Evolution of representations on historical time in China of the Qing era (second half of the 19th century). Modern oriental studies. 2019; 1(3): 48-63

блемам эволюционизма под влиянием своего учителя Кан Ювэя (康有為, 1858–1927), а в контексте исторической науки стал разрабатывать их с середины 1890-х гг. Как и для других его современников, «спусковым крючком» послужило поражение Китая в войне с Японией (中日戰爭, 1894–1895 гг.). При этом следует учитывать, что на вторую половину XVIII–начало XIX в., приходится пик консервативной политики в китайской традиционной культуре историографии [2, с. 63].

В рамках традиционной историографии существовала особая модель представлений о династийном времени [2, с. 43]. Б.Г. Доронин отмечал, что эта модель исторического времени во многом носила искусственный характер. Главная особенность династийного исторического времени – его фрагментированная структура, в которой отсчёт времени начинался каждый раз с начала. Вдобавок, неодинаковы были принципы выделения периодов, поскольку девизы правления, по которым отсчитывалась эра правления того или иного императора, могла многократно меняться. Иными словами, для китайского исторического сознания любое событие не имело абсолютных хронологических координат, и носило, в известной степени, дискретный характер [там же].

В синологии утвердилось представление о цикличности династийного времени, с чем связываются многие особенности исторического развития Китая (в российском китаеведении об этом много писал О.Е. Непомнин). Б.Г. Доронин справедливо полагает данное утверждение несколько упрощённым, поскольку дискретное по своей природе представление о времени не несло идей цикличности [2, с. 43]. Цикличным был традиционный лунно-солнечный календарь, искусственный характер которого подчёркивал классик французской синологии М. Гране [1, с. 69]. Наконец, смена династий также несла в своей основе некоторые повторяющиеся или похожие элементы. Последнее прочно вошло в общественное сознание, что в литературе часто иллюстрируется начальной фразой классического романа «Троецарствие»: «Великие силы Поднебесной, долго будучи разобщёнными, стремятся соединиться вновь и после продолжительного единения опять распадаются» (天下大勢，分久必合，合久必分) [2, с. 13].

Куан Чжаоцзян в своей статье 2001 г. следующим образом постулировал данную проблему. Хронологическое время связано с исторической памятью, и, естественно, что семейные генеалогии, местные и общегосударственные хроники выстраивались в линейной хронологической последовательности. Источниковые материалы такого типа он характеризовал как «последовательные временные ряды» (time-series) [27, р. 155]. Согласно его мнению, в наследии китайских теоретиков первого ряда можно выделить попытки выстроить конкретные виды линейной временной последовательности. «Второй совершенномудрый» конфуцианства Мэн-цзы (孟子, 372–289 гг. до н.э.) заявил, что между появлением культурных героев в древности был промежуток в 500 и более лет. Позднее, в своих комментариях к Мэн-цзы

выдающийся теоретик неоконфуцианства Чжу Си (朱熹, 1130–1200) провозгласил, что именно он сформулировал конфуцианское понятие преемственности Дао-пути морали (дао тун, 道統), противостоящее политико-династической преемственности (цзюнь тун, 君統). Последовательность Мэн-цзы начиналась с первопрародителей Яо и Шуня и передавалась через Чэн Тана и Вэнь-вана до самого Конфуция [27, р. 166]. Теория Мэн-цзы оказала сильнейшее влияние на Сыма Цяня (II–I вв. до н.э.) – основоположника имперской историографии. Сыма Цянь, используя ту же логику, заметил, что 500 лет отделяло великого реформатора Чжоу-гуна от времени жизни Конфуция, следовательно, можно ставить вопрос, кто в современности сможет продолжить их начин [17, с. 318, 343]. Иными словами, одной из причин составления «Исторических записок» было завершение культурной миссии Чжоу-гуна и Конфуция уже в империи Хань. Налицо – линейная концепция истории, хотя и описанная в терминологии 500-летнего цикла [27, р. 167].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Одним из последствий первой торговой (так называемой «Опиумной») войны 1839–1842 гг. стало дозволение проповеди христианства в приморских городах, что оказало существенное влияние на идеологию Тайпинской революции. В среде образованной элиты стало распространяться «учение Гунъяна», которое оперировало понятием трёх эпох-эр: Хаоса (цзюй луань, 混亂), Рождающегося мира (шэн пин, 昇平) и Великого мира (тай пин, 太平). Как показал Б. Элман, использование древнекитайских теоретических моделей для завуалированной критики современной политической ситуации на новый уровень было принято

Чанчжоуской школой (常州学派) ещё в 1780-х годах, в первую очередь её патриархом Лю Фэнлу (刘逢禄, 1776–1829). Учеником Лю Фэнлу был Гун Цзычжэнь (龚自珍, 1782–1841); приверженцем школы Гунъяна был и Вэй Юань (魏源, 1794–1856). Их вдвоём обыкновенно рассматривают как предтечу Кан Ювэя, который на рубеже XIX–XX вв. создал собственную теорию исторического прогресса и подготовил почву для массового увлечения китайской интеллигенции идеями прогресса.

Это вновь выводит нас на специфику исторического знания в традиционной культуре Китая. Являясь «учебником для взрослых» (термин Л.С. Васильева), история могла свободно оперировать любыми сущностями и персонами, которые являлись вечно современными. При этом маньчжурский политический режим сознательно проводил политику архаизации, что привело к массовому обращению интеллектуалов к проблемам древней филологии, истории и философии. Гун Цзычжэнь, обратившись к проблематике Трёх эр, рассматривал древнейшие династии Ся, Шан и Чжоу, выстраивая в русле этой теории особенности культурной и политической преемственности Древнего Китая (чжунши сань ши, 終始三世). При этом он использовал собственную терминологию, оперируя понятиями «упорядоченного правления» (чжи, 治), «хаоса» (луань, 亂) и «деградации» (шуай, 衰); иными словами, его интересовала политическая эволюция, а не историческая периодизация как таковая: он утверждал, что «не было ещё в Поднебесной династии, которая бы не погибла в течение восьмисот лет» [3, с. 37]. Изменения в истории происходили по причине успеха или неуспеха человечества в следовании Дао-пути, который и является единственной мерой космического

изменения, и единственным мерилom человеческой морали. Естественно, что для описания не китайской истории теория использоваться не могла [27, р. 167].

Совершенно в том же духе Вэй Юань подчёркивал важность действий правителя в соответствии с волей Неба и космических сил (ци юнь, 氣運). Вэй Юань использовал собственную периодизацию древней истории, воспроизведённую в пропагандистском сочинении «Записки о священной войне»:

Глубочайшая древность (тай гу, 太古) – Хуан-ди, Яо, Шунь;

Средняя древность (чжун гу, 中古) – династии Ся, Шан и Чжоу;

Конечная эра (мо ши, 末世) – периоды Вёсен и Осеней и Борющихся царств, за которой наступало возвращение к изначальному периоду [27, р. 168].

Тем не менее, и Гун Цзычжэнь, и Вэй Юань выступали за реформы и своевременные перемены как метод соответствия космическим процессам (неотделимым от общественно-политических); но архаичность их мировоззренческой основы очевидна [28, р. 88–97].

Особое место в этом контексте занимает Тайпинское восстание или Тайпинская революция 1850–1864 гг. (太平革命). В её духовно-теоретическом фундаменте самым примечательным является христианский элемент¹. Вождь восстания – Хун Сюцюань (洪秀全, 1814–1864), – провозгласивший себя Небесным князем (Тянь ван, 天王), заявлял, что он был послан лично Небесным Отцом (Господом Богом или

¹Данный вопрос в достаточной степени изучен западной синологией: [20][32][33]. На русском языке имеются фундаментальные исследования [5, с. 74–81][8, с. 330–376]. В китайской историографии тайпинский календарь исследован отдельно [37].

Иеговой) и своим старшим Небесным братом – Иисусом Христом для создания царства небесного на Земле. Именно поэтому важнейшие символы создаваемой тайпинской власти были связаны с Небом – Небесная столица (Нанкин, с 1853 г.), Небесная династия и небесный календарь. Принципиально важна здесь риторика основателя государства. В своё время, основатель первой китайской империи Цинь (221 г. до н.э.) в своих манифестах провозглашал очень длинную цепь поколений. В декларациях Хун Сюцюаня и его двоюродного брата Хун Жэньгана (洪仁玕, 1822–1864) Небесная власть вообще не могла иметь завершения [18]. Тайпинская теократия вообще не мыслилась как тварная и преходящая, она была исполнением библейского обетования нового неба и земли (Откр., 21:1). Слова Апокалипсиса (Откр. 11:15) были использованы Хун Сюцюанем для обоснования власти собственных потомков [8, с. 361]. Самым поразительным в этом контексте является то, что усвоение такой картины мироздания заняло рекордно короткий срок – около 5-6 лет, между первым знакомством Хун Сюцюаня с христианской проповедью около 1843 г., его неудачей на государственных экзаменах и основанием секты «Поклонения Небесному Господу» в 1848 г., сразу имевшей антиманьчжурскую направленность. Хун Сюцюань в своих христианских импровизациях построил теологическую интерпретацию китайской истории. До династий Цинь и Хань, то есть со времён высокой древности, Китай шёл по «Пути Бога» (*Шанди лу*, 上帝路), но с началом имперской эры сбился на «Путь дьявола» (*Гуй лу*, 鬼路), в отличие от западных стран, которые никогда с Божественного пути не сходили. Больше из китайских мыслителей, в том числе и христианских, на эти темы не рассуждал никто [27, р. 170].

Двойной внутри- и внешнеполитический кризис XIX в. на первых порах интерпретировался в рамках привычного династического цикла, причём уже современники осознавали, что он проходил не так, как должен был. Требовалось (хотя бы для внутреннего употребления) объяснить причины успешного вторжения западных «варваров». Конфуцианским историографам предстояло ретроспективно объяснить смысл событий, предшествовавших и следующих за первой опиумной войной 1839–1842 гг. Теоретики-современники оказались не в состоянии этого сделать. Вэй Юань дружил и сотрудничал с комиссаром Линь Цзэсюем (林则徐, 1785–1850), чья бескомпромиссная позиция по вопросу контрабанды опиума в 1839 г. стала одной из *casus belli* для британской стороны. «Записки о священной войне» Вэй Юаня заканчивались призывом изучать технологию «западных варваров», чтобы было легче управлять ими в рамках официальной политики «господствовать над варварами, используя их самих» (*и и чжи и*, 以夷制夷) [36, с. 207–209]. По-настоящему серьёзный кризис в умах породило завершение опиумных войн – захват Пекина англо-французскими войсками в 1860 г., что совпало с кончиной императора и кризисом центральной власти, завершившимся переворотом 1861 г. В традиционной историографии это получило название «катастрофы года гэн-шэнь»². Далее, вплоть до начала календарного XX в. Китаю предстояло пережить ещё три потрясения:

Год цзя-шэнь (甲申, 28 января 1884 – 14 февраля 1885 г.) – поражение Китая в войне с Францией из-за северного Вьетнама, когда империи пришлось отказаться от традиционного

²Гэн-шэнь (庚申) – циклические знаки, которыми обозначался в 60-летней последовательности лунный год, начавшийся 23 января 1860 и окончившийся 9 февраля 1861 г. В даосской мифологии это сочетание имеет другое значение: «день платы за грехи».

сюзеренитета, а французский флот полностью уничтожил китайскую эскадру в Фучжоу всего за 12 минут.

Год цзя-у (甲午, 6 февраля 1894 – 25 января 1895) – поражение в японо-китайской войне, утрата Тайваня, утрата сюзеренитета в отношении Кореи, контрибуция, превышающая сумму государственных доходов.

О влиянии этих катастроф на общественное сознание можно судить по материалам одной из первых китайских газет – «Современные дела» (*Шу бао*, 时务报). В одной из редакционных передовиц (от 11 октября 1895 г.) прямо говорилось о деградации Китая от года гэн-шэнь через годы цзя-шэнь и цзя-у, но ни словом не намекалось, какие именно события имели место в указанные годы. Поскольку вся пресса Китая того времени издавалась на полумискусственном литературном языке вэньянь и адресовалась исключительно государственным чиновникам, ясно, что читатели отлично понимали значение указанных дат [27, р. 170].

Наконец, в год под циклическими знаками гэн-цзы (庚子, 31 января 1900–18 февраля 1901 гг.) Пекин вновь был захвачен иностранными войсками – коалицией 8 держав, включая Россию и Японию, что знаменовало высшую точку кризиса маньчжурской монархии, приведшей к революции 1911–1912 гг.

Если обратиться к используемой в историографии второй половины XIX в. терминологии, выяснится, что общепринятой ныне «Опиумной войны» (*япянь чжаньчжэнь*, 鸦片战争) не существовало. Используемую цинскими авторами лексику Куан Чжао-цзян характеризовал как «банальную» [27, р. 172], хотя перечисляемые им эвфемизмы прекрасно знакомы любому исследователю политической идеологии Китая, и не только Китая: «установление торговых

связей [с заграницей]» (*туншан*, 通商), «обмен товарами» (*хуши*, 互实), «снятие прибрежных ограничений» (*хайцзинь дакай*, 海近打开), «начало военной кампании» (*цзюньсин илай*, 军心以来), и т.д. При всей обтекаемости, все эти термины подразумевали слабость Китая. В условиях жёсткой цензуры, представители поколения Лян Цичао или Чжэн Гуаньина (郑观应, 1842–1922) не имели других средств для выражения вновь формирующихся тенденций, кроме эвфемизмов «последние 30 лет» или «последние 60 лет». Такие же обозначения использовали ученики Кан Ювэя – Май Мэнхуа и Сюй Цинь [27, р. 173].

Судя по документам, новые смыслы начали эксплицироваться к середине 1870-х гг. В частности, в 1874 г. Ли Хунчжан (李鸿章, 1823–1901) подал на имя императора меморандум, посвящённый вопросам береговой обороны в свете притязаний Японии на Тайвань. В этом документе имелась отдельная секция, посвящённая общей оценке международного положения Цинской империи: неравноправные договоры с «варварскими державами», дававшими иностранному подданному право передвижения по территории Китая и его внутренним водам, в том числе в самой столице, «не имели прецедента за последние несколько тысяч лет». Вдобавок, у иностранцев имеются пароходы, телеграфные линии и вооружения, превосходящие всё, чем располагал Китай, чего также никогда не было в его истории. Это был лишь первый документ такого рода, опубликованы аналогичные меморандумы Ян Чанцзюня (чжэцзянского губернатора), Ван Вэньшао (хунаньского губернатора). Все они использовали клишированную формулу «беспрецедентно резкие перемены» (*вэйю чжи бяньцзю*, 未有

之变局), которая быстро распространилась в среде элиты, как состоящей на службе, так и оппозиционной. Тайваньский исследователь Ван Эрминь перечислил имена 37 учёных-чиновников и литераторов, в чьих трудах и переписке встречается эта формула [21, р. 149, 157–159], естественно, что её распространённость была глубже и шире. Впрочем, не следует преувеличивать масштабов «прозрения» цинской элиты, о чём свидетельствует «Автобиография» Кан Ю-вэя [4, с. 141].

Носителям традиционного китайского сознания, как и парой десятилетий ранее Хун Сюцюаню, предстояло в кратчайший срок традиционную – вселенскую – историю встроить в западную по генезису глобальную историю, и прежде всего синтезировать периодизацию. Первую попытку такого рода предложил Сюэ Фучэн (薛福成, 1838–1894), помощник и секретарь Цзэн Гофаня и Ли Хунчжана (до 1875 г.), который в 1890-е гг. был главой цинской дипломатической миссии в Англии, Франции, Италии и Бельгии. Отправной точкой его рассуждений также были масштаб «беспрецедентных» (цзицзю 歧局, чуанцзю 閩局) бедствий, постигших Китай, осмысливать которые с позиций славного прошлого было совершенно невозможно. К 1879 г. он написал несколько докладных записок, посвящённых внутреннему и внешнему положению империи. Картина истории Китая, которую представил Сюэ Фучэн в одной из таких докладных [41, с. 20–21], весьма примечательна. Он полагал, что китайская история длилась не менее 10 000 лет, которые подразделял на четыре периода:

1. Хунхуан чжи тянься (洪荒之天下) – дословно: «мир первозданного хаоса», когда люди жили и вели себя как дикие звери.

2. Вэньмин чжи тянься (文明之天下) – «цивилизованный мир». Начало его – эра культурных героев: Суй-жэня (燧人, изобретателя огня), Ю-чао (有巢, первостроителя), Шэнь-нуна (神农) – божественного земледельца. Они превратили дикость в упорядоченность, внедрив социальные институты и экономические навыки. На этот период приходятся три древнекитайские династии – Ся, Шан и Чжоу (2205–221 гг. до н.э.), то есть его протяжённость около 2000 лет.

3. Империя. В III–II вв. до н.э. императоры Цинь и Хань заменили существовавшую прежде удельную систему (фэнцзянь, 封建)³ на централизованную администрацию (цзюньсянь, 君賢). Продолжительность этого периода – около 2000 лет.

4. Чжунвай лянью чжи тянься (中外連席之天下) – «мир китайско-иностранный взаимодействия», текущая современность.

Данная схема, при всей её компактности, является отличной иллюстрацией неразберихи, воцарившейся в умах китайской интеллигенции. Прежде всего, бросается в глаза использование термина «Поднебесная» (тянься, 天下) в коннотации, вырванной из изначально синоцентрического значения этого слова⁴. Бросается также в глаза традиционная для конфуцианцев традиция восприятия мифических культурных героев как исторических персонажей. Метод же выделения исторических эр явно демонстрирует всё то же дискретное историческое мышление и невозможность формулирования

³В современном китайском языке это обозначение феодализма.

⁴Собственно, Поднебесная – есть мир в древнекитайском понимании: квадратная твердь, круговая проекция Неба на которую даёт Срединное государство, т.е. Китай. Варвары четырёх сторон света существуют на угловой периферии и лишены небесной благодати.

единого критерия, положенного в основу периодизации. Первобытная эпоха постулируется как универсальная, но о ней тут же забыто, и основой для описания последующих эр остаётся только сам Китай. Формулировка третьего периода, – видимо, первая попытка осмысления социальных особенностей древнекитайского общества, которая приведёт через полвека к дискуссии о существовании в древнем (доимперском) Китае феодализма и соотносимости этого явления с прочими обществами древности и средневековья [13, с. 193–275]. Огромная заслуга Сюэ Фучэна в другом: он первым попытался создать глобальную и компактную схему, «оторвавшись» от династического цикла. Схема, в которой идёт линейный отсчёт событий от известного (хотя бы и мифологизированного) прошлого к неизвестному будущему, для Китая была уникальной. Движущей силой истории при этом признавалась внешняя угроза: в прошлом – от кочевых народов, стоящих в культурном отношении неизмеримо ниже Китая (наследие традиционного синоцентризма); в современности же жители Запада доминируют на морских коммуникациях и создали всеобъемлющую систему международных связей, поэтому они не могут быть названы варварами⁵. Задачей Сюэ Фучэна было спасение традиционного синоцентризма, пусть и ценой вписывания его в новый мировой порядок; естественно, эта и подобные ей попытки были обречены с самого начала. Лишившись самодовлеющего места в космической системе, Китаю предстояло найти новое место в реальном мире [27, р. 176].

Следующая попытка была совершена Ван Тао (王韜, 1828–1897) – одним из основоположников китайской журналистики и сотрудником Джеймса Легга – переводчика конфуцианского

канона. Ван Тао стал одним из первых китайских интеллектуалов, посетивших Великобританию, и в своих «Записках вольного странника» (*Манью суйлу*, 漫游随录) с горечью писал, что европейцы именуют Китай 5000-летним колоссом на глиняных ногах, неспособным измениться и обречённым на гибель [23, р. 57–61].

Исходя из тех же побуждений, что и Сюэ Фучэн, Ван Тао создал четырёхчленную периодизацию китайской истории:

1. Основание (*чуанчжи*, 創指) – эра первых культурных героев: Ю-чао, Суй-жэня, Фу-си и Хуан-ди.
2. Цивилизация (*вэньмин*, 文明) – эра Яо и Шуня.
3. Три первые китайские династии (三代) – Ся, Шан и Чжоу.
4. Современная эра – от времени династии Цинь [35, с. 9].

Это не единственная периодизация Ван Тао. В другой статье он предложил пятёричную схему, отличающуюся значительно меньшей чёткостью. Начинается она «глубочайшей древностью» (*шангу*, 上古), далее идут: «средняя древность» (*чжунгу*, 中古); Три династии; имперский период (от Цинь до начала XIX в.) и современность. Однако эта схема, скорее, редуцируется до четверичной. Впрочем, совершенно очевидно, что подобные схемы выстраивались не в русле историографии, а для иллюстрации беспрецедентности возникшей исторической коллизии. Китай – страна глубочайшей древности, прошедшая через этапы поступательного развития, всё-таки воспринимается как ущербная по отношению к Западу [27, р. 176].

Ещё одним китайским интеллектуалом, верным традиционным идеалам, но рано столк-

⁵Примечательно, что именно в 1879 г., впервые посетив Гонконг, к точно таким же выводам пришёл юный Кан Ювэй [4, с. 109].

нувшимися с западными реалиями, был известный учёный-антиквар и успешный компрадор Чжэн Гуаньин. Занимаясь торговлей опиумом и антиквариатом, он стал убеждённым сторонником принципа «изменение – есть основа Дао, это и есть истинный принцип Неба». Поскольку конфуцианцы не разделяли природной и социальной среды, лучшей иллюстрацией первопринципов природы являлась китайская история. Свою схему периодизации Чжэн Гуаньин изложил в трактате «Простые речи» (*Иянь*, 易言)⁶. Начинается она также глубочайшей древностью, в период которой совершенномудрые культурные герои установили правление и культурные обыкновения. Второй период – «феодальный» (*фэнцзянь*, 封建)⁷, т.е. Три династии, установившие стандарты социальных и политических институтов на 2000-летний срок. Третий период – имперский, также продолжавшийся около 2000 лет от объединения Китая Цинь Ши-хуаном. Современность начинается от «снятия прибрежных ограничений» и она характеризуется как эра торговых сношений. Подобные схемы были помещены и в самое известное сочинение Чжэн Гуаньина Шэнши вэйянь (*盛世危言*, «Смелые речи в век процветания»), но вариативность их была минимальна.

Небезынтересную троичную схему предложил и малоизвестный на Западе чиновник столичной Палаты доходов Чэнь Чи (陳熾), участвовавший в Движении за реформы 1898 г. В своём трактате «Книга для [практического] применения» (*Юн шу*, 庸書) он упоминал, что

⁶В этом заголовке иероглиф и одновременно несёт значения «простоты» и «перемен» (он же входит в заглавие «Книги перемен», 易經). В предисловии разъясняется, что под «простотой» подразумевается лёгкость практического осуществления его рекомендаций. См.: [34, p. 141, note 76].

⁷Уже китайские мыслители конца XIX в. вслед за миссионерами признали сходство древнекитайской удельно-ранговой системы со средневековой европейской; до сих пор пять степеней знатности переводятся соответствующими западными терминами (公, гун = герцог, и т.д.)

история Китая начиналась от правления Хуанди. Первоправитель заложил основы человеколюбивого правления (*рэнцзянь*, 仁政, *жэнь чжэнь*), которое определяло китайскую историю на следующие 2000 лет. Циньским объединением в 221 г. до н.э. начинается вторая эра – деспотизма, которая привела к неуклонной деградации общества и истощения его созидательной энергии, ввергнувшей страну в слабость и нищету. Это положение было вскрыто западным вторжением, открывшим третью эру. Чэнь Чи написал предисловие для Шэнши вэйянь Чжэн Гуаньина. Чжэн приложил к трактату избранные места из сочинений Ван Тао и Сюэ Фучэна, в том числе посвящённые исторической периодизации. Это более чем красноречиво свидетельствует о полном осознании проблемы и стремлении донести её до потенциальных читателей во всей полноте⁸. Попутно традиционное общественное сознание получало «прививку» представлений о линейности исторического времени, что облегчало восприятие необратимых и стремительных перемен.

Поворотной точкой послужило поражение Циней в войне с Японией в 1895 г. (中东战事), которое спровоцировало массовое общественное движение конфуцианских учёных-чиновников нового поколения, во главе которого встал Кан Ювэй. Это движение вылилось в первую очередь в создание многочисленных просветительских обществ и печатание периодических изданий, которые в Китае до того отсутствовали. У истоков этих процессов стояли и Кан Ювэй, и его ученик Лян Цичао. Последний издавал в Шанхае газету Шиу бао (на английский язык современники переводили её заглавие как “The Chinese Progress”); Кан Ю-вэй бесплатно распространял её в Пекине среди

⁸Куан Чжаоцзян ставил вопрос о возникновении в связи с указанными проблемами интеллектуального сообщества нового типа в Китае [26, p. 136–141].

чиновничества [4, с. 150–151, 155, 157]. Прежде всего, в издании помещались материалы о современном положении дел на Западе, причём использовались европейские даты. Возникало положение, при котором в одной фразе могла стоять григорианская дата для события европейской истории, и китайская лунная с датировкой по правлению императора – для китайской.

Лян Цичао в предисловии к статье «Общее рассуждение о реформе» 1896 г. также предложил собственный вариант пятеричной периодизации истории Китая. Этапы её таковы:

1. Глубокая древность (*тайгу*, 太古) – до Трёх династий,
2. Древность (*шангу*, 上古) – от Трёх династий до начала Хань,
3. Среднее прошлое (*чжунгу*, 中古) – от Ханьской до Сунской эпохи,
4. Недалёкое прошлое (*цзиньгу*, 近古) – от династии Сун до начала Цин,
5. Настоящее время.

Логика построения и терминология этой схемы Лян Ци-чао чрезвычайно напоминает Ван Тао, под чьим влиянием он, несомненно, находился [27, р. 178]. Исторические взгляды Лян Цичао того периода формировались под двумя равновеликими воздействиями – его учителя Кан Ювэя, принадлежащего к школе Гунъяна, и выдающегося переводчика Янь Фу (严复, 1854–1921), ставшего первым пропагандистом социального дарвинизма в Китае, что заметно по его корреспонденциям 1896–1897 гг.

Концепция Кан Ю-вэя была чрезмерно переусложнённой, можно даже сказать, причудливой. Главной его инновацией в истории ки-

тайской мысли является принципиальное обращение к идее необратимого и бесконечного прогресса и перенос общественного идеала в будущее [19, с. 343–344][38, с. 91]. Эти идеи были выражены в нескольких его работах 1890–1900-х гг. и нашли полное выражение в «Книге о Великом единении» (*Да тун шу* 大同書, начата изданием в 1913 г., полностью опубликована в 1935) и «Лекциях о Небесах» (*Чжунтянь цзыан* 諸天講, 1930). Однако его склонность к религиозному мистицизму, скорее, могла отпугнуть потенциального читателя, чем привлечь его. Например, обосновывая бесконечность прогресса в «Комментарии к Лунь Юю» (1902), оставаясь на позиции троичного деления всемирной истории по Гунъяну (Хаос, Становящееся равновесие, Великое спокойствие), он предложил такую схему: каждый из трёх веков-эр также можно подразделить на три периода, получив 9. Умножив девятку на себя, получаем 81, и так далее до бесконечности¹⁰. Впрочем, основная идея вполне ясна: каждая из эр, которую проходило человечество, включает собственные эволюционные стадии, и таким образом, когда общество эпохи Хаоса достигает высшей степени своего развития, оно переходит в следующую эру, и так далее [25, р. 84].

Похожая лексика используется в «Меморандуме Ли Хунчжану» Сунь Ятсена, который, строго говоря, получал воспитание и образование на периферии традиционного китайского мира, в общине эмигрантов, а далее – в Британском Гонконге. В меморандуме 1894 г. он также констатировал упадок страны после «снятия ограничений на прибрежную торговлю», когда даже воскрешение Яо и Шуня не сможет обратить этот процесс вспять [16,

⁹Наследие Янь Фу хорошо исследовано западной синологией: [30][31]. На русском языке: [6].

¹⁰Бесконечные числовые ряды он продемонстрировал и в рассуждении о вселенской иерархии в «Лекциях о Небесах» [10, с. 500–502].

с. 56–57]¹¹. Использовал он традиционную лексику и для того, чтобы показать, что тысячелетнее превосходство Китая перестало быть таковым примерно за тридцать или менее лет. Налицо традиционное историческое мышление, а схемы периодизации и попытки понять мировоззрение западных поработителей были необходимы сугубо в практическом аспекте. Куан Чжаоцзян это обозначил как «задачу извлечения Китая из центра релятивизированного мира» [27, р. 180].

ВЫВОДЫ

При всём философском и политическом несходстве Ван Тао, Кан Ювэя, Сунь Ятсена, и Янь Фу, их объединяло восхищение западными методами управления, системой образования, транспортом, даже способами времяпрепровождения. Разница восприятия времени в деловой культуре Запада XIX в. и традиционного Китая также была понята и как одна из причин преобладания европейцев над Средним государством. Тот же Лян Цичао в одной из статей 1897 г. предложил основывать реформу просвещения на внедрении чётких учебных программ с расценовкой для каждого предмета, что будет основой для оценивания успешности освоения дисциплин. Тань Сытун в родной Хунани создал Общество долговечности (*яньнянь хуэй*, 延年會) и написал его устав, в котором предусматривалось следование строгому режиму дня, что должно было избавить в будущем всех китайцев от лени, праздности и дурных привычек [29, р. 77]. Отсюда был всего лишь один шаг к восприятию абсолютного времени и единой эры. Лян Цичао в мае 1897 г. напечатал рассуждение о сути григорианского календаря (причём тоже в контексте статьи о реформировании школы). Кан Ювэй поначалу этого не одобрил, но лишь по той причине, что европейцы, ведя отсчёт эры от Рождества Христова,

игнорировали совершенномудрых (*шэн*, 聖) других народов. Богословские аспекты монотеизма оставались ему глубоко чуждыми до конца жизни, но прагматические аспекты абсолютных дат он оценил быстро. В своей частной академии, а затем в изданиях «Общества усиления государства» он принял эру от кончины Конфуция, и с тех пор свои издания датировал двояко: 1895-й григорианский год был 21-м годом правления императора с девизом Гуан-сюй («Блестящее Начало», 光緒) и 2373-м конфуцианской эры¹². Имитация христианской логики (делившей мир на две принципиально разные эры) вызвала возмущение современников как посягательство на прерогативы Сына Неба¹³, но от своего собственного календаря Кан Ювэй не отказался. Этими датами пользовались его ученики, пытаясь пропагандировать Лян Цичао и защитивший в США диссертацию Чэнь Хуанчжан, но они вели счёт от рождения Конфуция, а не его смерти. После провала реформ 1898 г., оказавшись в эмиграции, Кан Ювэй и Лян Цичао организовывали ежегодное празднование памяти героев-мучеников (среди которых Тань Сытун и Кан Гуанжэнь – брат Ю-вэя). Лян Цичао заявил, что юбилей является важным механизмом формирования на Западе социальной памяти и коллективной идентичности, что настоятельно необходимо для создания китайской нации как таковой. Юбилей в среде эмигрантов должны были формировать историческое сознание (*лиши дэ сысян*, 历史的思想) у китайцев [27, р. 181]. Всё это в полной мере было отражено в «Новом учении об истории».

¹²В «Автобиографии», написанной в 1898 г., принятие конфуцианской эры в частной академии Кан Ю-вэя относилось к 1892 г., и сразу от рождения Первоучителя, а не его кончины [4, с. 130].

¹³Кан Ю-вэй неоднократно подавал повод для нападок. Его литературный псевдоним тех лет Чан-су (長素, «Первый, не носящий заслуженного титула») недвусмысленно намекал, что Кан выше Конфуция, носившего титул су-ван (素王, «Одарённый всеми качествами идеального государя, но не занимающий трона»).

¹¹В русском переводе смягчено: Яо и Шунь «помогают» в управлении.

Характерно, что Сунь Ятсен быстро оценил усилия Кан Ювэя и Лян Цичао по национальной и культурной консолидации общин зарубежных китайцев. Однако он предложил использование образа первопредка всех китайцев Хуан-ди и даты его кончины как начинающей новую хронологию. В ситуации раскола между революционерами и реформаторами и отчаянной борьбы за умы, вплоть до революции 1911 г. выбор одной из эр – конфуцианской или Хуан-ди, был маркером политических и идеологических ориентаций: реформированной Цинской монархии и Кан Ю-вэя или республиканского Нового Китая и Сунь Ятсена. Однако сколь бы ни были серьёзны их разногласия в политике, они сходились в главном – все понимали, что Китай никогда не останется прежним, и – каждый по-своему – стремились вывести свою родину в новый глобальный мир и эру коренных перемен. Новый отсчёт времени и восприятие китайской истории в новой масштабной шкале должны были привести к созданию подлинно национальной истории Китая, а не очередной династии. Точку во всех этих процессах совершенно в традиционном духе поставила политика: 2 января 1912 г. (династия Цин официально ещё не отреклась от престола) временный президент Китайской Республики Сунь Ятсен ввёл григорианский календарь («солнечный», *янли* 阳历) как единственный официальный в Китае, но точкой его отсчёта на современном Тайване остаётся начало республиканской эры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гране М. Китайская мысль / Пер. с фр. В.Б. Иорданского. М.: Республика, 2004. 526 с.
2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит, 2009. 935 с.
3. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей Нового времени (1840–1898) / Сост. Н.Г. Сенин, Ян Хиншун. М.: Изд. АН СССР, 1961. 300 с.
4. Кан Ювэй. Моя история / Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. С. 92–230.
5. Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. 396 с.
6. Крушинский А.А. Творчество Янь Фу и проблема перевода. М.: Наука; ГРВЛ 1989. 112 с.
7. Ло Гуань-чжун. Троецарствие / Пер. с кит. В.А. Панасюка. Т. I. М.: Гослитиздат, 1954. 792 с.
8. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит, 2002. 446 с.
9. Лян Цичао. Новое учение об истории. [Традиционная история Китая] : Пер. с кит. и примеч. Д.Е. Мартынова // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 107–117
10. Мартынов Д.Е. «Лекции о небесах» Кан Ювэя: поздний этап интеллектуальной биографии мыслителя // Общество и гос. в Китае. Т. XLIII, ч. 1 (Учёные записки ИВ РАН, Отд. Китая. Вып. 8). М.: ИВ РАН, 2013. С. 488–505.
11. Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.

12. Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2011. 736 с.
13. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. 352 с.
14. Сайт «Синология.ру» // URL: <http://www.synologia.ru/>
15. Сайт "The Chinese Text Project" // URL: <http://ctext.org/>
16. Сунь Ятсен. Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 630 с.
17. Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи: в 9 т. Т. 9 / Пер. с кит. под ред. А.Р. Вяткина. М.: Вост. лит, 2010. 623 с.
18. Тайпинское восстание 1850–1864: Сб. документов / Сост. В.П. Илюшечкин и В.Г. Соловьёв. М.: Изд. вост. лит., 1960. 328 с.
19. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / Пер. Р.В. Котенко; науч. ред. Е.А. Торчинов. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.
20. Boardman E. Christian Influence upon the Ideology of the Taiping Rebellion. Madison: University of Wisconsin Press, 1952. 188 p.
21. The Cambridge History of China. Vol. 11, Part 2: Late Ch'ing 1800–1911 / Ed. by John K. Fairbank and Kwang-Ching Liu. Cambridge Univ. Press, 1980. 682 p.
22. Chang Hao. The Chinese Intellectuals in Crisis: Search for Order and Meaning (1890 – 1911). Berkeley: Univ. of California Press, 1987. 223 p.
23. Cohen P.A. Between Tradition and Modernity: Wang T'ao and Reform in Late Ch'ing China. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1974. 357 p.
24. Elman B.A. The Failures of Contemporary Chinese Intellectual History // Eighteenth-Century Studies. 2010. Vol. 43, No 3. P. 371–391.
25. Hsiao Kung-chuan. A Modern China and a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, L.: Univ. of Washington Press, 1975. 669 p.
26. Kwong L.S.K. T'an Ssu-t'ung, 1865–1898: life and thought of a reformer. Leiden: E.J. Brill, 1996. 260 p.
27. Kwong L.S.K. The Rise of the Linear Perspective on History and Time in Late Qing China c. 1860–1911 // Past & Present. 2001. No. 173 P. 157–190.
28. Li Man. Laozi Benyi: A Political Philosophy for the Last Phase of Time // Synthesis Philosophica. 2014. Vol. 57. Iss. 1. P. 83–103.
29. Platt S.R. Provincial Patriots: The Hunanese and Modern China. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. 278 p.
30. Pusey J. China and Charles Darwin. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1983. 544 p.
31. Schwartz B. In search of wealth and power: Yen Fu and the West. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1964. 398 p.
32. Spence J. God's Chinese Son: the Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan. N.Y.: W.W. Norton, 1996. 400 p.
33. Wagner R. Reenacting the Heavenly Vision: The Role of Religion in the Taiping Rebellion. Berkeley: Institute of East Asian Studies and Center for Chinese Studies, University of California, 1982. 134 p.
34. Wu Guo. Zheng Guanying: merchant reformer of late Qing China and his influence on economics, politics, and society. Amherst,

N.Y.: Cambria Press, 2010. 291 p.

35. Ван Тао 王韜. Тао-юань вэньлу вайбянь (Собрание статей Ван Тао о зарубежных странах 韜園文錄外編). Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1994. 427 с.
36. Вэй Юань 魏源. Вэй Юань цзи (Сочинения Вэй Юаня 魏源集). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1976. 862 с.
37. Го Тинъи 郭廷以. Тайпин тяньго лифа ка- один (Критическое исследование хронологии Небесного государства великого спокойствия 太平天國曆法考訂). Шанхай: Шанъу иншугуань, 1937. 212 с.
38. Куан Болинъ 邝柏林. Кан Ювэй дэ чжэсюэ сысян (Философские идеи Кан Ю-вэя 康有为的哲学思想). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1980. 170 с.
39. Лян Цичао 梁启超. Циндай сюэшу гайлунь (Очерк учений династии Цин,清代学术概论) / Предисл. Чжу Вэй-чэна (朱维铮导读). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1998. 112 с.
40. Лян Цичао 梁启超. Чжунго лиши яньцзюфа бу бянь (Дополненное издание «Метода исследования китайской истории» 中国历史研究法补编). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2010. 244 с.
41. Сюэ Фучэн 薛福成. Сюэ Фу-чэн сюаньцзи (Избранные произведения 薛福成选集). Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1987. 633 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Granet M., Iordansky V.B., tr. (2004) *La pensée chinoise in Russian*. Moscow: Respublica Publ. House.
2. Titarenko M.L., ed. in chief (2009) *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya* [The spiritual culture of China: an encyclopedia: in 5 volumes]. Vol. 4: Historical thought. Political and Legal Culture. Moscow, Vostochnaya literatura.
3. Senin N.G., Yang Hingshung, eds. (1961) *Izbrannyye proizvedeniya progressivnykh kitayskikh mysliteley Novogo vremeni (1840–1898)* [Selected works of progressive Chinese thinkers of the Modernity (1840–1898)]. Moscow: URSS Academy of Science Publ.
4. Martynov D.E. (2010) *Kang Youwei. Moya istoriya* [Kang Youwei. My story] Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
5. Ilyushechkin V.P. (1967) *Krest'yanskaya voyna taypinov* [Taiping' Peasant War]. Moscow: Nauka Publ.
6. Krushinsky A.A. (1989) *Tvorchestvo Yan' Fu i problema perevoda* [Yan Fu works and the problem of translation]. Moscow: Nauka Publ.
7. Luo Guanzhong, Panasyuk V.A., tr. (1954) *Troyetsarstviye* [Romance of the Three Kingdoms]. Moscow: Goslitizdat.
8. Lomanov A.V. (2002) *Khristianstvo i kitayskaya kul'tura* [Christianity and Chinese culture]. Moscow, Vostochnaya literatura.
9. Martynov, Dmitry E., Martynova, Yulia A. (2019) "New Historiography" by Liang Qichao', Liang Qichao, *The New Historiography, Traditional Historiography in China*, Translated into Russian by Dmitry E.

- Martynov, Voprosy Filosofii, Vol. 5 (2019). pp. 107–111.
10. Martynov D.Y. (2013) «Leksii o nebesakh» Kan Yu-veya: pozdnyy etap intellektual'noy biografii myslitelya ["Lectures on Heaven" by Kang Youwei: the late stage of his intellectual biography]. Proceedings of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Department of China. Issue 8. Pp. 488–505.
11. Nepomnin O.Ye. (2005) Istoriya Kitaya: epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka [The history of China: the Qing era. 17th – the beginning of the XX century]. Moscow, Vostochnaya literatura.
12. Nepomnin O.Ye. (2011) Istoriya Kitaya. 20 Vek [History of China. XX century]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
13. Nikiforov V.N. (1975) Vostok i vseмирnaya istoriya [The East and world history]. Moscow: Nauka Publ.
14. Synologia.ru site, URL: <http://www.synologia.ru/>
15. "The Chinese Text Project", URL: <http://ctext.org/>
16. Sun Yatsen (1985). Izbrannyye proizvedeniya [Song Zhongshan' Selected works]. Second edition. Moscow: Nauka Publ.
17. Sima Qian, Vyatkin A.R., ed. (2010) Istorieskiye zapiski: Shi tszi: v 9 t. T. 9 [Records of the Grand Historian: Shiji. Russian translation in 9 vols. Vol. 9]. Moscow, Vostochnaya literatura.
18. Ilyushechkin V.P., Solovyov V.G., tr., ed. (1960) Taypinskoye vosstaniye 1850–1864: Sb. Dokumentov [Taiping Rebellion 1850–1864: Collection of documents]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
19. Feng Youlan, Kotenko R.V., Torchinov E.A., tr., ed. (1998) Kratkaya istoriya kitayskoy filosofii [A Brief History of Chinese Philosophy]. St. Petersburg: Eurasia Publ.
20. Boardman E. (1952) Christian Influence upon the Ideology of the Taiping Rebellion. Madison: University of Wisconsin Press.
21. Fairbank J.K., Liu Kwang-Ching, eds. (1980) The Cambridge History of China. Vol. 11, Part 2: Late Ch'ing 1800–1911. Cambridge Univ. Press.
22. Chang Hao (1987) The Chinese Intellectuals in Crisis: Search for Order and Meaning (1890–1911). Berkeley: Univ. of California Press.
23. Cohen P.A. (1974) Between Tradition and Modernity: Wang T'ao and Reform in Late Ch'ing China. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
24. Elman B.A. (2010) The Failures of Contemporary Chinese Intellectual History. Eighteenth-Century Studies. Vol. 43, No 3. Pp. 371–391.
25. Hsiao Kung-chuan (1975). A Modern China and a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, London: Univ. of Washington Press.
26. Kwong L.S.K. (1996) T'an Ssu-t'ung, 1865–1898: life and thought of a reformer. Leiden: E.J. Brill.
27. Kwong L.S.K. (2001) The Rise of the Linear Perspective on History and Time in Late Qing China c. 1860–1911. Past & Present. No. 173 Pp. 157–190.
28. Li Man (2014) Laozi Benyi: A Political Philosophy for the Last Phase of Time. Synthesis Philosophica. Vol. 57. Iss. 1. Pp. 83–103.
29. Platt S.R. (2007) Provincial Patriots: The Hunanese and Modern China. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
30. Pusey J. (1983) China and Charles Darwin.

Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.

31. Schwartz B. (1964) In search of wealth and power: Yen Fu and the West. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
32. Spence J. (1996) God's Chinese Son: the Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan. New York: W.W. Norton.
33. Wagner R. (1982) Reenacting the Heavenly Vision: The Role of Religion in the Taiping Rebellion. Berkeley: Institute of East Asian Studies and Center for Chinese Studies, University of California.
34. Wu Guo (2010) Zheng Guanying: merchant reformer of late Qing China and his influence on economics, politics, and society. Amherst, N.Y.: Cambria Press.
35. Wang Tao (1994) Taoyuan wenlu waibian = 韬园文录外编, 王韬著. Shenyang, Liaoning renmin chubanshe.
36. Wei Yuan (1976) Wei Yuan Ji = 魏源集. Beijing: Zhonghua shuju.
37. Guo Tingyi (1937) Taiping tianguo lifa kaoding = 太平天国曆法考訂, 郭廷以著. Shanghai: Shangwu yinshuguan.
38. Kuang Bolin (1980) Kang Youwei de zhexue sixiang = 康有为的哲学思想, 邝柏林著. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe.
39. Liang Qichao, Zhu Weicheng, ed. (1998) Qingdai xueshu gailun = 清代学术概论, 梁启超著, 朱维铮导读. Shanghai: Guji chubanshe.
40. Liang Qichao (2010) Zhongguo lishi yanjiufa bubian = 中国历史研究法补编, 梁启超著.
41. Xue Fucheng (1987) Xue Fucheng xuanji = 薛福成选集. Shanghai: Renmin chubanshe.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Professor, Dr. Sc. **Dmitry Martynov**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

dmitrymartynov80@mail.ru

Associated Professor, PhD **Yulia Martynova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

Принята к публикации: 05.11.2019 г.

Submission Date: 2019.11. 05.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРАЧЕЙ ПРИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ И ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ КИТАЯ

ACTIVITIES OF DOCTORS IN THE RUSSIAN ORTHODOX MISSION AND THE STUDY OF CHINESE TRADITIONAL MEDICINE

Силакова София Андреевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

silakova.sa@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению трудов российских врачей, служивших в Китае в составе Пекинской духовной Миссии и российского посольства. Рассматривается вклад медиков в развитие отечественной медицины и востоковедения, увеличение объёма знаний о китайской медицине и ботанике.

Деятельность российских медиков, учёных, переводчиков и священнослужителей, работавших в составе Пекинской Миссии, просуществовавшей с начала XVIII века почти до середины XX века, представляет огромный интерес не только для исследователей истории отечественного востоковедения, но и истории российской медицины. По мере освоения восточных языков миссионеры и учёные стали уделять внимание и отдельным областям знаний, касавшихся повседневной жизни китайцев, в том числе и традиционной китайской медицине. В данном ключе особое внимание необходимо уделить деятельности российских медиков, работавших в Китае при Российской духовной миссии, а затем в составе российского дипломатического посольства.

Ключевые слова и фразы: китайская традиционная медицина, Русская духовная миссия, русско-китайские отношения, отечественное востоковедение.

Для цитирования: Silakova S.A. Activities of doctors in the Russian Orthodox Mission and the study of Chinese traditional medicine. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 64-72

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the works of Russian doctors who served in China as part of the Beijing Spiritual Mission and the Russian embassy. The contribution of physicians to the development of Russian medicine and Oriental studies, an increase in the volume of knowledge about Chinese medicine and botany is examined.

The activities of Russian doctors, scientists and translators who worked in the Beijing Mission, which lasted from the beginning of the 18th century until the middle of the 20th century, are of great interest not only to researchers of the history of Russian oriental studies, but also to the history of Russian medicine. With the development of Eastern languages, missionaries and scholars began to pay attention to certain areas of knowledge related to the daily life of the Chinese, including traditional Chinese medicine. In this regard, special attention should be paid to the activities of Russian physicians who worked in China under the Russian Spiritual Mission, and then as part of the Russian diplomatic embassy.

Key words and phrases: Chinese traditional medicine, Russian spiritual mission, Russian-Chinese relations, Russian oriental studies.

For citation: Silakova S.A. Activities of doctors in the Russian Orthodox Mission and the study of Chinese traditional medicine. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 64-72

Появлению первых врачей при Пекинской миссии предшествовало ухудшение жизненных условий миссионеров в Бэй-гуане (территории в Пекине, выделенной маньчжурским правительством для проживания русских миссионеров). Финансирование Миссии к началу XIX века существенно сократилось. Слухи о тяжелой жизни и небывалой высокой смертности среди миссионеров в Китае пугали и отталкивали возможных кандидатов на отправку в Пекин. Непривычный климат и пища, отсутствие медицинской помощи – всё это отражалось на состоянии здоровья священнослужителей и учеников при Миссии. Помимо непривычных климатических условий и пищи, отсутствия медицинской помощи и недостатка финансирования, крайне высокую смертность среди миссионеров и учеников можно было объяснить тяжелой психологической обстановкой вдали от родины [Материалы для истории, 1905, с.27].

Помимо ухудшения жизненных условий миссионеров в Пекине, произошло охлаждение отношений между православными миссионерами и маньчжурским правительством: после пребывания IX миссии (1807-1821 гг.) архимандрита Иакинфа (Бичурина) в Пекине отношения Миссии с местными властями были настолько испорчены, что вставал вопрос о самом дальнейшем пребывании русского миссионерства в Китае.

Существенные изменения в комплектовании и жизни внутри Миссии внес бывший ученик VIII миссии (1794-1807 гг.) и начальник X миссии (1821-1830 гг.) архимандрит Пётр (Каменский). Став в 1819 году первым начальником Миссии, ещё не получив духовный сан, Каменский приступил к реформированию уклада Пекинской миссии, и благодаря ему в X миссию впервые официально был включен врач О.П. Войцеховский, что положило начало работы института врачей при Пекинской духовной Миссии.

Такие изменения были своевременными. К середине XIX века российское общество стало живо интересоваться достижениями дальневосточной медицины. Так, в статье о прививании оспы, вышедшей в ещё 1758 году, автор высказывал предположение, что, возможно, китайская медицина сумела далеко превзойти и опередить европейскую. В данном свете российские врачи стали настоящими просветителями российского общества в вопросах, касающихся китайской традиционной медицины.

Новым членам Миссии, в том числе и врачам, перед отправкой в Китай прописывались специальные должностные инструкции, где были указаны вопросы, необходимые для изучения и сбора информации. Например, в инструкции доктору П.А. Корниевскому, было поручено изучить состояние разных отраслей медицины китайцев, медицинские термины, систему образования врачей, их работу с населением, медицинские инструменты, а также распоряжения китайского правительства, касающиеся здравоохранения и благотворительных заведений. Предполагалось, что эти данные врач мог получить из бесед с китайскими лекарями, местным населением, а также из печатных изданий в Китае [Инструкции лекарю, 1856, Л.4].

Помимо общего плана, каждому медику в инструкции предлагался список дел, желательных для выполнения. Так, в 1856 году Корниевскому было предписано по пути в Пекин изучить положение медицины во всех проходимых Миссией областях с прикреплением к отчёту переведенных на китайский язык тибетских и монгольских медицинских книг и экземпляров лекарств, используемых ламами; узнать, распространено ли заболевание оспой и в каких провинциях, определить характер протекания болезни; добыть сведения о фитотерапии и причине неприятия принятой в Европе практики

кровопускания, составить отчёт о влиянии климата Пекина на формы наиболее распространенных болезней [Инструкции лекарю, 1856, Л. 5-7].

В инструкции особенно подчеркивалась необходимость вежливого и осторожного общения с местными жителями, «совершенно отличными от европейцев», важность учёта специфики национальной культуры, привычек и предрассудков для того, чтобы не вызвать своими действиями и словами неудовольствия, непонимания и конфликтной ситуации [Инструкции лекарю, 1856, Л. 5 об.].

Первым врачом при Православной Миссии в Китае стал Осип Павлович Войцеховский. Выпускник Медико-хирургической академии был включен в состав отправляющейся в Пекин X миссии по собственному желанию. Согласно должностной инструкции от министерства иностранных дел, основное внимание Войцеховский должен был уделить сбору коллекции растений, представлявших интерес для Московского общества испытателей природы [Скачков, 1977, С. 195]. Помимо этого, первые годы своего пребывания в Пекине врач также посвятил изучению китайского и маньчжурского языков.

Изначально работа медика при Миссии, пользовавшегося методами передовой европейской медицины, не только не внушала доверия китайскому населению. Общественное признание Войцеховский получил лишь после того, как вылечил тяжело больного китайца-католика Ли Цинвана. Постепенно эффективность его работы была доказана на практике. Благодаря тому, что за лечением к Войцеховскому стали обращаться представители маньчжурской знати, улучшилось отношение правительства и ко всей Русской миссии в целом. Особый почёт Осип Павлович заслужил во время борьбы со вспышкой холеры, свирепствовавшей среди местного населения в 1820-1821 гг.,

а также при проведении вакцинации от оспы. Впоследствии ему, а затем при схожем стечении обстоятельств и врачу П.Е. Кирилову, была вручена памятная доска от цинского правительства, которая гласила: «Прекрасное лечение подобно Чан Сану¹».

Современники писали о Войцеховском: «Ни в какое время дня и ночи, ни отдалённость места жительства больного, ни непогода, ни ненастье – ничто не могло удержать его подать руку помощи там, где в ней нуждались».

В.П. Васильев писал: «Чтобы пользоваться помощью русского доктора, самые важные мандарины стали являться к нему с визитами, встречали, когда он приезжал к ним, с почётом, как дорогого гостя» [Некролог, 1886].

Врач следующей, XI миссии (1830-1840 гг.) Порфирий Евдокимович Кирилов так же, как и его предшественник, был выпускником Медико-хирургической академии Петербурга, после окончания которой обучался китайскому языку у Н.Я. Бичурина. Первые несколько лет своей жизни в Бэй-гуане он посвятил изучению китайского языка. По данным отчёта XI миссии, в пекинский период жизни им был составлен китайско-русский словарь, однако он так и не был обнаружен. Аввакум (Честной), находившегося в одно время с Кириловым в Китае, писал, что врач сумел за кратчайшие сроки достичь больших успехов в изучении китайского языка, но особое внимание им уделялось не китайской медицине, а философии Лао-Цзы [Скачков, 1977, С. 1945-1946].

Однако не было причин упрекать Кирилова в несоблюдении своих основных обязанностей. Практически всё его время уходило на приём и лечение больных. Уже в дороге от Кяхты до Калгана Кирилов лечил обращавшихся к нему за помощью монголов.

¹Чан Сан – врач древнего Китая, прославившийся своим искусством врачевания

Уважение и доверие к медику возросли настолько, что лейб-медик двора, управлявший врачебным приказом И Цзи доверял Кирилову лечение своей матери. Его приглашали лечить и женщин, допускали в женскую часть дома. Это был практически беспрецедентный случай, так как в основном врачи лечили знатных пациентов, ставя диагноз лишь по руке больной, высунутой из занавеси.

Сестра вдовствующей императрицы подарила Порфирию Евдокимовичу экземпляр корня женьшеня для изучения. Впоследствии ещё один корень был получен от родственников императрицы.

Помимо прочего П.Е. Кирилов пытался внедрить идею выращивания чайной культуры в России. На родину им были привезены семена и сам чайный куст, на личном опыте доказана возможность выращивания чая в условиях новой для культуры среды [Кирилов, 1893, С. 847]. Медик бесплатно предлагал поделиться своим опытом и сведениями о культуре чая, однако данная идея не была воспринята и поддержана.

Положение XII миссии (1840-1849 гг.) было осложнено трудным внутри- и внешнеполитическим положением Китая, связанным с началом Опиумных войн и ухудшением отношений с иностранными государствами.

Несмотря на сложившуюся обстановку в Пекине, след в отечественной науке оставили работы врача при XII миссии Александра Алексеевича Татаринова. Выпускник Медико-хирургической академии в Петербурге, он добровольно отправился в составе Миссии в Пекин, где начал изучать китайский язык. Татаринов овладел разговорным языком благодаря своей работе с местным населением [Некролог, 1886].

В отличие от Кирилова, Татаринов занялся преимущественно изучением и переводом

статей и трудов по китайской медицине, о которой он отзывался как о чрезвычайно ценной науке. Также Татариновым были систематизированы работы по истории китайской медицины. К сожалению, большинство его трудов осталось в рукописях. В настоящее время большое количество его работ хранятся в архиве библиотеки Военно-медицинской академии Санкт-Петербурга.

Основываясь на данных, полученных при чтении древних китайских трактатов, Татаринов описал концепцию «у-син» в традиционной медицине, где проводилась взаимосвязь пяти элементов и подбора лечения для той или иной болезни в частях тела больного. Пяти главным органам соответствовали пять первоэлементов. Также органам соответствовали основные цвета, запахи и вкусы. На основе этого совершался выбор лекарства, где рассчитывался недостаток или избыток того или иного элемента

Татаринов отмечал и негативные стороны китайской медицины. Несмотря на многократное перепечатывание таких трудов, как «Хуан-ди нэй-цзин», «Нань-цзин», «Чжан-ши лэй-цзин», «Доу-тай гун-цюань шу», «Бэньцао ганму», китайская медицина заостенела, следуя исключительно исследованиям древности. [Татаринов, О китайский лекарствах, Л. 5 об.- 6]. По мнению врача, общество следовало лишь опыту прошлого, что приводило к тому, что при лечении не искали новых способов, а пользовались древними трактатами. Медицинские познания китайцев, основанные на глубокой философской базе, перестали развиваться, открытий не происходило.

Однако Татаринов отмечал, что склонность китайцев к лечению с опорой на древние трактаты имела и свои положительные черты: население было с детства знакомо с классическими медицинскими трактатами, в результате

чего могли разобраться в необходимых для лечения растениях и минералах, что делало китайскую традиционную медицину общенародной наукой [Татаринов, Начало медицины, Л. 5].

Знания о китайской медицине Татаринов получал не только посредством чтения трактатов. Основываясь на его трудах, можно судить о том, что врач сумел почти досконально изучить работу китайских аптек.

Аптеки работали по принципу свободной продажи: почти все медикаменты, кроме сильнодействующих и ядовитых препаратов отпускались без рецепта. Аптеку в Китае мог открыть каждый. Содержание аптеки было крайне выгодным, что и объясняло огромное количество аптек на улицах Пекина. Владельцы платили небольшую сумму за помещение, зарплаты только старшим работникам аптеки, младшие же работали за кров и еду. Однако стоимость лекарств, по уверениям местного населения, была баснословно высокой [Татаринов, Начало медицины, Л. 24 об.].

Помимо устройства аптек, Татаринов в своей работе даёт подробное объяснение каждому типу лекарства: пилюлям, порошкам, декоктам, употреблявшимся внутрь, и наружным пластырям гао-яо и столбикам динь-цзы яо, а также способам их изготовления и применения [Татаринов, Начало медицины, Л. 38 об.]. По мнению медика, ассортимент медикаментов в аптеках был достаточно широким, однако в них отсутствовали химически приготовленные лекарства.

В труде «Начало медицины в Китае» Татаринов выдвинул особенно смелую мысль, указывая на превосходство китайской медицины, которая, по его мнению, способна решить альтернативными методами ту проблему, за лечение которой не осмелился бы взяться европейский врач.

В статье, изданной в Трудах членов Российской Миссии в Пекине, под названием «Замечания об употреблении болеутоляющих средств при операциях и о водолечении в Китае» Татаринов вновь заостряет внимание на несовершенстве китайской медицины того времени. В статье присутствуют рассуждения медика об отсутствии в Китае такого важного пласта медицины, как хирургия. Татаринов пишет о том, что не встречал в Пекине никого, кто мог бы быть известен как опытный хирург, а ничтожно малое количество хирургических инструментов китайцев было абсолютно примитивным [Татаринов, Замечания, С. 138-139]. Описанные им аптекарские инструменты также не отличались разнообразием [Татаринов, Рисунки].

Работы А.А. Татаринова были приняты на родине, некоторые из них были изданы, однако большая часть осела в архивах. После окончания работы миссии Тугаринова Александр Алексеевич был зачислен вместе с учениками, работавшими при Миссии, И.А. Гошкевичем и И.И. Захаровым штатными переводчиками в Азиатский департамент, однако вскоре Татаринов был переведен в Чугучак сначала врачом, а затем, после заключения в 1851 году Кульджинского (Илийского) трактата, назначен на должность консула. Он также был включен в состав посольства Н.П. Игнатьева, которое в ходе переговоров с китайской стороной заключило в 1860 году Пекинский договор.

Новая XIII миссия под руководством архимандрита Палладия (Кафарова), начала свою работу в 1850 году. Положение новой миссии оказалось не менее тяжелым: произошедшее во время работы XIII и XIV миссий Тайпинское восстание вызвало небывалый внутренний кризис, который, ко всему прочему, существенно отразился и на взаимоотношениях с иностранными государствами. Задачей миссионеров также

стал сбор сведений и отправка донесений о происходящем в Азиатский департамент и генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому.

Несмотря на тяжелое положение Миссии в Пекине, работа членов миссии архимандрита Палладия оставила глубокий след в истории отечественного востоковедения. Помимо большого количества трудов о. Палладия и учеников при миссии М.Д. Храповицкого, К.А. Скачкова, известны достижения врача Стефана Ивановича Базилевского.

Биография Базилевского схожа с биографиями его предшественников: по окончании Вологодской духовной семинарии и Петербургской Медико-хирургической академии он проработал в Архангельском военном госпитале, получил учёную степень доктора медицины и по назначению Министерства внутренних дел был направлен в Пекин в составе XIII миссии.

Ожидая провожатых казаков, новая миссия стояла в Кяхте более трёх месяцев. В это время миссионеры продолжали изучение китайского и маньчжурского языков, а Стефан Иванович был занят научной работой. В окрестностях Кяхты им был собран гербарий почти из полутора сотен растений, которые были отправлены немецкому ботанику, работавшему при Императорском ботаническом саду Фёдору Богдановичу фон Фишеру. Впоследствии Фишеру в 1853 году была отправлена ещё одна коллекция растений [Хохлов, 1979, С. 33].

Продуктивными для врача были его научные изыскания в ботанике и зоологии. Согласно пекинским докладом архимандрита Палладия, в 1850 году через Е.П. Ковалевского в Россию были отправлены несколько ящиков с растениями, собранными Базилевским за полмесяца продвижения миссии между Кяхтой и Ургой.

Коллекцию составляло около 112 наименований ранее не описанных дальневосточных растений. Спустя два года, в 1852 году из Пекина в Россию была отправлена новая собранная медиком коллекция растений, произрастающих около столицы. Помимо этого в Московское общество испытателей природы были направлены статьи по ихтиологии Северного Китая, две статьи по орнитологии, а также небольшая работа по изучению насекомых Китая. Ценность данных статей заключалась в том, что все они сопровождались рисунками птиц, рыб или насекомых, сделанных китайским художником по заказу Базилевского. Большинство работ врача так и не были опубликованы, оставшись в архиве Московского общества изучения природы. Единственной была опубликована статья по ихтиологии Китая "Ichthyographic Chinae Borealis" с 18 рукописными рисунками [Хохлов, 1979, С. 34].

Овладев китайским языком, Базилевский начал изучать китайскую медицину и переводить классические медицинские трактаты. Уже в первые годы работы XIII миссии из Пекина в Петербург была прислана статья «О случаях употребления растительного воска в китайской медицине». В донесениях от 1854 года начальник миссии о. Палладий писал о непрерывных и плодотворных занятиях медика изучением китайского языка, зоологией и физической географией Китая. Известно о переводах классического медицинского лечебника «Бэньцао ганму» китайского учёного Ли Шичжэня, включавшего в себя рецепты приготовления лекарств из органов рыб и животных, описания лекарственных растений. Сохранились переводы медицинской библиографии «Сыку цюаньшу», биографических заметок о 35 врачах Древнего Китая, переводы медицинских сочинений по офтальмологии, остеологии,

акупунктуре, судебной медицине, а также сведения об уровне здравоохранения в Пекине и близлежащих территориях.

В состав новой XIV миссии (1858-1864 гг.) под руководством архимандрита Гурия (Карпова) вошёл врач Пётр Алексеевич Корниевский, ставший последним из врачей, прикомандированных к Пекинской духовной миссии. После получения степени доктора медицины в 1857 году Корниевский был направлен в Пекин. В 1862 году, предоставив статью «Медицинский приказ в Китае», был зачислен в Общество русских врачей. Спустя год из-за обострения болезни лёгких П.А. Корниевский был вынужден покинуть Миссию и вернуться в Россию.

Успев за время пребывания в Пекине освоить китайский язык практически в совершенстве, Корниевский издал ряд статей касательно китайской медицины: «Китайские медицинские пословицы», «О китайских медиках», «Материалы для истории китайской медицины», а также биографии и библиографии трудов известных китайских медиков.

К сожалению, неопубликованными остались переводы по китайскому акушерскому делу: «Полный курс китайского акушерства» (113 л.) и «Курс китайского акушерства» (62 л.). Это единственные переводы работ по акушерству на русском языке.

В рукописном варианте в архивах остались его каталоги китайских медицинских книг, хранившиеся в библиотеке Пекинской миссии и в Азиатском департаменте, а также «Медико-топографические заметки о Пекине», дававшие сведения касательно численности, прироста и смертности населения в Пекине.

Из медицинских сочинений стоит выделить «Патологию у китайцев», где присутствует и информация о китайских лекарствах,

«Хирургические инструменты, употреблявшиеся древними китайскими медиками», формы китайских рецептов с подлинником рецепта, а также исследования насильственной смерти у китайцев.

Корниевский также затрагивал тему истории китайской медицины в работах «О китайских медиках, их быте, заработках, способе исследования больного», «Народные китайские врачи».

Также П.А. Корниевским были переведены «Гадание у китайцев и лечение посредством гадания», «О китайцах с медицинской точки зрения», где дана информация о среднем росте и весе китайцев в определённый возраст, и другие [Скачков, 1977, С. 435-436].

Огромный интерес представляет также «Журнал, веденный в Пекине в 1858, 1859, 1860 и 1861 году» Петра Алексеевича Корниевского. Данный рукописный дневник находится в архиве востоковедов Института восточных рукописей Санкт-Петербурга [Корниевский]. Ранее он находился в личной коллекции известного китаевода Г.В. Ефимова, а после его смерти был передан вдовой учёного в Институт.

Корниевский записывал важные социально-политические события, происходившие в Пекине и в Китае в целом. Особенно тщательно в дневнике описаны дипломатические контакты и двусторонние переговоры России и Китая в 50-х годах XIX века. Также присутствуют сведения об Опиумной войне 1860 года, захвате столицы английскими и французскими войсками, а также положением простых людей в это время.

В 1860 году в Китае было открыто российское посольство, что фактически изменило характер работы Миссии. С данного периода произошёл поворот к непосредственно миссионерской деятельности. Однако долгое время члены

Миссии были неофициально задействованы в работе российского посольства как советники.

Изменился и принцип комплектования Миссии. С 1864 года врачи прикомандировывались к российскому посольству, продолжали работу над изучением ботаники и минералогии Китая, а также китайской традиционной медицины [Бартольд, 1977, С. 43-51].

Учреждённый в 1820 году институт врачей при Миссии полностью выполнил возложенные на него задачи: врачами при Миссии были собраны огромные зоологические, ботанические и минералогические коллекции, ставшие основой для дальнейшего изучения флоры и фауны Цинской империи и прилегающих к ней районах. Также были переведены классические китайские медицинские труды по акупунктуре, фармакологии, акушерству, судебной медицине, иглоукалыванию, хирургии, ветеринарии; была собрана коллекция медицинских трактатов; составлен подробный библиографический список трактатов по медицине и ботанике; были переведены биографии талантливых медиков Древнего Китая, что способствовало накоплению научных знаний, касавшихся изучения китайской традиционной медицины, лекарственных растений Поднебесной. Врачи при Миссии О.П. Войцеховский, П.Е. Кирилов, А.А. Татаринов, С.И. Базилевский, П.А. Корниевский своими работами, посвященными изучению китайской медицины, смогли развеять один из мифов о Китае. Если ранее многие достижения культуры и медицины Дальнего Востока практически не учитывались европейскими исследователями, то после появления трудов российских медиков в европейском обществе закрепились мысли о высоком развитии китайской культуры и традиционной медицины, включавшей в себя отличные от европейских методы диагностирования и лечения болезней.

Достижения врачей в лечении местного населения помогли восстановить хорошие отношения с представителями власти Китая, а также восстановить доброе имя Русской Миссии для простых китайцев.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине. Под ред. Н.И. Веселовского. - СПб, 1905, 72 с.
2. Инструкции для лекаря Пекинской миссии 1856 г. // РГИА, ф. 1297, оп. 135, д. 48, 21 л.
3. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. - М., 1977, 503 с.
4. Некролог В. Васильева памяти А. Татаринова. // Биржевая газета, 3 (15) октября 1886 г. // ИВР РАН, ф. 8. оп. 1, д. 8/240, 1 л.
5. Кирилов П. Опыт воспитания чайного кустарника // Северная пчела, 1893, № 179, С. 845-849
6. Татаринов Ал. О китайских лекарствах и аптеках в Пекине, б/м, 1840е гг. // ВМА СПб, ф. 8, д. 36, 53 л
7. Татаринов Ал. Начало медицины в Китае, б/м, 1840е гг. // ВМА СПб, ф. 8, д.38, 10 л.
8. Татаринов А.А. Замечания об употреблении болеутоляющих средств при операциях и о водолечении в Китае. // Труды членов Российской Миссии в Пекине, Т. 3, 1857, С. 137-142
9. Татаринов Ал. Рисунки аптекарских китайских инструментов, б/м, 1840 е гг. // ВМА СПб, ф. 8, д. 41, 19 л.
10. Хохлов А.Н. П.И. Кафаров. Жизнь и научная деятельность // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (К 100-летию со дня смерти). Ч. 1 – М, 1979, С. 3-91

11. Корниевский П.А. Журнал, веденный в Пекине в 1858, 1859, 1860 и 1861 году. // ИВР РАН, разряд I, оп. 1, д. 381, 329 л.
12. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков. // Сочинения, Т.9. Работы по истории востоковедения. - М: Наука, 1977, 206 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Materialy dlya istorii Rossijskoj Duhovnoj missii v Pekine. (1905) [Materials for the history of the Russian spiritual mission in Beijing]. St.-Petersburg, 72 p.
2. Instrukcii dlya lekarya Pekinskoj missii (1856) [The instructions for the doctor of the Beijing mission]. St.-Petersburg, 21 p.
3. Skachkov P.E. (1977) Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya. [The essays on the history of Russian Sinology]. Moscow, Nauka, 503 p.
4. Nekrolog V. Vasil'eva pamyati A. Tatarinova. (1886) [Obituary of Vasilyev to the memory of A.A. Tatarinov]. St.-Petersburg, Birzhevaya gazeta, 3 (15) October, 1886.
5. Kirilov P. (1893) Opyt vospitaniya chajnogo kustarnika. [The experience of growing tea bush]. St.-Petersburg, Severnaya pchela, 1893, № 179, p.845-849.
6. Tatarinov Al. (1840) O kitajskih lekarstvah i aptekah v Pekine. [About Chinese medicines and pharmacies in Beijing]. St.-Petersburg, 53 p.
7. Tatarinov Al. (1840-th) Nachalo mediciny v Kitae. [The beginning of medicine in China]. St.-Petersburg, 10 p.
8. Tatarinov A.A. (1857) Zamechaniya ob upotreblenii boleutolitel'nyh sredstv pri operacijah i o vodolechenii v Kitae. [The remarks on the use of painkillers in operations and a water treatment in China]. St.-Petersburg, Trudy

chlenov Rossijskoj Missii v Pekine, P. 137-142.

9. Tatarinov Al. (1840-th) Risunki aptekarskih kitajskih instrumentov [Drawings of Chinese pharmacies]. St.-Petersburg, 19 p.
10. Hohlov A.N. P.I. Kafarov. (1979) ZHizn' i nauchnaya deyatel'nost' [P.I. Kafarov. Life and scientific activity]. Moscow, P.I. Kafarov i ego vklad v otechestvennoe vostokovedenie, P. 3-91
11. Kornievskij P.A. ZHurnal, vedennyj v Pekine v 1858, 1859, 1860 i 1861 godu. (The Journal led in Beijing in 1858, 1859, 1860 and 1861). St.-Petersburg, IOM RAS, 329 p.
12. Bartol'd V.V. (1977) Obzor deyatel'nosti fakul'teta vostochnyh yazykov. [Overview of the Faculty of Oriental Languages] Moscow, Nauka, 206 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Silakova Sofiya Andreevna, assistant
Department of Altaic and Chinese Studies,
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia
silakova.sa@mail.ru

Принята к публикации: 05.11.2019 г.

Submission Date: 2019.11. 05.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАННИХ ЧЖОУСКИХ ЗЕРКАЛ

THE ORIGIN OF EARLY ZHOU DYNASTY MIRRORS

Шульга Даниил Петрович, канд. ист. наук

*Кафедра Международных отношений и гуманитарного сотрудничества
Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства
и госслужбы при Президенте РФ
alkaddafa@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика бронзовых зеркал эпохи Западная Чжоу, в первую очередь, в сравнении с более ранними шанскими экземплярами.

Ключевые слова и фразы: *бронзовые зеркала, Западная Чжоу, династия Шан, археология Китая.*

Для цитирования: *Шульга Д.П. Происхождение ранних чжоуских зеркал. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 73-76*

ABSTRACT

The article discusses the specifics of bronze mirrors of the Western Zhou era, primarily in comparison with earlier Shan findings.

Keywords and phrases: *bronze mirrors, Western Zhou, Shang Dynasty, archeology of China.*

For citation: *Shulga D.P. The origin of early Zhou dynasty mirrors. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 73-76*

Бронзовые зеркала в Евразии представляют собой с одной стороны довольно массовую, но с другой – весьма загадочную категорию археологических материалов. До сих пор не вполне понятна семантика и утилитарное использование подобных артефактов, их происхождение и эволюция. Автор в настоящей работе кратко разберёт точки зрения исследователей из Китайского Тайбэя и КНР на происхождение бронзовых зеркал Западной Чжоу, попутно приводя малоизвестные в отечественной науке находки.

На данный момент известно примерно о двух десятках зеркал, которые, в основном, хронологически относятся к раннему этапу эпохи Западной Чжоу. Все раннечжоуские зер-

кала имеют округлую форму с выступом в середине. Они весьма просто оформлены, в отличие от шанских экземпляров с геометрическими орнаментами (рис. 1–4) [1, с. 58; 3, с. 17]. Происхождение ранних зеркал в Китае является предметом продолжительной дискуссии. Одним из вопросов остаётся преемственность между шанскими и чжоускими материалами. Очевидно, что связь между ними есть, но при этом ярко видны культурные особенности каждой династии [6, с. 17–19].

Важно заметить, что различия в оформлении прослеживаются не только при сравнении чжоуских зеркал с находками из шанского Иньсюя, но и с материалами запада КНР: из провинций Ганьсу, Цинхай и Синьцзян-

Уйгурского AP [3, с. 113–118]. Западночжоуские зеркала можно сравнивать с не декорированными аналогами из могильника Тяньшаньбэйлу, а также некрополей Цинхая и Ганьсу, при этом выявится ряд сходств. Впрочем, зеркала ранней Чжоу имеют более узкий срединный выступ, форма их подчас скорее овальная, чем круглая, края тонкие. Ярким примером может служить зеркало, найденное в предместье г. Баоцзи (пров. Шэньси). Срединный выступ длинный и узкий, кромка зеркала заострённая, сверху заметна выщерблена (рис. 1–1). Подобные зеркала (тайваньский исследователь У Сяюнь метко назвал их «橄欖形鈕», т.е. «с выступом в виде маслины») встречаются в памятниках около г. Баоцзи, а также в центре чжоуского ареала. Похожий экземпляр есть в погребении М42 могильника в деревне Синьцунь в уезде Сюньсянь провинции Хэнань (рис. 1–2). Очевидно, подобное распространение связано с чжоуской экспансией. Таким образом, зеркала Западной Чжоу отчасти сходны с зеркалами степного пояса Евразии, однако полного совпадения нет ни с материалами Северо-западного Китая, ни с находками из ареала андроновской культуры [6, с. 18].

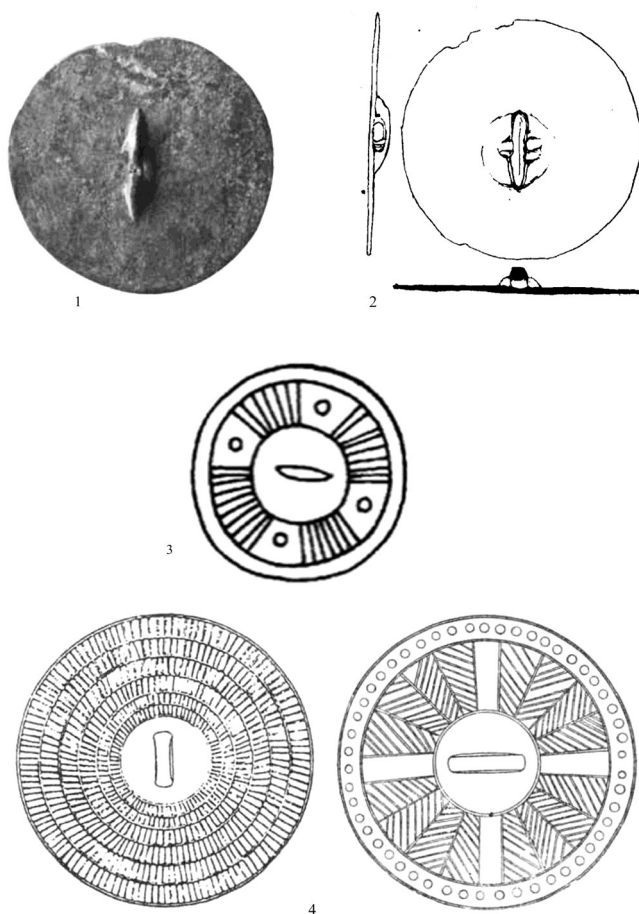
Зеркала степного пояса Евразии, относящиеся к эпохе бронзы, обычно невелики, не имеют декора, их срединный выступ напоминает описанный выше у чжоуских экземпляров. Немало подобных находок мы видим в материалах карасукской культуры Южной Сибири. Подобное сходство (впрочем, далёкое от идентичности) наталкивает нас на мысль от там, что чжоуские зеркала имеют куда больше общего именно с северной и северо-западной периферией, а не с Шан, следовательно, корни их следует в Монголии и Сибири, а не в наследии Иньсюя. Впрочем, среди исследовательского сообщества есть предположения и о том, что

и шанские мастера также испытывали «северное» влияние [напр., 7, с. 34–37].

Проблемой является то, что за пределами культурного ареала Чжоу в Китае мы знаем очень мало зеркал нач. I тыс. до н. э. Это создаёт дефицит источников. На памятнике Гуанчжуань в уезде Чуньхуа городского округа Сяньян провинции Шэньси было найдено декорированное зеркало с петелькой посередине (рис. 1–3). Возможно, перед нами упрощённая форма зеркала с орнаментом в виде окружностей. Примечательно, что рядом с зеркалом был найден треножник в шанском стиле и нож характерной для «северных культур» формы. Есть основание для датировки комплекса концом Шан – началом Чжоу. Стоит отметить, что у описываемого зеркала узкая петелька, нехарактерная для декорированных зеркал (у таковых петелька обычно толстая и мощная) [6, с. 40].

Довольно интересные находки были сделаны на могильнике Цзявань (уезд Чунсинь провинции Ганьсу). Более всего для изучения зеркал дало погребение М38. Диаметр первого экземпляра здесь 8,5 см. В середине характерный выступ-петелька (тот же «橄欖形鈕»). Второе зеркало чуть меньше, 8 см в диаметре, но толще (2 мм против 1,5 мм у предыдущего). В середине – небольшой выступ, по форме напоминающий ковш. Возможно, первое зеркало демонстрирует связь данного региона с Чжоу. Ковшевидная форма срединного выступа на втором зеркале, в свою очередь, перекликается с находками из археологических памятников Шацзин (уезд Миньцинь городского округа Увэй провинции Ганьсу) [2]. Таким образом, в одном погребении мы видим как восточные (из Чжоу), так и западные (от «северных инородцев») веяния.

В контексте изучения применения бронзовых зеркал весьма интересным выглядит

Подписанные подписи: 1. Западночжоуское зеркало из пригорода г. Баоцзи, пров. Шэньси. 2. Западночжоуское зеркало из погребения M42 у села Синьцунь в уезде Сюньсянь провинции Хэнань. 3. Зеркало из археологического памятника Чжаоцзячжуан в волости Гуанчжуан в уезде Чуньхуа городского округа Сяньян провинции Шэньси (даётся по: У Сяюнь 2017). 4. Два зеркала эпохи Шан из погребения Фу Хао в Иньсюе (даётся по: Ван Юй, 2014).

анализ того, вогнутые, плоские и выпуклые (выпуклые) они. Общеизвестно, что с точки зрения оптики, выгнутое зеркало может немного увеличивать изображение, вогнутое – уменьшает. Важно отметить, что шанские бронзовые зеркала из Иньсюя в основном выпуклые, также отчётливо можно видеть выгнутые зеркала в погребении №1005 из Хоуцзячжуана (царское захоронение в провинции Хэнань, город Аньян) и из погребения M25 могильника Дасыкунцунь.

Среди зеркал эпохи Западная Чжоу больше всего известно плоских зеркал. Впрочем, в некоторых случаях отчётливо фиксируется выпуклость. Например, на памятнике Хуанцзяхэ в уезде Угун провинции Шэньси было найдено такое зеркало (диаметр 8,8 см). Другое подобное происходит из уезда Фэнсян городского округа Баоцзи провинции Шэньси, его диаметр 7,22 см. Как мы видим, оба зеркала небольшие. Примечательно, что для зеркал эпохи Хань и последующих династий существует интересная корреляция: в эпохи процветания и единства, когда частым явлением было отлитие больших зеркал (Хань, Тан, Цзинь, Юань), их поверхность в основном плоская. В те же периоды, когда отливались небольшие зеркала (например, с конца II в. н.э. до эпохи Тан), размер изделий редко превышает 10 см и они зачастую выпуклые [6, с. 17–19, 26–27].

В эпоху Западной Чжоу плоские, выпуклые и вогнутые зеркала сосуществуют. Первые, видимо, использовались непосредственно для отражения предметов, а вторые и третьи для достижения определённых оптических эффектов и иных целей (напомним, что в I в. в Китае уже была описана технология поджигания травы с помощью неплоских зеркал и солнечного света [5, с. 28]). Менее всего известно вогнутых зеркал, их всего два. Первое происходит с памятника Пинбайфу в Пекине, второе, более вогнутое, – с памятника Хуандуй из уезда Фуфэн, Шэньси. Именно вогнутое зеркало из Шэньси теоретически может быть первым, с помощью которого древние умельцы могли фокусировать солнечный свет, например, для поджигания сухой растительности [6, с. 19]. Срединный выступ данного зеркала имеет характерную «маслинную» форму, что явно указывает на связь изделия с раннечжоуской традицией.

Как мы видим, бронзовые зеркала периода Западная Чжоу как источник имеют важное

значение не только для изучения развития этого типа артефактов в Китае, но и могут помочь ответить на вопросы, касающиеся этнокультурных процессов в Южной Сибири и сопредельных регионах (Восточном Казахстане, Монголии и др.).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ван Юй. Иньсюй фухао му чуту тун цзин юй и шитань [王煜。殷墟妇好墓出土铜镜寓意试探 // 中原文物 2014 年第 2 期] Анализ бронзовых зеркал из гробницы Фухао в Иньсюе // Чжунюань вэньбу («Культурное наследие центральной равнины»), 2014, №2. С. 57–59.
2. Ли Шуйчэн. Шацзин вэньхуа яньцзю [李水城。沙井文化研究 // 国学研究] Исследование материалов культуры Шацзин // Госюэ яньцзю. — Пекин, 1994. — Т. 2. — С. 493–523.
3. Лю Сюэтан. Лунь чжунго цзаоци тунцзин юаньюй сиюй [刘学堂。论中国早期铜镜源于西域 // Journal of Xianjiang Normal University (Social Science), 1999, Vol. 20, №3] О происхождении ранних китайских бронзовых зеркал в Западном крае // Journal of Xianjiang Normal University (Social Science), 1999, Vol. 20, №3. С. 112–119.
4. Ма Цзиньхун. Шанхай боугуань хоцзэн шандай тунцзин [马今洪。上海博物馆获赠商代铜镜 // 上海文博论丛 2005 年 2 期] Шанские бронзовые зеркала, подаренные Шанхайскому музею // Шанхай вэньбо луньцун, 2005, №2. 17–19.
5. Си Вэньцян. Цзуцзянь иши юй сянгунь вэньти дэ шэнчэн кунцзянь [郝文倩。祖钱仪式与相关文体的生成空间 // 中山大学学报(社会科学版)2014 年第 1 期] Ритуал прощания и становление стиля // Чжуншаньдасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбань), 2014, №1. С. 25–34.
6. У Сяюнь. Шанчжоу шици тунцзин дэ чусянь юй шиюн [吴晓筠。商周时期铜镜的出現與使用 // 故宫學術季刊 2017 35 卷第 2 期] Появление и использование бронзовых зеркал в эпохи Шан и Чжоу // Гугун сюэшу цзикань (Ежеквартальный научный журнал Гугуна), 2017, вып. 35, №2. С. 1–66.
7. Хань Цзиньцю. Шилунь иньсюй эр ци чжунсин му чжун дэ бэйфан вэньхуа иньсю [韩金秋。试论殷墟二期中型墓中的北方文化因素 // 中原文物 2008 年第 6 期] Северное культурное влияние на погребения второго этапа памятника Иньсюй // Чжунюань вэньбу («Культурное наследие центральной равнины»), 2008, №6. С. 34–41.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Shulga Daniil Petrovich, PhD in History

Department of International Relations and Humanitarian Cooperation

Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy

and public services under the President of the Russian Federation

alkaddafa@gmail.com

Принята к публикации: 15.11.2019 г.

Submission Date: 2019.11. 15.

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

DIGITAL DIPLOMACY WITH CHINESE SPECIFICITY

Аликберова Альфия Рафисовна, к. ист.н., доцент

Балакин Дмитрий Александрович

Кафедра алтаистики и китаеведения

Институт международных отношений, Казанский федеральный университет

alfiakasimova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В представленном исследовании подробно разбирается и анализируется понятие цифровой дипломатии с точки зрения механизма введения внешней и внутренней политики государства. Особое внимание уделяется интернет-пространству и социальным медиа на территории Китайской Народной Республики. Основным выводом является то, что применение цифровой дипломатии, как важного инструмента мягкой силы, для Китая – это, в первую очередь, обеспечение внутренней стабильности и безопасности, а также создание положительного общественного мнения за пределами КНР по острым политическим вопросам. Работа может быть полезна для международных политологов, занимающихся проблемами государственной безопасности и цифровой дипломатии.

Ключевые слова: *цифровая дипломатия, Китай, КНР, внешняя политика, интернет, твиттер-дипломатия, кибер-угрозы, государственная безопасность.*

Для цитирования: *Аликберова А.Р., Балакин Д.А. Цифровая дипломатия с китайской спецификой. Современные востоковедческие исследования. 2019, 1 (3): 77-81*

ABSTRACT

In the presented paper the concept of digital diplomacy is detailed analyzed from the point of view of the mechanism for introducing foreign and domestic state policy. Particular attention is paid to the Internet space and social media in the territory of the People's Republic of China. The main conclusion is that the use of digital diplomacy, as an important instrument of soft power, for China is, first of all, ensuring internal stability and security, as well as creating positive public opinion outside the PRC on acute political issues. The work may be useful for scientists' research state security and digital diplomacy.

Key words and phrases: *digital diplomacy, China, PRC, foreign policy, the Internet, twitter diplomacy, cyber threats, state security.*

For citation: *Alikberova A.R., Balakin D.A. Digital diplomacy with Chinese specificity. Modern Oriental Studies. 2019, 1(3): 77-81*

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий и Интернета, размывло границы между государствами, сформировав единое глобальное информационное общество. Социальные сети, интернет оказывают динамичное воздействие на все сферы общества и государства, включая процессы, происходящие в мировой политике. При этом существенно усиливается интернет-влияние и расширяются возможности манипулирования общественным мнением. В настоящее время все большее внимание уделяют возможностям социального инжиниринга с использованием «всемирной паутины» и управления большими группами людей, в том числе и в политических целях.

В последнее десятилетие одним из инструментов политического воздействия является цифровая дипломатия (digital diplomacy). Данный термин появился не так давно, и используется наряду с другими: интернет-дипломатия (internet-diplomacy), дипломатия социальных сетей (net diplomacy), Web 2.0 дипломатия (web 2.0 diplomacy) или различные вариации (твиттер-дипломатия – twitter diplomacy, public diplomacy Web 2.0, Internet diplomacy и др.). История развития данного направления, очевидно, начинается с 2012 г., когда становится популярным термин «электронная дипломатия (e-diplomacy)». Широкое распространение он получил после публикации весной 2012 г. труда приглашенного в американский Институт Брукинга сотрудника австралийского Института Лови Ф. Хансона «Революция и госдепартамент: распространение Э-дипломатии» [1]. Через полгода он опубликовал вторую часть исследования: «Свежеиспеченный и отправленный: Э-дипломатия и госдепартамент» [2]. Исследователь первым постарался систематизировать программную работу, уже несколько лет проводимую государственным департаментом, которая там же и именуется «электронной

дипломатией» — точнее, «Э-дипломатией». Появление первой части труда заметно оживило интерес к теме «Сеть и внешняя политика» и обусловило поворот в ее обсуждении. Достаточно сказать, что в течение первых недель после выхода первой части количество скачиваний составляло десятки тысяч, что является одним из рекордных показателей для всех «мозговых центров» мира [3]. Определений термина «цифровая дипломатия» множество, так, например, Ф. Хансон, дает рабочую версию: использование всемирной паутины и новых ИКТ для содействия в реализации внешнеполитических целей [4]. Данное определение не ограничивает действие цифровой дипломатии лишь социальными сетями. Западные исследователи изначально считали ЦД частью публичной дипломатии, ограничивающейся инструментами соцсетей. Несколько позднее на одном из профильных сайтов (techopedia.com) «Эдипломатия» была определена как «действие в стремлении достижения дипломатических целей через использование Интернета, социальных сетей и коммуникационных технологий в целом» [5].

Таким образом, интернет-технологии и социальные сети активно вошли в современную жизнь общества. Китай не исключение, еще двадцать лет назад он начал применять эти инструменты для ведения своей внешней и внутренней политики. Китайская Народная Республика реализует государственную информационную политику коррелируя ее с стремительным развитием и распространением телекоммуникационных средств и информационных технологий. Благодаря общедоступности введения фото и видеофиксации, распространению материалов через социальные сети и мгновенному ее распространению по всем уголкам мира, становится затруднительно проводить пропагандистские мероприятия и провокационные репортажи с искажением фактов. Информационные

акции становятся неэффективными без мощной поддержки социальных сетей. Китай, продолжает активно изучать опыт применения социальных медиа как внутри государства, так и зарубежный. Эксперты сходятся во мнении, что беспорядки в Гонконге стали возможными, так как именно цифровые средства коммуникации позволяли координировать антигосударственные силы извне. Необходимо отметить и серию коррупционных скандалов в КНР, которые раскрылись и получили широкую огласку благодаря компрометирующим материалам, появившимся в социальных сетях.

Основная цель применения цифровой дипломатии, как важного инструмента мягкой силы, для Китая – это, в первую очередь, обеспечение внутренней стабильности и безопасности, а также продвижение собственного внешнеполитического курса.

Китайская Народная Республика уже несколько лет является лидером по темпу роста числа интернет-пользователей, так и по их общему количеству. Так, например, абонентами мобильной системы WeChat (微信) на данный момент являются уже более 500 млн человек по всему миру. Как утверждают отечественные аналитики, существенную роль в международном влиянии китайского сегмента сети интернет, национальных соцсетей и мобильных приложений играет 50 миллионная армия китайских мигрантов - хуацяо. Важным достижением «мягкой силы» Пекина стала переориентация хуацяо, воспринимающих сегодня в качестве своей родины именно КНР, а не Китайскую Республику (г.Тайбэй), как это было на заре становления коммунистического Китая [12].

Предпочтение отдается китайским аналогам популярных западных сервисам обмена информации: RenRen, WeChat, Sina Weibo, QQ, которые также доступны и на других языках (так,

например, WeChat доступен на 15 языках мира) [9]. Китайские государственные СМИ, члены Коммунистической партии Китая, представители Министерства иностранных дел также являются активными пользователями социальных сетей, используя их для мгновенного распространения общественно-политической информации [8]. В данном случае действует правило: кто первый, тот и победил. Также стоит отметить, цифровая дипломатия Китая, направленная во вне, носит оборонительный характер. Одна из приоритетных задач – это создание и продвижение положительного образа Китая и китайского народа [11], разъяснение внешнеполитической позиции страны по наиболее чувствительным вопросам международной повестки.

Обеспечивая внутреннюю информационную безопасность Китай применяет как жесткие, так и мягкие методы. Под жесткими методами, мы понимаем, блокировку определенных сайтов или отдельно взятого контента, запрет на анонимность в интернет пространстве. Мягкие методы подразумевают контрпропаганду. Так, Министерство общественной безопасности вкладывает много усилий для предотвращения распространения в интернет пространстве оппозиционной, экстремистской информации. Комплексная система интернет-безопасности «Золотой щит» (Great Firewall) имеет несколько основных функций: это и блокировка доступа к сайтам с запрещенными материалами в течение нескольких минут, удаление подобного материала, а также отслеживание поисковых запросов [10]. У правоохранительных органов есть возможность выявлять общественное мнение по важным экономическим или политическим вопросам. Пользователи Интернет неоднократно констатировали блокировку доступа на сайты Facebook, Twitter, Instagram и даже Youtube в периоды обострения или угрозы обострения обстановки в КНР.

В XXI веке интернет-пространство и социальные медиа становятся ареной для введения информационных войн, а их возможности – эффективным оружием. Осознавая это Китай активно развивает цифровые и информационные технологии, учиться применять новые инструменты для реализации внешней политики и внутренней безопасности страны. Для эффективной и бесперебойной работы цифровой дипломатии требуется и соответствующая мощная инфраструктура, готовая обеспечить нужды цифровой экономики, искусственного интеллекта, облачных технологий, «Интернета Вещей», технологий «Больших Данных», спутниковой системы навигации, сверхбыстрой широкополосной связи Internet Plus и пр. Китай, в свою очередь, нуждается в «цифровом» паритете с западными странами. Начало реализации, так называемого, проекта «цифрового шелкового пути» подтверждает готовность наращивания сил в этой области и потенциальную возможность Пекина стать лидером в ближайшие годы.

Необходимо отметить, что, несмотря на огромное внимание со стороны правительства западных стран вопросам политической цифровизации, до сих пор существует определенная настороженность относительно широкого использования новых технологий. Вопрос кибер-безопасности до конца не решен. Вместе с явными плюсами цифровая дипломатия несет в себе и угрозы, из-за которых необходимо затрачивать средства на обеспечение и разработку систем информационной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Fergus Hanson. Revolution @State: The Spread of eDiplomacy. Lowy Institute, March 2012.
2. Fergus Hanson. Baked In and Wired: eDiplomacy@State. — «Foreign Policy at Brookings», October 2012.
3. Rory Medcalf. Drawing the line — «American Review», May 2012, americanreview-mag.com/opinions/Drawing-the-line
4. Fergus Hanson. Revolution @State, p. 3.
5. Текопедия. www.techopedia.com/definition/29050/diplomacy
6. Семедов С.А. Цифровая дипломатия в эпоху глобализации / под ред. В.В. Комлева // Россия в современной международной системе координат: новые вызовы и возможности: сборник статей. М., 2014. С. 355–357.
7. Пермякова Л. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты. — Российский совет по международным делам, 27 сентября 2012, russiancouncil.ru/inner/?id_4=862
8. China Co-opts Social Media to Head Off Unrest // The Wall Street Journal [Электронный документ] <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703610604576158290935677316>
9. Digital Public Diplomacy: How Chinese Social Media Is Changing the Way Diplomatic Missions in China Engage with Local Audiences [Электронный документ] <http://daoinsights.com/digital-public-diplomacy-how-chinese-social-media-is-changing-the-way-diplomatic-missions-in-china-engage-with-local-audiences/#sthash.jSWNT7Ax.dpuf>
10. How does China censor the internet? // The Economist [Электронный документ] <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2013/04/economist-explains-how-china-censors-internet>
11. Quanqiu jinrong shichang chixu dongdang huojiang tuidong wangluo shejiao fazhan // Chinanews [Электронный документ]

<http://www.chinanews.com/it/kong/news/2008/11-29/1467489.shtml>

12. Balakin D.A, Alikberova A.R. Digital silk road in the context of the people's Republic of China. Opción, Año 35, Especial No.22 (2019): 308-318

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Fergus Hanson. Revolution @State: The Spread of eDiplomacy. Lowy Institute, March 2012.
2. Fergus Hanson. Baked In and Wired: eDiplomacy@State. — «Foreign Policy at Brookings», October 2012.
3. Rory Medcalf. Drawing the line — «American Review», May 2012, americanreview-mag.com/opinions/Drawing-the-line
4. Fergus Hanson. Revolution @State, p. 3.
5. Tekopediya. www.techopedia.com/definition/29050/ediplomacy
6. Semedov S.A. Cifrovaya diplomatiya v epohu globalizacii / pod red. V.V. Komleva // Rossiya v sovremennoj mezhdunarodnoj sisteme koordinat: novye vyzovy i vozmozhnosti: sbornik statej. M., 2014. S. 355–357.
7. Permyakova L. Cifrovaya diplomatiya: napravleniya raboty, riski i instrumenty. — Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 27 sentyabrya 2012, russiancouncil.ru/inner/?id_4=862
8. China Co-opts Social Media to Head Off Unrest // The Wall Street Journal [Elektronnyj dokument] <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703610604576158290935677316>
9. Digital Public Diplomacy: How Chinese Social Media Is Changing the Way Diplomatic Missions in China Engage with Local Audiences [Elektronnyj dokument] [http://daoinsights.com/digital-public-diplomacy-how-chinese-social-](http://daoinsights.com/digital-public-diplomacy-how-chinese-social-media-is-changing-the-way-diplomatic-missions-in-china-engage-with-local-audiences/#sthash.jSWNT7Ax.dpuf)

[media-is-changing-the-way-diplomatic-missions-in-china-engage-with-local-audiences/#sthash.jSWNT7Ax.dpuf](http://daoinsights.com/digital-public-diplomacy-how-chinese-social-media-is-changing-the-way-diplomatic-missions-in-china-engage-with-local-audiences/#sthash.jSWNT7Ax.dpuf)

10. How does China censor the internet? // The Economist [Elektronnyj dokument] <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2013/04/economist-explains-how-china-censors-internet>
11. Quanguo jinrong shichang chixu dongdang huojiang tuidong wangluo shejiao fazhan // Chinanews [Elektronnyj dokument] <http://www.chinanews.com/it/kong/news/2008/11-29/1467489.shtml>
12. Balakin D.A, Alikberova A.R. Digital silk road in the context of the people's Republic of China. Opción, Año 35, Especial No.22 (2019): 308-318

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alikberova Alfiya Rafisovna, Associated Professor
Candidate of Historical Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia
alfiakasimova@gmail.com

Balakin Dmitry Aleksandrovich
Kazan Federal University, Confucius Institute
dimbalakin73@gmail.com

Принята к публикации: 20.10.2019.

Submission Date: 2019.10.20.

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЯПОНИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

MODERN FOREIGN POLICY ACTIVITY OF JAPAN IN THE CENTRAL ASIAN REGION

Пужаев Александр Александрович

магистрант Института международных отношений

Казанский федеральный университет

lavrovfp1995@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье, автор, рассматривает, развитие современных экономических и политических связей между Японией и Центральной Азией. Особое внимание, автор, акцентирует на правительственные (профильные) организации Японии в качестве инструмента реализации внешнеполитических целей и задач Японии в данном регионе, а также, на основе проработанной официальной источниковой базы попытался осветить основной интерес Японии в данном регионе на современном этапе.

Ключевые слова и фразы: Японское Агентство по Международному Сотрудничеству, Официальная помощь в развитии, инфраструктура, газ, нефть, Центральная Азия, кредит, интерес.

Для цитирования: Пужаев А.А. Современная внешнеполитическая активность Японии в Центрально-азиатском регионе. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 82-93

ABSTRACT

In this article, the author considers the development of modern economic and political ties between Japan and Central Asia. The author pays special attention to the government (profile) organizations of Japan as a tool for realizing Japan's foreign policy goals and objectives in this region, and also, based on a well-developed official source base, tried to highlight the main interest of Japan in this region at the present stage.

Key words and phrases: Japan Agency for International Cooperation, Official development assistance, infrastructure, gas, oil, Central Asia, credit, interest.

For citation: Puzhaev A.A. Modern foreign policy activity of Japan in the Central Asian region. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 82-93

На современном этапе сотрудничества между Японией и странами Центральной Азии уже сформировались устойчивая договорная база, как на двухстороннем уровне, так и на многостороннем уровне в рамках платформы Япония плюс Центральная Азия. Данная платформа позволяет участникам координировать свои усилия по региональным и международным вопросам. Помимо политической составляющей, Токио значительно наращивает экономическое сотрудничество поставляя странам региона значительные кредиты на развитие социальной, медицинской и инфраструктурной отрасли.

Актуальность данной темы обусловлена в первую очередь тем, что в данном регионе идет борьба за влияние над регионом, данная борьба проявляется во многих сферах, однако наиболее заметно она разворачивается вокруг инфраструктурных объектов в газо-нефтяной отрасли. Не секрет, что некоторые страны стремятся девальвировать влияния России в данном регионе выстраивая свои газотранспортные сети. С другой стороны, политика Японии в данном регионе остаются малоизученной темой в отечественной и зарубежной литературы.

Методы: При написании данной статьи использовались описательный метод, синтез и теоретического анализа.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Данная работа написана на основе проработанной источниковой базы, а именно использовались официальные базы данных Министерства Иностранных Дел Японии; официальные сайты правительственных организаций: Японское агентство по Международному Сотрудничеству, Официальной помощи в развитии и другие, а также открытые информационные ресурсы.

Распад Советского Союза ознаменовался появлением целых субрегионов на карте мира,

которые представляли собой вакуум власти. Одним из таких регионов является Центральная Азия – важный стратегический регион, обладающий важными стратегическими ресурсами для развитых стран, а также через который проходят важнейшие в мире транспортные сети соединяющие Европу с Азией. Данный регион стремятся вовлечь в свою орбиту национальных интересов почти все наиболее влиятельные страны мира: Россия, Китая, США, ЕС, Индия. Помимо лидирующих стран есть также более умеренные в своих геополитических амбициях страны – это Турция, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и Япония. Именно внешняя политика последней является объектом исследования в данной работе.

С приходом премьер-министра Абэ началось переосмысления внешней политики страны. Многие эксперты отмечают, что внешнеполитический курс Абэ характерен: ревизионизмом в отношении исторического прошлого Японии, но самая важная характеристика заключается в том, что японская внешняя политика выходит из самоизоляции, и стремится занять активную позицию по ряду международных вопросов. Япония является одним из главных участников Северокорейского кризиса, а не так давно Синдзо Абэ совершил поистине исторический визит в Иран, где выступил в роли посредника между США и Ираном¹. Также характерной чертой внешней политики Абэ стало стремление Японии участвовать в международных группировках, о чем свидетельствуют следующие примеры: вступление в созданную в 2015 году торгово-экономическую организацию Транстихоокеанского партнерства (ТТП), углубление интеграции со странами АСЕАН (в эти страны Синдзо Абэ в качестве

¹Возвращение на Ближний Восток: Зачем премьер-министр Японии едет в Иран. Available at: <https://112.ua/statji/vozvrashhenie-na-blizhniy-vostok-zachem-premer-ministr-yaponii-edet-v-iran-495665.html>

премьер-министра совершил первый тур внешнеполитических визитов), укрепление стратегического партнерства с США, а также укрепление позиций в регионе Центральной Азии.

В дипломатическом ежегоднике "Синяя книга по дипломатии" за 2018 год, японский МИД резюмировал свою политику в регионе Центральной Азии следующим образом:

"Япония поддерживает открытую, стабильную и самостоятельно развивающуюся Центральную Азию, которая является геополитически важным регионом мира. Япония содействует своей дипломатией миру и стабильности в регионе. Три столпа японской дипломатии в Центральной Азии заключаются в следующем; фундаментальное укрепление двухсторонних отношений; поощрение регионального сотрудничества, а также межрегионального диалога в рамках переговорной площадки «Центральная Азия плюс Япония»; и сотрудничество на мировой арене". [2018, p. 149].

Исходя из слов главы МИД Японии Таро Коно: подход японской дипломатии к данному региону заключается в поддержании: «открытого, стабильного и самостоятельного развития» этого региона и реализации работы сообща со всеми государствами в качестве «катализатора регионального сотрудничества»². Таким образом, японские высокопоставленные чиновники стремятся выстраивать отношения с Центрально-Азиатскими странами в духе "Открытого регионализма". Данный принцип был взят на вооружение по ряду причин. Во-первых: военно-политический и экономический вакуум, который образовался в результате распада СССР – постепенно заполняется интеграционными инициативами Москвы

и Пекина, в то время как Токио никогда особо не имел четкой стратегии действий в данном регионе. Следственно, политика Японии в духе "открытого регионализма" по отношению к Центральной Азии должно стать некой подушкой безопасности для амбиций и экономических устремлений Японии в данном регионе. Главным инструментом для реализации этой задачи, Токио отводит переговорной площадке Центральная Азия плюс Япония, которая может сосуществовать параллельно с такими масштабными интеграциями как ЕАЭС и ШОС. Для примера следует привести Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, которое базируется на принципе "открытого регионализма" в соответствии с которым создание региональной группировки не должно быть дискриминационным по отношению к третьим странам главным образом в экономическом плане. Во-вторых: данный принцип превалирует по той причине, что Центральная Азия находится между двумя мощнейшими государствами в Евразии, а именно Россией и Китаем. Помимо этого – они также выступают в тандеме как главный драйвер интеграции на Евразийском пространстве. Именно российский лидер Владимир Путин выступил с инициативой сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, который бы перекрывал всю карту Евразии. Япония в данном контексте не может противостоять двум мощным державам, более того и с Россией и с Китаем у нее имеются территориальные споры. В связи с этим, Токио стремится выстраивать отношения со странами Центральной Азии в открытом русле через диалог в рамках Япония плюс Центральная Азия, не стремясь создать из него эксклюзивное сообщество и тем более противопоставлять его с другими интеграционными платформами. Напротив, Токио выступает за расширения сотрудничества стран региона

²Foreign Minister Kono's article contributed to kazinform (Republic of Kazakhstan)/URL: <https://www.mofa.go.jp/region/europe/kazakhstan/index.html>

с Европейским Союзом и США, что бы сбалансировать возрастающие влияния Китая и в меньшей мере России в данном регионе.

Здесь следует отметить, что США уже продвинулись по этому пути. Сразу после Центрально-Азиатского турне совершенного Синдзо Абэ в 2015 году, госсекретарь США Джон Керри совершил аналогичное турне по всем республикам региона. Результатом этого стало перенимание опыта японских союзников – была создана аналогичная японской диалоговой платформе, только уже под патронажем США. Данная платформа вошла в историю как C5+1. Формат C5+1 представляет собой многосторонний форум с целью расширения внутрирегионального сотрудничества и отношений Центральной Азии с США по трем направлениям: экономика и региональное взаимодействие, окружающая среда и безопасность. А уже в 2016 году, когда Джон Керри встречал своих визави в Вашингтоне, стороны договорились об осуществлении проектов по всем трем направлениям на общую сумму 15 миллионов долларов. Данные проекты комбинируют как вопросы высокой политики, так и более низового уровня, и в значительной степени полагаются на участие негосударственных акторов в качестве посредников³.

Япония же напротив полагается на собственные правительственные организации такие как: Официальная Помощь Развития (Official Development Assistance) и Японское Агентство по Международному Сотрудничеству (Japan International Cooperation Agency) – по линии данных правительственных организаций Япония финансирует инфраструктурные проекты, социальные проекты в области развития медицины, окружающей среды и борьбы

с наркотрафиком. Помимо правительственных организаций, Япония совместно с США используют также такие финансовые институты как Азиатский Банк Развития для кредитования инфраструктурных проектов в регионе.

Одним из таких проектов, который продвигает Япония совместно с США, является магистральный газовый трубопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ), который в будущем соединит Центральную Азию и Южную Азию. Интересно отметить слова бывшего сотрудника Национальной разведки США Евгения Румера, исходя из его слов, проект ТАПИ, вне всякого сомнения, нанесет удар по газотранспортной монополии России в данном регионе и сделает страны региона зависимыми от нефте-газовых рынков Южной Азии⁴. Для продвижения данного проекта, Азиатский Банк Развития - главными акционерами которого являются Япония и США (в процентном соотношении совместная доля акций составляет 31%), запустили программу Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЕС), которая нацелена на продвижении региональной кооперации стран Центральной Азии в трех сферах: торговле, развитии транспортной инфраструктуры и энергетике⁵. АБР также выразили готовность профинансировать газо-транспортный проект ТАПИ на 1/3. Однако проект ТАПИ подходит под категорию сложно реализуемых проектов, так как часть трубопровода должна проходить через Афганистан и Пакистан – то есть страны со сложной внутривнутриполитической обстановкой и слабыми государственными институтами.

³NEWSLETTER C5+1. Available at: <https://uz.usembassy.gov/ru/c51-fact-sheet-central-asian-u-s-forum-to-enhance-regional-economic-environmental-and-security-cooperation-ru/>

⁴Е. Rumer, R. Sokolsky, P. Stronski Политика США в Центральной Азии 3.0. - Carnegie Moscow Center. – 16 марта 2016г. // <https://carnegie.ru/2016/03/18/ru-pub-63019>

⁵CAREC-2020-Strategic-Framework-Working. Available at: <https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-2020-Strategic-Framework-Working-Draft.pdf>

В 2017 году Япония и пять стран Центральной Азии праздновали юбилей установления дипломатических отношений – 25 лет. Эта показательная дата, своего рода индикатор динамически развивающихся отношений, как в многостороннем, так и в одностороннем формате по многим региональным и международным вопросам. Япония за данный период времени смогла стать одним из главных доноров финансовой помощи на безвозмездной основе для стран региона. Общий объем помощи за 2001- 2016 год более 1,6 миллиардов долларов. Основным реципиентами помощи являются Узбекистан (609 мил. долл. в 2011-2016гг.) и Казахстан (444 мил. долл.); в тоже время Туркменистан, Киргизия и Таджикистан получили соответственно 29, 236, 295 мил.долл⁶. Данная финансовая помощь расходуется на развитие проектов в области здравоохранения, защиты окружающей среды и развитии транспортной инфраструктуры. Стоит отметить, что с повторным приходом к власти Синдзо Абэ, общий объем финансовых инвестиций (не путать инвестиции с финансовой помощью) в узбекскую экономику к 2017 году — составил 4.1 милл.долл., что делает Японию топ донором и инвестором для экономики Узбекистана⁷. Финансовая помощь по линии Official Development Assistance для стран региона, служит не только как драйвер регионального развития, но и как один из главных инструментов в развитии двухсторонних отношений, а также продвижение внешнеполитических целей донора в стране получателя⁸.

⁶Organization for Economic Development and Cooperation. Official Development Assistance Database. URL: <https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm>.

⁷MOFA, "Uzbekistan kiso de-ta" (Uzbekistan basic data), www.mofa.go.jp.

⁸B. Nazarmuhamedov, Japan's ODA Policy Toward Central Asia and the Caucasus. An Analysis of Japanese Assistance to Economic Development in Kyrgyzstan and Armenia", *Journal of International and Advanced Japanese Studies*, Vol. 10, March 2018, p. 183.

В общей доле реципиентов выделяются Казахстан и Узбекистан. Это связано, в первую очередь, с их значительными запасами природных ресурсов: газ, нефть, уран, кобальт и т.д., что в свою очередь подразумевает хорошую финансовую платежеспособность данных стран. Также нельзя не принимать во внимание тот факт, что именно Казахстан и Узбекистан важны с точки зрения ихнего геостратегического расположения, которое стремятся использовать для выстраивания транспортных и инфраструктурных объектов. Казахстан граничит со всеми региональными странами за исключением Таджикистана. Узбекистан – это единственная страна, которая соприкасается со всеми странами Центральной Азии и Афганистаном, что делает ее потенциально важным транспортным хабом.

Помимо финансовой помощи по линии правительственных организаций, Токио также предоставляет обширные учебные программы правительственным чиновникам, юристам, финансистам, бизнесменам и другим специалистам в Центральной Азии через специализированные приватные и правительственные организации. По словам бывшего министра иностранных дел Фумио Кишида, Япония направила в регион 2587 специалистов и подготовила 9688 стажеров из Центральной Азии в различных областях в период с 1992 по 2017 год⁹.

Значительных масштабов достигла программа Японии по кредитованию инфраструктурных объектов в энергетике, транспорте и сельского хозяйства. Главным образом, эти льготные кредиты направлены как на возведение новых объектов, так и на восстановление и ведение в повторную эксплуатацию инфраструктурных объектов построенных ещё в советскую эпоху.

⁹F. Kishida, "Kazakhstan, JapanMark 25 Years of Diplomatic Relations," *Kazinform*, 30 April 2017, available at: www.lenta.inform.kz.

Официальная помощь развития (ODA) выделяет кредиты на модернизацию ряда энергетических объектов по все Центральной Азии, а именно: Навоийской ТЭС, Телимарджанской ТЭС; также проводятся конструкции Ташкентской и Торакугарской ТЭС в Узбекистане.¹⁰ В Таджикистане с 2014 по 2017 годы проводилась работа по модернизации Душабинской ТЭС¹¹.

Среди транспортных проектов, которые реализуются за счет кредитов ODA и JICA следует выделить следующие: электрификация железной дороги Карши-Термез в Узбекистане – займ ОПР в размере 18 миллиардов йен. Также планируется сооружение новой железной дороги Ташгурзар-Кумкуркан, данный проект призван объединить железнодорожным сообщением Узбекистан и Афганистан¹². В Таджикистане модернизировали аэропорт в Душанбе на выделенный ОПР безвозмездный грант. В Киргизстане на кредиты и гранты выделенные по линии ОПР реконструируется мост идущий через реку Кок-Арт в направлении Бишкек-Ош, также ОПР предоставляет кредиты на модернизацию международных трасс Киргизии.

Не остаются в стороне проблемы связанные со снабжением питьевой воды в регионе. Проблемы в этой сфере могут аккумулировать серьезные вызовы и угрозы для мира и стабильности в Центральной Азии. Япония одна из не многих стран, которая сделала весомый вклад в улучшении доступа к питьевой воды для населения в Таджикистане. Одним из таких проектов, который был полностью профинансирован JICA является «Проект по восстановле-

нию систем питьевого водоснабжения в Пянджском районе Хатлонской области» в рамках безвозмездной помощи Японии в период с 2014 по 2016 год. Напомним, что проблема санитарии и водоснабжения довольно таки остра не только в Таджикистане, но и во всем регионе. Так основываясь на докладе Всемирного Банка - "Питьевая вода в Таджикистане характеризуется высоким уровнем колиформных бактерий и низкой вкусовой привлекательностью". Помимо этого, в докладе говорится, что только 57% городских домохозяйств имеют доступ к безопасной воде, этот аспект для сельских домохозяйств составляет только 31%¹³. Таким образом, вследствие японской помощи по реализации данного проекта тысячи людей в Пяндже получили доступ к питьевой воде. С другой стороны JICA продемонстрировала свой потенциал сотрудничества в водном секторе всему миру на примере вышеупомянутого проекта по снабжению питьевой водой в Пянджском районе Таджикистана. Для реализации данного проекта JICA выделила грант в размере 16 мил.долл. и ещё 1 мил.долл был выделен правительством Таджикистана¹⁴.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать факт - Япония с годами стала ведущим поставщиком ОПР в Центральной Азии. ОПР служит инструментом внешней политики и наиболее важным инструментом поддержания отношений сотрудничества. Несмотря на то, что в течение ряда лет помощь Японии в области ОПР была сосредоточена на странах Восточной Азии, ЦА становится еще одним рубежом для более активной политики Японии.

¹⁰JICA's Priorities in Uzbekistan//Economic Infrastructure// Available at: https://www.jica.go.jp/uzbekistan/english/activities/priorities_01.html

¹¹JICA. Project for Improvement of Substations in Dushanbe// Available at: https://www.jica.go.jp/tajikistan/english/activities/energy_01.html

¹²JICA Проект сооружения новой железной дороги Ташгурзар-Кумкуркан. Доступ: <https://www.jica.go.jp/uzbekistan/russian/activities/c8h0vm0000clh53j-att/27.pdf>

¹³The World Bank. Glass Half Full: Drinking Water, Sanitation and Hygiene Conditions in Tajikistan// Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/poverty-diagnostic-drinking-water-sanitation-and-hygiene-conditions-in-tajikistan>

¹⁴Эксперты оценили проект JICA по восстановлению системы водоснабжения в Пяндже// Avesta information agency: интернет-изд. 2018. 14 июня. URL: <http://avesta.tj/2018/06/14/eksperty-otsenili-proekt-jica-vozstanovleniyu-sistemy-vodosnabzheniya-v-pyandzhe/>

На фоне этого возникает закономерный вопрос – каковы интересы Японии в Центральной Азии?

Многие эксперты утверждают, что главным мотивом для интенсификации Японии в регионе стал энергетический фактор. Дипломатические усилия, направленные на обеспечение энергетической безопасности, занимают ключевое место в формировании внешнеполитического курса страны. Япония придает особое значение обеспечению своих энергетических потребностей после нефтяного кризиса 1973 года. Ресурсная дипломатия (Shigen gaiko) стала термином, который открыто и часто используется правительством и экспертами Японии¹⁵.

Японская экономика действительно тотально зависит от импорта сырья, а именно: нефти, газа и угля. Причем импорт нефтепродуктов, от которых напрямую зависит японская экономика достигает 99%¹⁶. Самым крупным импортером нефти являются страны Ближнего Востока, они традиционные партнеры Японии в данном сегменте рынка. Также страна восходящего солнца является крупнейшим потребителем природного газа, которой составляет около тринадцати процентов от всего энергобаланса страны. К тому же природный газ является экологически чистым топливом, соответственно его доля в энергосистеме растет. Сжиженный газ используется некоторыми видами автомобилей и тепловых электростанций. К тому же данный вид топлива позволит ослабить хватку Ближнего Востока, который зачастую формирует цены на нефть ставя таким образом под удар третью экономику мира.

При всем при этом, Ближневосточный регион переживает системный кризис. Данный кризис выражен нестабильной ситуацией в ряде стран, неутрачивающей террористической угрозой,

а также нарастанием конфронтации между региональными центрами – Ираном и Саудовской Аравией (КСА является одним из главных экспортеров нефти в Японию). В качестве примера можно привести последние новости из этого региона. Так в недавнее время участились удары хуситов по саудовской нефтяной инфраструктуре: так в мае этого года про-иранские силы «Ансар Аллах» атаковали трубопровод Восток — Запад, по которому осуществлялась транспортировка саудовской нефти с месторождений в Восточной провинции в порт Янбу на побережье Красного моря на западе страны¹⁷. А в августе этого же года «Ансар Аллах» совершили крупнейший удар по нефтегазовому месторождению «Шайба», которое, по словам министра энергетики Саудовской Аравии Халида аль-Фалиха является «жизненно важным объектом». Вместе с этим, дестабилизация наблюдается в Персидском и Ормузском заливе, где развернулась настоящая «танкерная война» между Ираном с одной стороны и США и Великобританией с другой. Так 13 июля в Ормузском заливе был задержан японский танкер «Kokuka Courageous» силами КСИР¹⁸. Турне Абэ по Центральной Азии совпал по временным рамкам (2015год) с пиком нестабильности на Ближнем Востоке. Следовательно, все эти неблагоприятные факторы заставляют японское руководство задумываться о диверсификации поставок жизненно важных энергоресурсов в страну, и Центральная Азия может занять существенную нишу в доле данного сегмента.

До исторического турне Синдзо Абэ по Центральной Азии, Япония участвовала лишь в одном реальном проекте по освоению крупнейшего месторождения нефти на шельфе

¹⁷Йеменские хуситы осуществили «крупнейшую атаку» против нефтяной отрасли КСА URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/18/yemenskie-husity-osushchestvili-kрупneyshuyu-ataku-protiv-neftyanoy-otrasli-ksa>

¹⁸ИРАН ЗАХВАТИЛ НЕФТЯНОЙ ТАНКЕР В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ URL: <https://ru.tsn.ua/svit/iran-zahvatil-neftyanoy-tanker-v-persidskom-zaliv-1380249.html>

¹⁵Abe seiken susumu shigen gaiko, Mekisiko to ha sekiyu gasu kaihatsu" (Abe's government's advancing resource diplomacy – oil and gas development with Mexico), Nikkei Shimbun, 26 July 2014.

¹⁶OECD/Statistical data of export and impotra of Japan// Available at: <https://oec.world/ru/profile/country/jpn/>

Северного Каспия – Кашаган. Япония возлагает большие надежды на реализацию данного проекта. Не случайно в белой книге по энергетике за 2006 год Кашаганское месторождение фигурирует как один из самых важных проектов¹⁹. Его еще называют крупнейшим нефтяным месторождением за пределами Ближнего Востока. В неё входят: AgipCaspian Sea B.V. (16,807 %) KMG Kashagan B.V. (16,877 %), французская Total EP Kazakhstan (16,807%), американская ExxonMobil Kazakhstan Inc. (16,807 %), англо-голландская Shell Kazakhstan Development B.V. (16,807 %), китайская CNPC — 8,333 %, японская Inpex — 7,563 %. Кашаганское месторождение было соединено с трубопроводом Баку-Тбилиси-Джейхан, что обеспечило выход нефти на мировые рынки. Однако, не смотря на свою значимость, данный проект довольно долго пробуксовывал из-за падения цен на нефть в 2014-2015 года, что делало этот проект не рентабельным. Лишь в 2016 году началась промышленная добыча нефти.

После визита Абэ в Туркменистан в 2015 году, Токио пополнил свои активы за счет супергигантского газонефтяного месторождения – Галкыныш. Данное место рождение занимает четвертое место в мире по общему объему запасов газа. Пятерка крупнейших японских компаний (Mitsubishi, JGC, Chiyoda, Sojits, Itochu) подписали договор с руководством Туркменистана о совместной разработке этого супергиганта, также предполагается, что из этого месторождения будет начинаться газопровод проекта ТАПИ (о данном проекте я уже указывал выше)²⁰.

¹⁹Кашаган. Краткая информация по Северо-каспийскому проекту. Казмунайгаз. <http://www.kmg.kz/manufacturing/upstream/kashagan>

²⁰Премьер-министр Японии направился в турне по Монголии и Средней Азии / Риа новости., 2015., 22 сентября. [Электронный ресурс] <https://ria.ru/world/20151022/1306077888.html>

Также в ходе визита Синдзо Абэ в Узбекистан были подписаны договора в энергетическом сегменте. Япония займется геологоразведкой, а также со своей стороны, планирует инвестировать в разработку новых месторождений углеводородов в стране: один из проектов реализует японская корпорация Japan Oil совместно с государственной нефтегазовой компанией Узбекистана «Узбекнефтегаз». Также Токио заинтересован в разработке урановых месторождений. Японская национальная корпорация нефти, газа и металлов (JOGMEC) и Государственный комитет по геологии и минеральным ресурсам подписали соглашения еще в 2013 году по освоению таких месторождений на случай потенциального перезапуска атомных электростанций в Японии.

Исходя из выше изложенного, мы можем говорить, что основной интерес Японии лежит именно в нефтегазовом секторе так как она импортирует углеводороды из Ближнего Востока и заинтересована в получении доступа к альтернативному партнеру из более спокойного региона.

До не давнего времени транспортировка ресурсов из Центральной Азии представляло серьезную проблему для японских компаний. Но и тут японцы проявили свое нестандартное мышление. Японские компании практикуют транспортировку каспийской нефти по схеме своп. По данной схеме привлекается третья сторона, которая будет получать нефть, а свою – в том же объеме поставит покупатель (Аналогичное количество сырья Япония получит у Индонезии)²¹, таким образом будет значительно уменьшено транспортное плечо, которое несет дополнительные затраты. Для Японии наиболее выгодный вариант получать

²¹С. Лузянин. Евразийские энергетические «коридоры»: проблемы сотрудничества России с регионами Центральной и Северо-Восточной Азии. – Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии, с.501.

каспийскую нефть и туркменский газ через иранский порт Чебахар, а для Ирана это сулило бы значительными финансовыми инвестициями в самую бедную провинцию страны Белуджистан. Однако прокладка трубопровода через Иран к терминалам Персидского залива не возможно из-за санкций США.

Из всего этого можно сделать вывод, что доминирующим приоритетом японской дипломатии в Центральной Азии является поиск и реализация альтернативных сырьевых источников. Более того, на протяжении всей истории своих отношений с постсоветской Центральной Азией Япония открыто и последовательно признавала в качестве ресурсной дипломатии (shigen gaiko) ключевого обоснования своей дипломатии как в официальных публикациях МИД, например: «Дипломатическая голубая книга Японии» (2007-2014), так и с помощью ученых²².

Усиление Японии в Центральной Азии могут сулить как положительными перспективами, так и негативными для России. С одной стороны Япония за последние десятилетия стала главным донором Официальной помощи развития, которая главным образом акцентирует свое внимание на развитие социальных проектов связанных в решении водных проблем, модернизацией энергетических объектов, а также ирригационных систем, что делает ее одним из существенных стабилизаторов многих региональных проблем. Растут инвестиции в регион, что в свою очередь размыают экономическое влияния Китая в регионе. России же выгодно иметь стабильных как в экономическом, так и политическом плане соседей. С другой стороны, усиление Японии в регионе ослабляет позиции России в регионе. Так зачастую японская дипломатия "go hand in

hand" с американской дипломатией. Это можно отчетливо видеть в выстраивании партнерских площадок в рамках «Центральная Азия плюс Япония» и «C5+1». По мнению политологов, для совершения визитов Абэ и Керри было выбрано весьма удачное время: ранее введенные санкции в отношении России сильно отразились и на среднеазиатских партнерах, которые сильно восприимчивы к внешнеполитической конъюнктуре, что позволило Японии и США продвинуть свои национальные интересы в регионе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Возвращение на Ближний Восток: Зачем премьер-министр Японии едет в Иран. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://112.ua/statji/vozvrashhenie-na-blizhniy-vostok-zachem-premer-ministr-yaponii-edet-v-iran-495665.html> Дата обращения: 15.07.2019
2. MOFA Diplomatic Bluebook 2018, p. 149. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/files/000401236.pdf> Дата обращения: 15.07.2019
3. Foreign Minister Kono's article contributed to kazinform (Republic of Kazakhstan) [Электронный ресурс] Режим доступа : URL:<https://www.mofa.go.jp/region/europe/kazakhstan/index.html> Дата обращения: 17.07.2019
4. NEWSLETTER C5+1. [Электронный ресурс] Режим доступат: <https://uz.usembassy.gov/ru/c51-fact-sheet-central-asian-u-s-forum-to-enhance-regional-economic-environmental-and-security-cooperation-ru/> Дата обращения: 17.07.2019
5. Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. Политика США в Центральной Азии 3.0. - Carnegie

²²MOFA Diplomatic Blue Books (2007-2014); K.E. Calder, "Japan's Energy Angst and the Caspian Great Game", NBR Analysis, Vol.12, No. 1, 2001.

- Moscow Center. – 16 марта 2016г. // <https://carnegie.ru/2016/03/18/ru-pub-63019> Дата обращения: 17.07.2019
6. CAREC-2020-Strategic-Framework-Working. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-2020-Strategic-Framework-Working-Draft.pdf> Дата обращения: 18.07.2019
7. Organization for Economic Development and Cooperation. Official Development Assistance Database. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm> Дата обращения: 18.07.2019.
8. MOFA, “Uzbekisutan kiso deta” (Uzbekistan basic data) [Электронный ресурс] www.mofa.go.jp. Дата обращения: 19.07.2019
9. Nazarmuhamedov B. Japan’s ODA Policy Toward Central Asia and the Caucasus. An Analysis of Japanese Assistance to Economic Development in Kyrgyzstan and Armenia”, Journal of International and Advanced Japanese Studies, Vol. 10, March 2018, p. 183.
10. Kishida F. “Kazakhstan, JapanMark 25 Years of Diplomatic Relations,” Kazinform, 30 April 2017, [Электронный ресурс] Режим доступа: www.lenta.inform.kz. Дата обращения: 19.07.2019.
11. JICA's Priorities in Uzbekistan//Economic Infrastructure// [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.jica.go.jp/uzbekistan/english/activities/priorities_01.html Дата обращения: 22.07.2019
12. JICA. Project for Improvement of Substations in Dushanbe [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.jica.go.jp/tajikistan/english/activities/energy_01.html Дата обращения: 24.07.2019.
13. JICA Проект сооружения новой железной дороги Ташгузар-Кумкурган. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.jica.go.jp/uzbekistan/russian/activities/c8h0vm0000clh53j-att/27.pdf> Дата обращения: 25.07.2019
14. The World Bank. Glass Half Full: Drinking Water, Sanitation and Hygiene Conditions in Tajikistan// [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/poverty-diagnostic-drinking-water-sanitation-and-hygiene-conditions-in-tajikistan> Дата обращения: 26.07.2019
15. Эксперты оценили проект JICA по восстановлению системы водоснабжения в Пяндже// Avesta information agency: интернет-изд. 2018. 14 июня. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://avesta.tj/2018/06/14/eksperty-otsenili-proekt-jica-po-vosstanovleniyu-sistemy-vodosnabzheniya-v-pyandzhe/> Дата обращения: 27.07.2019
16. ОЕС//Statistical data of export and impotra of Japan// [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://oec.world/ru/profile/country/jpn/> Дата обращения: 28.07.2019
17. Йеменские хуситы осуществили «крупнейшую атаку» против нефтяной отрасли КСА [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/18/yemenskie-husity-osushchestvili-krupneyshuyu-ataku-protiv-neftyanoy-otrasli-ksa> Дата обращения: 29.07.2019
18. ИРАН ЗАХВАТИЛ НЕФТЯНОЙ ТАНКЕР В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ [Электронный ресурс] Режим доступ: <https://ru.tsn.ua/svit/iran-zahvatil-neftyanoy-tanker-v-persidskom-zalive-1380249.html> Дата обращения: 1.08.2019

19. Кашаган. Краткая информация по Северо-каспийскому проекту. Казмунайгаз. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kmg.kz/manufacturing/upstream/kashagan> Дата обращения: 1.08.2019
20. Премьер-министр Японии направился в турне по Монголии и Средней Азии / Риа новости., 2015., 22 сентября. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ria.ru/world/20151022/1306077888.html> Дата обращения: 02.08.2019
21. Лузянин С. Евразийские энергетические «коридоры»: проблемы сотрудничества России с регионами Центральной и Северо-Восточной Азии. – Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии, с.501.
22. MOFA Diplomatic Blue Books (2007-2014); K.E. Calder, "Japan's Energy Angst and the Caspian Great Game", NBR Analysis, Vol.12, No. 1, 2001.
- URL: <https://www.mofa.go.jp/region/europe/kazakhstan/index.html> Data obrashcheniya: 17.07.2019
4. NEWSLETTER C5+1. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://uz.usembassy.gov/ru/c51-fact-sheet-central-asian-u-s-forum-to-enhance-regional-economic-environmental-and-security-cooperation-ru/> Data obrashcheniya: 17. 07.2019
5. Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. Politika SSHA v Central'noj Azii 3.0. - Carnegie Moscow Center. – 16 marta 2016g. // <https://carnegie.ru/2016/03/18/ru-pub-63019> Data obrashcheniya: 17.07.2019
6. CAREC-2020-Strategic-Framework-Working. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-2020-Strategic-Framework-Working-Draft.pdf> Data obrashcheniya: 18.07.2019
7. Organization for Economic Development and Cooperation. Official Development Assistance Database. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm> Data obrashcheniya: 18.07.2019.
8. MOFA, "Uzbekisutan kiso deta" (Uzbekistan basic data) [Elektronnyj resurs] www.mofa.go.jp. Data obrashcheniya: 19.07.2019
9. Nazarmuhamedov B. Japan's ODA Policy Toward Central Asia and the Caucasus. An Analysis of Japanese Assistance to Economic Development in Kyrgyzstan and Armenia", Journal of International and Advanced Japanese Studies, Vol. 10, March 2018, p. 183.
10. Kishida F. "Kazakhstan, JapanMark 25 Years of Diplomatic Relations," Kazinform, 30 April 2017, [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: www.lenta.inform.kz. Data obrashcheniya: 19.07.2019.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Vozvrashchenie na Blizhnij Vostok: Zachem prem'er-ministr Yaponii edet v Iran. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://112.ua/statji/vozvrashhenie-na-blizhniy-vostok-zachem-premer-ministr-yaponii-edet-v-iran-495665.html> Data obrashcheniya: 15.07.2019
2. MOFA Diplomatic Bluebook 2018, p. 149. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.mofa.go.jp/files/000401236.pdf> Data obrashcheniya: 15.07.2019
3. Foreign Minister Kono's article contributed to kazinform (Republic of Kazakhstan) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa :

11. JICA's Priorities in Uzbekistan//Economic Infrastructure// [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.jica.go.jp/uzbekistan/english/activities/priorities_01.html Data obrashcheniya: 22.07.2019
12. JICA. Project for Improvement of Substations in Dushanbe [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.jica.go.jp/tajikistan/english/activities/energy_01.html Data obrashcheniya: 24.07.2019.
13. JICA Proekt sooruzheniya novoj zheleznoj dorogi Tashguzar-Kumkurgan. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.jica.go.jp/uzbekistan/russian/activities/c8h0vm0000clh53j-att/27.pdf> Data obrashcheniya: 25.07.2019
14. The World Bank. Glass Half Full: Drinking Water, Sanitation and Hygiene Conditions in Tajikistan// [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/poverty-diagnostic-drinking-water-sanitation-and-hygiene-conditions-in-tajikistan> Data obrashcheniya: 26.07.2019
15. Eksperty ocenili proekt JICA po voss-tanovleniyu sistemy vodosnabzheniya v Pyandzhe// Avesta information agency: internet-izd. 2018. 14 iyun. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://avesta.tj/2018/06/14/eksperty-otsenili-proekt-jica-po-vosstanovleniyu-sistemy-vodosnabzheniya-v-pyandzhe/> Data obrashcheniya: 27.07.2019
16. OEC//Statistical data of export and impotra of Japan// [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://oec.world/ru/profile/country/jpn/> Data obrashcheniya: 28.07.2019
17. Jemenskie husity osushchestvili «krupnejshuyu ataku» protiv neftyanoj otrasli KSA [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/18/yemenskie-husity-osushchestvili-krupneyshuyu-ataku-protiv-neftyanoj-otrasli-ksa> Data obrashcheniya: 29.07.2019
18. IRAN ZAHVATIL NEFTYANOJ TANKER V PERSIDSKOM ZALIVE [Elektronnyj resurs] Rezhim dostup: <https://ru.tsn.ua/svit/iran-zahvatil-neftyanoj-tanker-v-persidskom-zalive-1380249.html> Data obrashcheniya: 1.08.2019
19. Kashagan. Kratkaya informaciya po Severo-kaspijskomu proektu. Kazmunajgaz. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.kmg.kz/manufacturing/upstream/kashagan> Data obrashcheniya: 1.08.2019
20. Prem'er-ministr Yaponii napravilsya v turne po Mongolii i Srednej Azii / Ria novosti., 2015., 22 sentyabrya. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://ria.ru/world/20151022/1306077888.html> Data obrashcheniya: 02.08.2019
21. Luzyanin S. Evrazijskie energeticheskie «koridory»: problemy sotrudnichestva Rossii s regionami Central'noj i Severo-Vostochnoj Azii. – Energeticheskie izmereniya mezhdunarodnyh otnoshenij i bezopasnosti v Vostochnoj Azii, s.501.
22. MOFA Diplomatic Blue Books (2007-2014); K.E. Calder, "Japan's Energy Angst and the Caspian Great Game", NBR Analysis, Vol.12, No. 1, 2001.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Puzhaev Aleksandr Aleksandrovich

Institute of International Relations

Kazan Federal University

Email: lavrovfp1995@gmail.com

Принята к публикации: 10.11.2019 г.

Submission Date: 2019.11.10.

**ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ АССИМИЛЯЦИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ**

**PROCESS AND RESULT OF ASSIMILATION OF AMERICAN ENGLISH
BORROWINGS IN JAPANESE LANGUAGE**

Козлова Анастасия Владимировна

Ибатуллина Диляра Госмановна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

anastasia.vladimirovnaaa@gmail.com

dilyara.ib@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье подробно рассмотрен процесс заимствования англо-американской лексики в японском языке и его результаты, выраженные в степени и форме ассимилированности возникших лексем. Актуальность этого вопроса основана на том, что англо-американские заимствования составляют большинство всех заимствований, существующих в японском языке. Также, английский язык оказывает большое влияние на словарный состав японского языка в целом, более того, наблюдается усиление данной тенденции. В статье проанализированы результаты фонетической, морфологической, графической и семантической ассимиляции, приведены примеры каждого аспекта ассимиляции. Целью статьи является рассмотрение процесса взаимодействия американской и японской культур, и, как следствие, американского и японского языков; возникающих в результате этого взаимодействия изменений в словарном запасе японского языка, а также того, каким образом американские лексические единицы, проникающие в японский язык, адаптируются под его структуру. Были применены теоретические и эмпирические методы исследования, метод описания и анализа. Результат исследования показал, что тема заимствований является актуальной не одно десятилетие, а также то, что это сложный теоретический вопрос. В науке существуют разногласия между учеными, что именно считать заимствованием, по каким критериям его можно определить и каким

ABSTRACT

The paper is dedicated to the process of borrowing of American English vocabulary into Japanese language. The results of the process take form of assimilation of borrowings, its degree and peculiarities. The significance of the research lies in the fact that American English borrowings constitute the biggest part of all the borrowings in Japanese language. Also, English language influences the word-stock of Japanese language in general. Moreover, its influence is becoming stronger. The paper analyzes results of phonetic, morphological, graphical and semantic assimilation, gives the examples of each type. The purpose of the article is to consider the process of interaction between American and Japanese cultures, and, as a result, American and Japanese languages; the changes resulting from this interaction in the vocabulary of the Japanese language. Theoretical and empirical research methods, a method of description and analysis were applied. The result of the study showed that the topic of borrowing has been relevant for more than a decade, as well as the fact that this is a complex theoretical issue. There are disagreements between scientists about what to consider as borrowing, by what criteria it can be determined, and by what term this phenomenon should be designated. Borrowing methods

термином данное явление нужно обозначить. Пути заимствований в принимающий язык могут быть различны. Также существует множество классификаций заимствований. Проблема заимствования английского языка стала открытой во второй половине двадцатого века и продолжает оставаться актуальной сегодня, в силу непрекращающегося влияния американской культуры. Так, англо-американские заимствования составляют большой процент из всех заимствований, существующих в японском языке.

Ключевые слова: заимствование, лексика, японский язык, американский английский язык, ассимиляция.

Для цитирования: Козлова А.В., Ибатуллина Д.Г. Процесс и результат ассимиляции англо-американских заимствований в японском языке. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 94-100

ВВЕДЕНИЕ

Лексика японского языка включает в себя большое количество заимствованных слов. Заимствования из китайского и корейского языков, из языков европейских народов расширяли состав лексики японского языка с древнейших времён. Вопросы, связанные с процессом и результатом заимствования, рассматривали многие учёные-лингвисты: Л.В. Щерба писал о смешении языков, Л.П. Мухин рассматривал термины «натурализация» и «ассимиляция», В.М. Алпатов посвятил свои труды обществу и языку Японии, в которых рассматривал в том числе пласт японского языка, который составляют заимствования.

С начала XVII века феодальная власть Японии вводит запрет на контакты с иностранными государствами: прерывается процесс коммуникации, заимствования, причём не только языковые, но и культурные в целом, становятся невозможны. Начинается период

in the host language may be different. Also, there are many classifications of borrowings. The problem of borrowing English became open in the second half of the twentieth century and continues to be relevant today, due to the continuing influence of American culture. Thus, Anglo-American borrowings make up a large percentage of all borrowings existing in the Japanese language.

Key words: borrowings, vocabulary, Japanese language, American English language, assimilation.

For citation: Kozlova A.V., Ibatullina D.G. Process and result of assimilation of American English borrowings in Japanese language. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 94-100

закрытости японского государства, который прерывается насильственным «открытием» страны Соединёнными Штатами Америки в 1854 году. В 1868 году проводится Реставрация Мэйдзи («Просвещённое правление»), которая стала следствием того, что в период «закрытости» Япония сильно отстала от остального мира в сферах науки и техники. Требовалось освоить знания Запада, что являлось невозможным без знания языков. Одной из задач Реставрации Мэйдзи было изучение иностранных языков (немецкого, английского, французского). К концу XIX года развитие англоговорящих стран в сфере экономики и науки привело к тому, что английский стал языком международного общения. Позиции английского языка в Японии упрочнялись также присутствием в ней американцев. Примечательно, что в это период английский язык рассматривался исключительно как средство преодоления технического и научного отставания, а не как средство межличностного общения [Головачева, 2014, С. 127].

По данным учёного Аракава Собэй к 1931 году только из английского языка было заимствовано около 5500 тысяч слов. Но в 1430-40-е годы милитаристские правящие круги Японии, напротив, пытались ограничить число возникающих заимствований, а в годы самой войны заимствовать было разрешено исключительно из немецкого и итальянского. [Алпатов, 2003, С. 117]

После поражения империалистической Японии во Второй мировой войне в 1945 г. возникает новый языковой кризис: с одной стороны, усиление миграции и ослабление диалектов создаёт предпосылки для создания единого литературного японского языка, с другой стороны, вновь возникают радикальные предложения, в том числе о полном отказе от японского языка, что предлагал авторитетный писатель Сига Наоя. Усиливается культурное, экономическое, политическое влияние Америки на Японию, язык тоже оказался подвержен влиянию Соединённых Штатов Америки, так как искусственные запреты на заимствования исчезли, а глобализация не только продолжала существовать, но и усилилась.

В условиях нарастающей американизации мира и всё большего увеличения влияния английского языка на языки других стран и народов вопрос его воздействия на японский язык в частности не только остаётся актуальным, но всё более обостряется ввиду существующих опасений о том, что английских заимствований в японском языке может стать излишне много. Каждый год японский язык обогащается новыми заимствованиями, значительную часть которых составляют те заимствования, которые пришли из английского языка. Согласно отчёту 1964 года более 80% заимствованной лексики японского языка на тот момент составляли заимствования, пришедшие из английского языка

[Масаёси, 1990, С. 148]. Очевидно, что лексические единицы претерпевают разносторонние изменения, переходя из одного языка в другой, и именно этот аспект заимствований будет рассмотрен в данной статье.

Таким образом, целью данной работы являлось рассмотрение того, каким образом лексические единицы английского языка, проникающие в японский язык, адаптируются под структуру последнего. Объектом данной работы выступает японский язык, а предметом - заимствованные из английского языка лексические единицы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили несколько текстов различных стилей: интервью о молодёжной музыкальной группе в журнале, газетная статья на политическую тему и веб-сайт магазина одежды. На основе выявленных заимствований был проведён анализ произошедших со словами изменений. В исследовании были применены теоретические и эмпирические методы исследования: в частности, была изучена и проанализирована литература, проведён сравнительный анализ текстов и описаны особенности англо-американских заимствований.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Каналы заимствований, то есть пути, которыми новые лексические единицы переходят из одного языка в другой язык, различны. Существует устный путь заимствования, имеющий место при непосредственном контакте народов, говорящих на разных языках. Ассимиляция лексики при устном заимствовании проходит намного быстрее, большинство слов полностью ассимилируется, заимствованное слово мало похоже на оригинальное. Лексика также

может приходить письменным путём, при переводе текстов с иностранного языка на родной. В таком случае заимствованные единицы дольше сохраняют свои особенности: фонетические, грамматические или семантические.

Утрата или сохранение изначальных особенностей заимствованных единиц тесно связано с понятием ассимиляции. Ассимиляция – это процесс освоения заимствованной единицы системой языка, которая ее заимствовала. В процессе ассимиляции заимствованная лексема в различных аспектах уподобляется исконным словам языка-реципиента.

Мухин С.В. пишет, что различные авторы в лингвистической литературе выделяют различные аспекты, в которых заимствованное слово уподобляется исконным, а сам выделяет фонетический, морфологический, графический и семантический аспекты ассимиляции.

Соответственно, фонетическая ассимиляция заключается в замене фонем заимствованного слова теми фонемами, которые существуют в системе языка-реципиента и являются наиболее близкими к изначальным фонемам. В рамках фонетической ассимиляции также возможен перенос ударения, смена его типа, изменение количества слогов.

Морфемная ассимиляция заключается в изменении морфемной структуры слова. В рамках графической ассимиляции происходит перенос слова из одного алфавита в другой или одной системы письменности в другую.

Семантическая ассимиляция подразумевает то, что слово заимствуется не со всеми его значениями, а только с одним. При этом считается, что дальнейшие значения, которые слово приобрело, выходят за рамки процесса ассимиляции, и является результатом дальнейшего

развития слова в принимающем языке. Также в рамках семантической ассимиляции происходит изменение синтагматических отношений слова, его сочетаемости с другими лексическими единицами языка [Мухин, 2007, С.140-148].

Итак, рассмотрим, как англо-американские заимствования ассимилируются.

Графические изменения. Их заимствования неминуемо претерпевают при переходе с одной системы письма на другую. Чаще всего заимствования из любых языков записываются азбукой катаканой, заимствования из американского английского в том числе. Для передачи звука [в] могут использоваться знаки ヴァ, ヴィ, ヴ, ヴェ, ヴォ, или слоги ряда バ, например живой (концерт) ライヴ, ライブ, музыкальная вариация バリエーション, ヴァリエーション, Аврил Лавин アヴリル・ラヴィーン, разнообразие バラエティー, ヴァラエティー. Например, подарок present при переходе в японский язык стал записываться подарок プレゼント, размер size - размер サイズ, Хэллоуин Halloween - Хэллоуин ハロウィン. Однако футболка T-shirt преобразовалось в японском языке в футболку Тシャツ, сохранив некоторый элемент записанным латиницей, что свидетельствует о том, что данное слово не полностью ассимилировано. Слово бухгалтерия 簿記 также является заимствованием из английского языка, однако оно записывается иероглифами, что позволяет японцам ощущать его более «своим». Это говорит о том, что данное слово более ассимилировано в языке по сравнению с другими заимствованиями.

Фонетические изменения. Ввиду несовпадения фонетического строя английского и японского языков заимствования претерпевают

фонетические изменения. Так как генезис звуков английского и японского языков отличается, все звуки в заимствованных словах отличаются от изначальных, они были заменены ближайшими существующими звуками в японском языке. Однако некоторые изменения являются более значительными и заметными. Так, в Рождество クリスマス в нескольких местах присутствует звук [y], препятствующий встрече двух согласных звуков, который, однако, отсутствует в оригинальном слове английского языка. В Хэллоуин ハロウィン самым значительным изменением является замена звука [л] на звук [р]. Интерес представляет слово тур ツアー, произошедшее от английского тур tour. Вероятно, оно было заимствовано устно, так как аллофон фонемы [т] был заменён на фонему [ц]. Если рассмотреть другие заимствования, которые произошли от слов с фонемой [т], то можно видеть, что в самом заимствовании эта фонема остаётся, например [т] в название тайтл, постер ポスター, однако это не применимо к приведённому выше тур ツアー. Интересен звук [ди] в СМИ メディア, так как в словах класса «ваго» такой слог отсутствует. Английские сочетания букв or, ar, er, ir, ur передаются как Аэр, то есть долгий звук [a:], что наглядно демонстрируют заимствования слово 워드, моряк Сэр, корзина карт, девочка Гэр, юбка в складку Бризскарт, нижнее белье ИннаерАйтем, плакат Постер, медсестра Нэрс. Английский дифтонг [эй] передается долгим звуком [э:], как, например, в кружево Лэс, адрес электронной почты МэрлАдрес, моряк Сэр. Английский дифтонг [оу] передаётся японским длинным звуком [о:], как в Хэллоуин ハロウィン. Английские звуки [θ] и [ð]

передаются японскими звуками [с] и [з]: например, представитель субкультуры готов ゴス от английского goth.

Сокращение слов. Хорошо известна тенденция японского языка к сокращению заимствований. Существует несколько закономерностей в том, как заимствованные лексемы в японском языке сокращаются.

Если заимствованная лексема однокорневая, то она сокращается до двух-трех слогов путём отбрасывания конечной или начальной части, или и начальной, и конечной частей одновременно. Лексемы из двух корней могут сокращаться за счёт отсечения второго корня (при этом слово сохраняет своё значение) или за счёт сохранения обоих корней, но их сокращения, иными словами, сокращается каждый корень до одного-двух слогов. [Алпатов, 2000, С. 139-140] Если отсекается конечная часть слова, обычно от заимствования остаётся от одного до трёх слогов. В исследованной литературе было встречено слово низкая цена プチプラ, произошедшее от французского маленький ретит и английского цена price. Очевидно, в данном слове были отброшены последние два слога и И и су С. Пре-продакшн プリプロ от английского pre-production сократилось до pre-pro, аниме アニメ [22] от английского animation сократилось от 애니메이션, баскетбол バスケット - от バスケットボール. Однако встречаются и такие сокращения, которые потеряли начальные, а не конечные, слоги, например, шерстяное одеяло Кетт, произошедшее от blanket и сократившееся от ブランケット. Если заимствование составное, то сокращена может быть каждая из частей по-отдельности. Так сокращены пульт дистанционного управления リモコン, возникшее от английского

remote control, и всеобщая забастовка ゼネスト от английского general strike, сокращенное от ゼネラルストライキ.

Семантические изменения. Проникая в лексический запас японского языка, англо-американское заимствование, как любое другое, теряет некоторые свои особенности, которыми оно обладало в среде языка-ресурса, и приобретает новые особенности вследствие начала функционирования в новых условиях. При переходе в другой язык слово обычно теряет свою многозначность, как, например, слово изящный スマート потеряло значение «умный», но оно также может приобретать новые значения, не свойственные языку-ресурсу, в процессе развития в принимающем языке. Например, слово ナイター может обозначать спортивную игру ночью и ночную торговлю универмага от английского nighter, クーラー в одном из своих значений является названием кондиционера, несмотря на то, что английское cooler не имеет такого значения.

Более того, заимствованная лексика теряет свою прежнюю лексическую сочетаемость и приобретает новую, может использоваться в качестве другой части речи, например, игра (на музыкальном инструменте или на сцене) プレイ от английского глагола play. Примечательно, что в случае добавления глагола делать する образовывается глагол играть プレイする.

Морфемная ассимиляция заключается в том, что слово после его заимствования теряет способность раскладываться на несущие смысл морфемы. Это можно проиллюстрировать на примере слова разноцветный カラフル, в котором не представляется возможным выделить ни корня, ни суффикса.

ВЫВОДЫ

Таким образом, англо-американские заимствования в японском языке претерпевают ассимиляцию в вопросах написания, семантики, морфологии, фонетики. Проникнув в лексику, заимствование продолжает самостоятельное развитие в японском языке независимо от английского языка.

Вопрос об английских заимствованиях стал актуален во второй половине двадцатого века и продолжает быть насущным сегодня, так как американская культура не останавливает своего влияния на мир. Несмотря на то, что процесс заимствования в Японии известен издревле, особо значимым он является и на сегодняшний день. Англо-американские заимствования приходили через научную литературу, посредством культуры, инновационных изобретений и межкультурных контактов. Сегодня они составляют большой процент от всей заимствованной лексики, использующейся в японском языке.

Англо-американские заимствования проходят процесс ассимиляции в японском языке: записываются посредством катаканы, меняют морфологическую структуру, проходят через адаптацию звуков, составляющих слово, иногда они сокращаются, изменяют свои значения: теряют старые и приобретают новые. Заимствования могут меняться настолько, что носители английского языка не способны узнать в них оригинальные слова.

В заключение стоит заметить, что класс англо-американских заимствований в японском языке динамичен. Количество таких заимствований увеличивается, возникают новые лексические единицы, вызывающие научный интерес.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Головачева Л.Р. Особенности функционирования английского языка в Японии [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-angliyskogo-yazyka-v-yaponii> (дата обращения: 16.04.19).
2. Алпатов. В. М. Япония: язык и общество. М.: Муравей, 2003. 208 с.
3. Masayoshi Shibatani. The Languages of Japan. Cambridge University Press, 1990. 411 p.
4. Мухин С.В. Соотношение понятий ассимиляции и натурализации заимствований // Теория и практика лексикологических исследований: Вестник МГЛУ. 2007. Вып. 532. С. 140-148
5. Алпатов В.М. Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 150 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Golovacheva L.R. (2004) Osobennosti funkcionirovaniya angliyskogo jazyka v Japonii [Peculiarities of English language functioning in Japan] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-angliyskogo-yazyka-v-yaponii> (date: 16.04.19)
2. Alpatov. V. M. Japonija: jazyk i obshhestvo. [Japan: language and society] Moscow: Muravej, 2003. 208 p.
3. Masayoshi Shibatani. The Languages of Japan. Cambridge University Pres, 1999. 411 p.
4. Muhin S.V. Sootnoshenie ponjatij assimiljacji i naturalizacii zaimstvovanij [Relations between the concepts of assimilation and natu-

ralization of borrowings]. In: Teorija i praktika leksikologicheskikh issledovanij [Theory and practice of lexicological research]: Vestnik MGLU, 2007. Ser. 532. P. 140-148.

5. Alpatov V.M. Grammatika japonskogo jazyka. Vvedenie. Fonologija. Suprafonologija. Morfonologija [Grammar of Japanese language. Introduction. Phonology. Supraphonology. Morphology]. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2000. 150 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anastasia Kozlova, Bachelor student,
Higher School of Foreign Languages and Translation
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia
anastasia.vladimirovnaaaa@gmail.com

Dilyara Ibatullina, Master degree student,
Institute of International Relations
Kazan Federal University
420008, Kazan, Pushkina Street 1/55
Russia
dilyara.ib@gmail.com

Submission Date: 10.10.2019

Принята к публикации: 10.10.2019

**ПХАНСОРИ КАК ЖАНР КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ**

**PANSORI AS A GENRE OF KOREAN LITERATURE:
MEANING AND PARTICULAR QUALITIES**

Хузина Алина Ильшатовна

Васильева Елизавета Вячеславовна

Институт международных отношений Казанского федерального университета
khuzinaalina27@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В условиях современного ренессанса традиционных национальных литературных источников во многих странах возрождается интерес, как к фольклору, так и непосредственно традиционному для этноса театральному и литературному творчеству. Данное возрождение культурного интереса не обошло стороной такое государство с бурно развивающейся экономикой и современной культурой как Республика Южная Корея.

К числу исконно национальных, традиционных для Кореи видов искусств относится пхансори. Оно представляет собой определенно-го рода симбиоз литературного и театрального творчества, характерного исключительно для корейской нации. Зачатки пхансори, как самостоятельного жанра корейской литературы появились в 17 веке, на рубеже 18-19 веков пхансори окончательно оформился в качестве самостоятельного вида литературного произведения, определенным образом перерос его,

ABSTRACT

In the conditions of the modern renaissance of traditional national literary sources, in many countries interest in both folklore and the theater and literary work that is traditionally traditional for the ethnic group is reviving. This revival of cultural interest did not pass by such a country with a booming economy and modern culture as the Republic of South Korea.

Among the traditionally national, traditional forms of art for Korea are pansori. It represents a certain kind of symbiosis of literary and theatrical creativity, characteristic exclusively for the Korean nation. The rudiments of pansori as an independent genre of Korean literature appeared in the 17th century, at the turn of the 18-19th centuries, pansori finally took shape as an independent type of literary work, outgrew it in a certain way, leaving the stage as an independent genre, becoming both literary and theatrical creativity.

In this article, the authors attempt a brief comparative and retrospective analysis of pansori as an

выйдя в качестве самостоятельного жанра на театральные подмостки, став одновременно и литературным, и театральным творчеством.

В данной статье авторы предпринимают попытку краткого сравнительного и ретроспективного анализа пхансори, как самостоятельного жанра традиционной корейской литературы. В статье выделяются основные особенности пхансори, как литературного произведения и основы театрального творчества. Авторы предполагают дальнейшее исследование данного жанра, включая анализ причин его угасания в Южной Корее, несмотря на все попытки государственного аппарата в лице Министерства культуры Республики Южная Корея.

Ключевые слова: пхансори, традиционное корейское искусство, исполнительное искусство, корейская литература, народное корейское творчество.

Для цитирования: Хузина А.И., Васильева Е.В. Пхансори как жанр корейской литературы: понятие и особенности. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(3): 101-105

В наше время корейская культура, как современная, так и традиционная, классическая вызывает все больший интерес не только в странах Юго-Восточной Азии, но и по всему миру. С каждым годом такого рода интерес только возрастает. Для более глубокого понимания не только культуры Кореи, но и самосознания представителей корейской нации, нам стоит обратиться к традиционной литературе. Она выполняет образовательные функции,

independent genre of traditional Korean literature. The article highlights the main features of pansori, as a literary work and the basis of theatrical creativity. The authors suggest a further study of this genre, including an analysis of the reasons for its fading in South Korea, despite all the attempts of the state apparatus in the person of the Ministry of Culture of the Republic of South Korea.

Key words: pansori, traditional Korean art, performing art, Korean literature, national Korean art.

For citation: Khuzina A.I., Vasilyeva E.V. Pansori as a genre of Korean literature: meaning and particular qualities. Modern oriental studies. 2019; 1(3): 101-105

показывая на примере литературных героев идеал человека того или иного времени. Кроме того она выполняет познавательную функцию, позволяя иностранцам полнее понять традиционный корейский менталитет.

С учетом скорости модернизации современного мира и общества некоторые аспекты традиционного национального искусства достаточно часто уходят в тень и могут пропасть вовсе, что будет большой трагедией для конкретного

народа и мира в целом. Пхансори, как жанр корейской литературы, одновременно являющийся формой театрального искусства, в настоящее время переживает не самые лучшие времена, не смотря на все попытки государства сохранить данный вид искусства в его традиционном виде. Именно поэтому в нашем кратком исследовании мы рассматриваем понятие, основное содержание пхансори и его оригинальность в традиционном для корейцев понимании.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При работе над данной статьей нами был использован ряд источников, посвященных детальному изучению пхансори как с точки зрения его литературной составляющей, так и как разновидность традиционного для Кореи театрального действия. Наиболее значимым, на наш взгляд, исследованием, посвященным изучению традиционного содержания и филологических особенностей рассматриваемого нами литературного источника, выступает работа Чан Е. Парка «Пхансори с литературной точки зрения». Более подробный перечень задействованных источников нами изложен в библиографии. В ходе работы над данной статьей нами были использованы методы сравнительного анализа, метод исследования литературных особенностей традиционных литературных источников, метод ретроспективного анализа.

На симпозиуме 1966 года обсуждение «Вопроса о жанре пхансори» завершилось знаменитым заявлением «Пхансори это Пхансори»[1, р.79-83]. Это остается важным свидетельством литературной сложности пхансори, как амальгамы поэзии, драмы, повествования,

вокала и музыки. Появившись из древней корейской устной речи, пхансори поднимает интригующий вопрос: как устная речь, уровень грамотности и технологии записи на концерте помогают передать стиль пения, который давно вышел из обращения в популярной сфере.

С этимологической точки зрения слово пхансори представляет собой смесь двух слов: пхан и сори. Пхан имеет несколько значений. Пхан означает место сбора, места для выступлений или место, где происходит выступление. В частности, в традиционной корейской обстановке пан относится к традиционным домам корейских аристократов или, традиционно, к соломенным циновкам, выложенным на рыночных площадях. Он может также относиться к исполнителям, демонстрирующим свой опыт перед большой аудиторией, или к процессу развлечения аудитории[2, р. 61-91]. Сори означает вокальный звук или голос, или вокальное выступление, в котором чередуются спетые и произнесенные слова.

С культурной точки зрения, пхансори - это наиболее известное корейское традиционное искусство представления. Это музыкальная драма, состоящая из двух выступающих - певца или солиста и барабанщика. Представление вращается вокруг певца, чье вокальное исполнение состоит из спетых слов, произнесенных слов или повествования и языка тела или миметических жестов. Барабанщик сопровождает вокальное выступление ритмичными ударами в барабан и словами ободрения. Песня имеет фиксированные ритмические циклы и ряд мелодий. Исполнитель меняет ритмические циклы и мелодии в соответствии с различными настраиваниями текста или аудитории [3, р.35].

В традиционной обстановке пхансори певец обычно сопровождает повествование на определенную тему драматическими выражениями лица и тела, а также мелодичными или ритмическими импровизациями, призванными сделать выступление более живым. Певец представляет всех персонажей в тематической истории с помощью варьирования тона и высоты тембра. Барабанщик усиливает волнение исполнения ритмичными звуками и словами. Аудитория также участвует в выступлении с криками ободрения, чтобы поддержать и мотивировать исполнителя [4, p.2].

Литература обычно ассоциируется с письменными или печатными материалами. Её границы, однако, постоянно сталкивались с такими альтернативными текстами, как устный текст, живопись, иллюстрация, рассказывание историй, фильм или гипертекст. Перемещаясь между рассказом и повествованием, разговором и пением, чтением и сценическим выступлением, прошлым и настоящим, пхансори также разграничивает литературу. Оно литературно, но свободно от традиционных основ литературных дисциплин, музыкально, но ограничивается музыкой, театрально вне установленных парадигм театра. Канонизация обатанг, «пяти повествований пхансори», отвечает на расположение эпоса в абсолютном прошлом. Отброшенный как прошлое Кореи, его музыкальный стиль больше не применяется, но используется в своей завершённой общей форме [5, p. 15] с помощью миметического обучения.

Пхансори, по сути, является продуктом серийной техники многих певцов, создаваемой в течение длительного периода времени. Та-

ким образом, хотя певец получает устоявшуюся традицию, он также привносит в неё новые элементы. Основная сюжетная линия конкретного пхансори будет общей для всех спектаклей, но детали могут отличаться у отдельных исполнителей, а также изменяться от одного представления к другому[6, p.5].

ВЫВОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Образуюсь от нескольких этимологических значений, пхансори может быть определено как традиционная форма исполнительского искусства, где исполнители поют перед аудиторией для удовольствия и нравственного обучения.

Пхансори процветает гораздо меньше на импровизации или новой композиции, чем на сохранении своего прошлого. Тем не менее, его исполнение далеко от поверхностного, так как это не точная реконструкция прошлого, но продолжающееся прошлое. Это не ценится по-смертно в фиксированной литературной форме, но как живое исполнение «национального достояния» живым исполнителем.

Полагаем возможным сделать вывод, что эпическая жизнь пхансори включает в себя весь процесс появления его традиций и сохранения традиций: древнее образование, распространение, модернизация, сохранение, повышение ценности, педагогика, адаптация и исполнение здесь и сейчас [7, . p.15].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Seo Daeseok cites Gang Hanyeong in 'Issues in Pansori Research,' in Seoul Journal of Korean Studies, vol.1. Seoul, Korea: Hanyang University Press, 1988. p.79-83.

2. National Gugak Centre. «Repertoire of Pansori?» The national center for Korean traditional performing arts press. 2010. p. 61-91.
3. Kuh Ja-Kyoung. "The Use of Traditional Korean Compositional Techniques in Isang Yun's Opera "die Witwe Des Schmetterlings" (the Butterfly Widow): Combining Eastern Musical Values and Concepts within the Context of Western Practice." Thesis. Tucson, Ariz.: University of Arizona., 2009. p.35.
4. Thomaidis, Konstantinos. "Between Preservation and Renewal: The Use of Recording Devices in Modern Pansori Training". Thesis. University of Portsmouth. Axminster, Devon, United Kingdom: Triarchy Press. 2013. p.2.
5. Mikhail M. Bakhtin, The Dialogic Imagination. Ed. Michael Holquist, trans. Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981. p. 15.
6. Marshall R. Pihl, «The Korean singer of tales». Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. p.5.
7. Chan E. Park. «Voices from the Straw Mat: Toward an Ethnography of Korean Story Singing». University of Hawaii Press, 2003. p.15.
4. Thomaidis, Konstantinos. "Between Preservation and Renewal: The Use of Recording Devices in Modern Pansori Training". Thesis. University of Portsmouth. Axminster, Devon, United Kingdom: Triarchy Press. 2013. p.2.
5. Mikhail M. Bakhtin, The Dialogic Imagination. Ed. Michael Holquist, trans. Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981. p. 15.
6. Marshall R. Pihl, «The Korean singer of tales». Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. p.5.
7. Chan E. Park. «Voices from the Straw Mat: Toward an Ethnography of Korean Story Singing». University of Hawaii Press, 2003. p.15.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Seo Daeseok cites Gang Hanyeong in 'Issues in Pansori Research,' in Seoul Journal of Korean Studies, vol.1. Seoul, Korea: Hanyang University Press, 1988. p.79-83.
2. National Gugak Centre. «Repertoire of Pansori?» The national center for Korean traditional performing arts press. 2010. p. 61-91.
3. Kuh Ja-Kyoung. "The Use of Traditional Korean Compositional Techniques in Isang Yun's Opera

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Huzina Alina Ilshatovna

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

khuzinaalina27@gmail.com

Vasil'eva Elizaveta Vyacheslavovna

Student of Kazan Federal University

Принята к публикации: 05.10.2019 г.

Submission Date: 2019.10.05.

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ**

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании**

**«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА ЯЗЫКЕ
НАПИСАНИЯ СТАТЬИ

ФИО (полностью)¹, ФИО (полностью)² и т.д.
Место работы¹, Место работы² и т.д.
электронный адрес (первого автора)

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: слово(5-7)

Abstract (на языке написания статьи)

Text

Key words: word (5-7), на языке написания статьи

Для цитирования: ФИО. Название статьи
(курсивом). Современные востоковедческие исследова-
ния. Год публикации; Том (Номер выпуска):

Образец на русском: Магдеев Р.Р., Халиуллина
А.А. Динамика экономических отношений между
Россией и Японией: основные мотивы. Современ-
ные востоковедческие исследования. 2019; 1(2):

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. Dy-
namics of economic relations between Japan and
Russia: basic motives. Modern oriental studies.
2019; 1(2):

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(на усмотрение автора)

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Таблица 1. Название таблицы

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

ВЫВОДЫ

Текст

Рис. 2: Название диаграммы

ЛИТЕРАТУРА

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78–86.
2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

- Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.
4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M. (2011). *Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]*. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Shmeleva, T.V. (1997) *Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy* [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkovoy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) *Uroki Beloshapkovoy* [Lessons of Beloshapkovoy]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) *Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike* [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkovoy and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkovaya, T.V. (2001) *Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy* [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Beloshapkovaya]. In: Beloshapkovaya, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) *Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy* [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkovaya]. Moscow: Indrik.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD Alfiya Alikberova

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

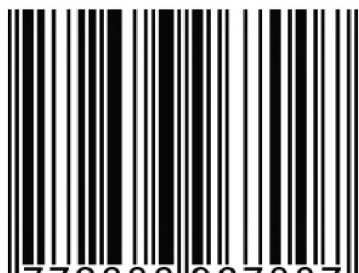
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia

alfikas@mail.ru

Принята к публикации: (фразу вписать, даты проставляет Редколлегия после получения рецензии)

Submission Date:

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >